Муниципальное бюджетное учреждение культуры
Петрозаводского городского округа
"Централизованная библиотечная система"
Центральная городская библиотека им. Д.Гусарова
Информационно-библиографический отдел

« И в подвиге есть место красоте...»

(Женщины Карелии в годы Великой Отечественной войны)

Библиодайджест
Вып. I.

Петрозаводск
2011

Ответственный за выпуск: Кырнышева Е. Ю.

Составитель: Бунакова М. В.

Компьютерный набор и дизайн: Бунакова М. В.

Фото с сайтов Интернет

Республика Карелия
Администрация Петрозаводского городского округа
Управление культуры
Муниципальное бюджетное учреждение культуры
Петрозаводского городского округа
"Централизованная библиотечная система"

Тел.: 8(814)74-42-31
http://biblioteka.ptz.ru/
E-mail: centr_library@mail.ru

От составителя 4

Глава 1. ЖЕНЩИНЫ НА ФРОНТЕ 5

Снайперы 5
Летчицы 9
Войска противовоздушной обороны 14
Минеры 16
Зенитчицы 18
Шоферы 22
Служба милосердия 23
(врачи, медицинские сестры, фельдшеры, санитарки) 23
Радистки 33

Глава 2. ФРОНТ В ТЫЛУ ВРАГА 35

Партизанки, подпольщицы 35
Радистки-подпольщицы 36
Разведчицы 46

Глава 3. ТЫЛ – ФРОНТУ 51

Женщины-машинисты паровозов 51
Лесной фронт 52
Работа в колхозах, ловля рыбы 54
Работа на заводах 58
Телефонистки, телеграфистки 58
Швеи 63
Прачки 64

Список использованной литературы 68

От составителя

Всё самое дорогое и святое, что есть на Земле, связано с женщиной. И не случайно такие важные в жизни каждого человека слова как честь, совесть, слава, победа, война, битва - слова женского рода. Женщина и война... Оба эти слова женского рода, но как же они несовместимы... Пережить огонь, ужас войны способны очень сильные люди, поэтому принято считать войну мужским делом, но русские женщины ничем не уступали мужчинам. «Не женское это дело - воевать», но если Родина призывает на защиту жизни, любви, свободы, то уже не имеет никакого значения, какого ты пола.

В период Великой Отечественной войны в армии служило 800 тысяч женщин, а просилось на фронт ещё больше. Женщины воевали наравне с мужчинами в партизанских отрядах, летных подразделениях, были разведчиками, саперами, телефонистками, врачами, медицинскими сестрами, трудились в тылу.

Они заменили мужчин у станка, за рулём трактора, шли за плугом в поле, валили лес, собирали автоматы и делали многое другое, что невозможно было бы представить в мирной жизни, и ждали и верили, что близкие вернутся живыми и невредимыми. Имена тысяч павших героинь высечены на обелисках, запечатлены в произведениях литературы и искусства.

За годы войны более 150 тысяч женщин за героизм и мужество, проявленные в боях, награждено боевыми орденами и медалями, из них 86 стали Героями Советского Союза, 4 – полными кавалерами ордена Славы.

В сложной обстановке женщины часто становились образцом нравственной высоты и примером образцового выполнения воинского и человеческого долга. Трудно найти слова, достойные того подвига, что они совершили. Не перечесть всех имён и фамилий, да в этом и нет нужды.

Важнее склонить голову перед памятью соотечественниц уже ушедших и успеть отдать дань уважения тем живым, чья юность пришлась на огненные 1940-е.

Тематический сборник «И в подвиге есть месть красоте…» включает в себя воспоминания и интервью 60 женщин Карелии и Петрозаводска, своими боевыми и трудовыми подвигами, приблизившими Великую Победу.

Издание адресовано молодежи - учащимся школ, колледжей, студентам.

Глава 1. ЖЕНЩИНЫ НА ФРОНТЕ

До сих пор не совсем понимаю,
как же я, и худа, и мала, сквозь
пожары к победному Маю в
кирзачах стопудовых дошла!
И откуда взялось столько силы
даже в самых слабейших из нас?
Что гадать! Был и есть у России
вечной прочности вечный запас.
Ю.Друнина

СНАЙПЕРЫ

Снайперы Карельского фронта
на огневой позиции

Н. Князева (Насыпова)

…Мне тоже довелось повоевать на Карельском фронте. Боевой счёт открыла 29 апреля 1944 года в 8 часов 15 минут утра, как свидетельствует запись в моей снайперской книжке. Это произошло так. В час ночи мы вышли из землянки, расположенной на высоте "Артиллерийская", и направились к передней линии нашей обороны. Ещё лежал снег, у нас всех были белые маскхалаты. Стоял очень густой туман, но он вдруг быстро рассеялся, и мы увидели из ячеек сопки "Белая", "Курдюк" и "Верблюд", занятые врагом. Вижу в оптический прицел, во весь рост идёт к проволочному заграждению немец. Я растерялась, признаюсь, как-то страшно было первый раз по живому стрелять. Но знаю, что время терять нельзя, выстрелила - и попала.

В одном месте - между сопками - фашистский снайпер часто "снимал" наших бойцов. Командир подразделения поставил перед нашей снайперской парой задачу: "Чтобы здесь было тихо, девчата. Уничтожьте его". Ночью мы выползли на нейтральную зону. Первый день прошёл без успеха, а на следующий день мы всё же обнаружили врага. Стали ждать удобного момента, чтобы получилось наверняка. Пошли даже на большой риск: показались на мгновение. Но только он прицелился, мы его опередили. Теперь можно было ходить между сопками. От командования мы получили благодарность.

В октябре 1944 года началось наступление наших войск. В одном из первых боёв под Петсамо я была ранена. Госпиталь в Петрозаводске. Пока там лежала, Северный фронт закончил военные действия и наша 10-я Гвардейская стрелковая дивизия отошла на переформирование в тыл. Должна заметить, что из госпиталей после выздоровления, не многие возвращались в свои части, как правило, главным образом Гвардейцы. Так 23 декабря я вернулась в свою часть. За бои на Северном фронте была награждена медалью "За отвагу"…

15 января 1945 года наша дивизия влилась во 2-й Белорусский фронт. Освобождали многие польские города, в том числе Гдыню. За участие в боях на 2-м Белорусском фронте

получила орден Красной Звезды. Пришлось нам работать санитарками, развозить почту на переднем крае по подразделениям, эвакуировать раненых. День Победы нас застал в Щецине. Было солнечно и тепло. И сколько было радости и веселья !...[1]

Б. Каган

ДЕВУШКИ ИЗ НАШЕГО ПОЛКА

Вера Дмитриевна Богданова, Екатерина Федоровна Тимофеева

В минуты отдыха солдаты любят вспоминать первый день войны. .И кажется он таким далеким, что иной раз не верится - был ли он, этот день, когда мы с небывалой силой почувствовали всю прелесть тишины и всю огромную значимость пройденного пути.

Утро 22 июня 1941 года… Об этом дне, который только к полудню стал в ее сознании днем войны, часто вспоминает теперь сержант Екатерина Тимофеева.

В тот же день она отправилась к месту службы, в Петрозаводск. Перед ней не возникал вопрос - что делать? Война - значит надо воевать, война - значит ее место в солдатском строю. Ведь на ее честь - русской девушки, на ее права, на ее свободу советского человека посягнул враг, значит - началась ее война.

- Вы же понимаете, мы - комсомолки, - говорили Тимофеева и ее подруги военному комиссару. Девушки считали, что они приводят самый убедительный довод.

19 июля сандружинницы были приданы истребительному батальону и отправились на фронт. Это были дни, полные горечи военных неудач. В те дни увидели войну и наши девушки. Неумело накрученная портянка заставляла страдать, а страдания первого раненого приводили в отчаяние.

В составе мотострелкового полка истребительный батальон с марша вступил в бой. В первый же день боя на батальонный медицинский пункт, где работала Катя Тимофеева и ее подруга Вера Богданова, бывший бухгалтер Кировской дороги, привезли много раненых. Полк с боем отступал. Врачи и сестры работали под ожесточенным минометным огнем противника и отходили последними. Эвакуация раненых задерживалась, не .хватало транспорта. Тяжелыми дорогами войны шли со своим полком девушки-санинструкторы.

Они сопровождали полк и во время его похода в тыл врага. Они выстояли, выдержали, стойкие и мужественные девушки нашего полка - комсомолки Катя Тимофеева и Вера Богданова…

Подруги пришли к командиру с просьбой:

- Разрешите нам учиться на курсах снайперов. Командир встретил эту просьбу, как шутку. Тогда среди снайперов не было девушек.

- Девушки-снайперы? Это новое в военном деле.

- Товарищ командир, мы - комсомолки!

- Ну и работайте в медсанбате.

И все же подруги-комсомолки были посланы на курсы снайперов, хотя, конечно, командир был прав: девушки-снайперы - это дело новое. Да мало ли нового внесла война в мысли и чувства русских людей, мало ли нового внесли русские люди в военное дело! ...7 ноября 1942 года красноармеец Е. Тимофеева убила вражеского солдата.

- Как я боялась,- рассказывает Тимофеева.- Мне все казалось, что я обязательно промахнусь... Снайпер Тимофеева стреляла верно. Когда пуля идет от сердца, кажется, - не

[1] _http://www.airaces.narod.ru/snipers/index_w1.htm-Женщины-снайперы в ВОВ

ствол винтовки придает пуле направление, а воля стрелка, его ненависть к врагу направляет пулю...

Ее мать, Мария Ларионовна, пишет ей: «Бей, Катюша, фашистов, бей нещадно, а сама обязательно оставайся живой». Тимофеева смеется: «Я обещала маме, что обязательно останусь живой. Пока, как видите, свое слово держу по-комсомольски...»

Они неразлучны, девушки нашего полка. В бою и на учебе мы видим их рядом. 9 ноября 1942 года подруги вышли, как говорят снайперы, «на охоту». Они выдвинулись за передний край нашей обороны. До противника - 300 метров. Девушки замаскировались. Закон снайперов: видеть врага - быть невидимым врагом. Ждать пришлось долго - фашисты не показывались. Наконец Богданова заметила движение в лесу. Переползал белофинн. Оптический прибор снайперской винтовки приблизил к самому глазу Богдановой голову приподнявшегося фашиста.

- Теперь спокойно нажать и плавно спустить крючок, - так учили ее, так сотни раз она делала на учебных стрельбах. Сейчас в стеклах объектива - не яблочко мишени, а живой фашист. Ствол винтовки направлен на врага. Этим выстрелом Вера Богданова открыла свой счет мести.

В другой раз было так. Тимофеева убила одного вражеского солдата, а финский снайпер — он лежал в замаскированной ячейке — начал целиться в нее. Его убила Богданова. Теперь на её счету 15 фашистов.

Богданова Вера Дмитриевна и Тимофеева Екатерина Федоровна — снайперы 1068-го стрелкового полка 313-й стрелковой дивизии. В сентябре 1943 г. обе были награждены: Богданова — медалью «За боевые заслуги», Тимофеева — медалью «За отвагу».

Она говорит: «Самое радостное в нашей жизни — когда ясно видишь, как враг падает, сраженный твоей пулей».

Придут другие дни, а с ними и другие радости. А сегодня— солдатская радость девушек из нашего полка — когда враг падает замертво.

Им есть о чем вспомнить, нашим девушкам, есть о чем помечтать. Но, когда от роду 24 года, не о каждой мечте расскажут смеющиеся сержанты-подруги даже друг другу. И только об одной мечте подруги нам рассказали. Они хотят после войны вернуться на Кировскую железную дорогу. Об этом они иногда и мечтают.

Они любят транспорт. На Карельском фронте с оружием в руках защищают они свою дорогу. Они не только мечтают - они сражаются за свою мечту. А такие всегда познают радость осуществленной мечты.[2]

[2] В грозные годы. Петрозаводск, 1970. С. 42-46.

М. Логинов

Снайперы 10-й Гвардейской СД

Второй батальон нашего полка занимал высоту "Орлиное гнездо" - до противника метров 500, на нейтральной полосе - болота, заваленные глубоким снегом, а за снежной равниной, похожей на накрахмаленную и отутюженную скатерть, - 2 высоты, где засел враг: сильно укреплённые опорные пункты с круговой обороной. К тому же подходы к этим высотам заминированы, перегорожены проволочными заграждениями в 2 - 3 кола и спиралями "Бруно", траншеи у врага полного профиля, ячейки, в которых установлены станковые и ручные пулемёты, хорошо замаскированы. Так фашисты прочно "засели" в оборону.

Первый и третий батальоны находились во втором эшелоне, километрах в 3-х от переднего края. Командир первого батальона Гвардии капитан Ж. Х. Карачаев отсутствовал, когда зазвонил телефон, и связист передал трубку мне: в те дни я был заместителем комбата по политической части. По голосу узнал, что на том конце провода начальник штаба полка.

-Явитесь сюда, получите "гвоздики", - "гвоздиками" называли у нас пополнение…

Все они прибыли в Карелию, в наш полк, после окончания снайперской школы. И все они были из Кузбасса: Лиля Райковская, Мария Беспалова, Лидия Бицуцкая, Лидия Прыткова, Мария Романова и Антонина Бойкова.

Вышли из тёплой землянки на улицу. Высоко в небе светила луна. У каждой девушки за плечами вещевые мешки. Одеты тепло: в полушубках и валенках, в шапках - ушанках. Обмундирование подогнано по росту. В руках новенькие снайперские винтовки. Веду их в расположение своего батальона и думаю: "С жильём плохо. Землянки переполнены, а новые строить некогда, да и строительного материала нет. Где же их поместить ?" Ввёл девушек в землянку, в которой жили мы с комбатом.

После 2-дневного отдыха снайперов передали командиру первой стрелковой роты. Она ближе других находилась к обороне фашистов, её позиции уступом вклинивались в нейтральную полосу. Как-то прохожу по траншеям и слышу разговор: "Ну и пополнение нам прислали", - говорит один боец. "Да, берегись теперь, фашист !" - с насмешкой произнес другой. Сделал им замечание, объяснил, что девушки - мастера меткого огня. Однако понимаю, что выпускницы школы должны ещё заслужить признание бойцов.

И они вскоре заслужили его. На морозе, в маскхалатах снайперы по 15 - 17 часов в сутки, а иногда и того больше, выслеживали врага, не шелохнувшись, чтобы усыпить бдительность противника, какой - нибудь мелочью не выдать себя и послать в захватчика меткую пулю…

За каждой девушкой - снайпером были закреплены определённые огневые точки противника, которые они должны держать под постоянным обстрелом. Так что кончилась безнаказанная, беспечная жизнь гитлеровцев в сильно укреплённой обороне переднего края.

Девушки работали добросовестно. Возвращаясь в землянку с "охоты", падали на топчан и мгновенно засыпали от усталости. Но на трудности не жаловались. Каждый день увеличивали счёт уничтоженных гитлеровцев. В батальоне теперь знали девушек - снайперов в лицо, относились к ним почтительно, уважая за смелость и находчивость, храбрость и мужество. Их мастерству по уничтожению фашистов дал высокую оценку побывавший у нас прославленный снайпер Заполярья Герой Советского Союза Сайд Алиев.

Однажды под прикрытием Августовского тумана девушки - снайперы заняли подготовленные заранее позиции. Лежали долго. Подул ветер, развеял туман. Через оптический прицел Лида Бицуцкая заметила перед траншеями врага 2 чуть заметные кочки. Что это ? Как будто вчера их не было. Стала особо внимательно наблюдать.

Через несколько часов показалось, что одна из кочек шевельнулась. Лида приникла глазом к оптическому прицелу. От напряжения слезились глаза. Лицо облепили комары и мошкара, но отогнать их нельзя - выдашь себя. Вот "кочка" опять пошевелилась, и этого было достаточно: Лида плавно нажала спусковой крючок, прогремел выстрел. И тут же Бицуцкая быстро переползла на запасную позицию, прицелилась и поразила вторую "кочку". Значит, ещё 2 фашиста нашли себе могилу в тундре Заполярья. В ответ враг открыл сильный

огонь из пулемётов и миномётов по переднему краю нашей обороны. А того и надо было нашим наблюдателям: они засекли огневые точки противника.

Лида прижалась к валуну, и в этот момент осколком снаряда разбило оптический прицел. Наша артиллерия заставила противника замолчать. Лида, сильно расстроенная, вернулась в землянку. Вскоре к снайперам пришёл командир полка Гвардии подполковник С. П. Лысенко.

- Не переживай, - сказал он. - Сама цела, а это главное. Винтовку дадим новую, а фашистам, убитым тобой, уж больше не топтать нашу священную землю.

Добрая слава о девушках - снайперах шла не только в нашем 24-м стрелковом полку, но и по всей дивизии. Говорили солдаты, что девушки не боятся ни мин, ни снарядов, а свои пули пускают очень точно, поражая врага на расстоянии 500 - 600 метров. Просто молодцы ! Наступила осень - самое удобное время для "охоты" снайперов и действий разведчиков: сопки и долины оделись в "маскирующий" наряд.

В один из дней командир взвода разведки Гвардии лейтенант Фёдор Кравченко получил задачу: взять "языка". "Язык" был взят удачно, без потерь у разведчиков. Пленный молчал двое суток. А когда разговорился наконец, сказал, что командование предупредило их: в оборону русских, мол, прибыли сибирские снайперы, умеющие поражать цель на большом расстоянии. В нашей обороне на самом деле действовали снайперы - мужчины с большим фронтовым стажем: Умнов, Докучаев, Нечаев, Морозов, однако к тому времени и на счету у каждой из девушек было по 8 - 10 убитых гитлеровцев...

О выпускницах школы, их боевом мастерстве и смелости можно рассказывать без конца. Я хочу здесь лишь добавить, что в Петсамо - Киркинесской наступательной операции девчата были и снайперами и санитарками. Многие воины обязаны им жизнью. В их числе В. М. Дубинин, Герой Советского Союза, Р. А. Антонов, К. Н. Салтыманов и другие.[3]

ЛЕТЧИЦЫ

О. Малышева

В небесах мы летали одних…

Татьяна Ивановна Конюхова

В 1944 году Тамара получила назначение в 586-й авиационный полк.

- Летала на истребителе «Як-9».

У нас были очень хорошие летчики, - вспоминала Тамара Ивановна.

О себе она говорит мало. А между тем на ее счету около тридцати боевых вылетов.

Вместе с полком принимала участие в Корсунь-Шевченковской операции, в переправе через Дунай, воевала в Венгрии, Румынии, Австрии, награждена орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней. У истребителей на войне особые задачи. Они прикрывали боевые позиции наступающих подразделений, атаковали вражеские самолеты, обстреливали из пулеметов и пушек части противника, эскортировали бомбардировщики и штурмовики, сопровождали самолеты…

И еще были ответственные операции - перехват. Летчики в полной боевой готовности дежурили в самолетах на земле. Красная ракета - сигнал на взлет. Уже в воздухе по рации им сообщали курс, направление, скорость. Задача - догнать и уничтожить противника.

[3] URL: http://www.airaces.narod.ru/snipers/index_w1.htm

Тамара отдыхала после дежурства, когда ее подруги Рая Сурначевская и Тамара Памятных по сигналу поднялись в воздух: немецкие бомбардировщики — 42 машины! Летчицы уничтожили 4 бомбардировщика. При этом самолет одной из девушек был подбит, но она выпрыгнула с парашютом, а другой удалось посадить свой самолет на поле, «на брюхо». Летчиц спасли. Сколько тогда пережили все, лучше уж самой быть в воздухе!

В кабине самолета летчик один. Ему надо поддерживать связь со своим напарником и с землей, следить за приборами, за работой двигателя, следить за воздушной обстановкой вокруг. Обнаружил противника - не выпускай из виду, пока не удастся занять выгодное положение и... атака.

Такие полеты, даже если нет боя, даются непросто.[4]

А. Гордиенко

Штурман небесного тихохода

Анна Федоровна Хижная

…И вот мы свиделись. Анна Федоровна просто, незатейливо, а главное, искренне неторопливо рассказывает о себе. Родилась Аня Петрова (это ее девичья фамилия) в деревушке Матвеева Сельга Шелтозерского района. Потом родители переехали в Петрозаводск. Через два года отец погиб на сплаве, мать пошла работать уборщицей. Аня училась в 9-й школе.

-В 10 лет пришло ко мне это желание и вот не покидает даже сейчас. Летать. Летать любой ценой. Добиться, чего бы это ни стоило...

Но добиваться не особенно пришлось. В1940 году, когда исполнилось 16 лет, я записалась в аэроклуб сразу, и тут же на медицинской комиссии признали, что у меня плохое зрение. Не знаю, как я это пережила, но жизнь уже не казалась мне такой радостной и веселой, как она кажется всем девчонкам в 16 лет...

Однако скоро началась война. Пять раз Аня приходила к военкому.

- У меня девять классов. Я могу делать перевязки, пошлите на фронт...

Ее выпроваживали, и она уходила со словами, что вернется завтра…

На лошадях по снежным заметам ездили в городок Елово выступать в госпитале перед ранеными. Выступали часто, и Аня приметила лежавшего у окошка молодого парня с забинтованной головой. Она всегда садилась на стульчик подле него, раненый торопливо находил ее горячую руку, шептал всегда одно и то же.

- Как я тебе завидую. Все говорят, что ты красивая, что у тебя красивые глаза. Ты видишь. А я летчик, слепой летчик... Что мне делать?...

Аня продолжала осаждать теперь здесь, в эвакуации, районный военкомат. И вот 15 мая 1943 года она получила долгожданную повестку. На фронт, кем угодно, только на фронт. Но судьба была милостива к ней: Аню направляют в Тбилисскую школу младших авиационных специалистов, а в декабре 1943-го она уже техник-моторист 790-го авиационного истребительного полка.

- Вот здесь-то мне и сказали ребята, что есть такой женский полк, что летают они на «ПО-2». Сколько я рапортов написала... Как-то раз приехал к нам генерал, командир нашей дивизии. Я к нему. Тут еще и командир полка за меня слово замолвил. Помог генерал!

Новый 1944 год я встречала уже в 46-м гвардейском Таманском Краснознаменном, ордена Суворова авиационном полку ночных легких бомбардировщиков…

…Полк наш был основан знаменитой летчицей Мариной Михайловной Расковой. Сначала назначили меня техником по вооружению, но я не теряла времени даром. Уговорила штурмана полка, Героя Советского Союза Женю Рудневу, и та зачислила меня на свои курсы

[4] Война у каждого своя. Петрозаводск, 2005. С. 133.

штурманов. Но не пришлось Жене увидеть, как я поднялась в воздух: сбили ее. Погибла Женечка.

И вот наконец мой первый боевой вылет. Он прошел успешно. Зато на следующую ночь... Полетели. Только отбомбились, и нас взяли «в вилку» немецкие прожектора. Как я напугалась! Не так страшны разрывы зенитных снарядов, как слепящий свет прожекторов в темной ночи. Позднее, правда, привыкла. Потрепали нас зенитки, и наконец вырвались мы из прожекторов — летчица опытная была, Магуба Сыртланова, татарка, но мы ее звали почему-то Мартой, позднее ей присвоили звание Героя.

В общем, когда вышли мы с ней из зоны огня, оказалось, что я, штурман, не знаю, куда лететь. Летали, летали — нигде не видно передовой. Подходит к концу бензин. И тогда я каким-то чутьем предложила Марте повернуть самолет на 180 градусов. Вскоре мотор стал давать перебои, вышел бензин, и мы сели.

Картофельное поле, раскисшее под весенним дождем. Где мы? Сидим в самолете. Достали пистолеты. При этом я не выпускаю из рук гашетку пулемета. Пусть только сунутся фрицы. Когда прояснилось, оказалось, рядом деревня. Я постучалась в первый дом. Открыла женщина, полячка. Испугалась меня, моего пистолета. Спрашиваю, где немцы, а она мне одно:

-Пани лотник, пани лотник...

Наконец добилась от нее — сели мы на своей территории. Камень с плеч моих упал. Через час все село сбежалось от мала до велика. Подняли поляки наш самолет буквально на руки, вытащили с огорода и катили четыре километра по асфальту до какого-то аэродрома, где базировались наши штурмовики. Летчики наши накормили нас, залили бензин, и мы полетели.

Через два часа были дома, а там уже плач стоит. Докладывает Сыртланова, потом я докладываю командиру полка майору Бершанской. Ничего она не сказала мне ни хорошего, ни плохого. Через пару дней подошла ко мне Марина Чечнева, капитан, Герой Советского Союза, лучшая наша летчица.

- Ты как же это догадалась самолет повернуть назад?

- Чутье у меня, — говорю. — В тайге карельской родилась. За ягодами, за грибами сызмала ходила. Ни разу не заблудилась. Затылком чую, где дом родной.

Только чутье это мне дорого стоило — через два дня я совсем поседела, а шел тогда мне всего лишь 20-й год.

Забрала меня к себе в свою эскадрилью Чечнева после того разговора. Днем спим, ночью полеты. За ночь пять-восемь вылетов, а однажды восемнадцать раз поднимали нас на бомбежку!

До передка, до немцев не очень далеко было. Сыпала я им в окопы и бомбы, и гранаты, из пулемета била, ежели огрызались...

Анна Федоровна достает старую «авиационную планшетку», в ней заботливо сложены старые карты, красным карандашом отмечены места бомбежек: Данциг, Штетцин, Пренцлау, Росток, десятки маленьких городов.

Затем она дает мне в руки самое дорогое — боевую штурманскую книжку. В ней записано все. Боевые вылеты, количество бомб, повреждения, нанесенные противнику, населенные пункты, укрепления немцев, которые бомбили.

Всего штурман Анна Петрова совершила 207 боевых вылетов, провела десятки фотографирований объектов. Сбросила 27660 килограммов бомб и 295 тысяч листовок.

...Листаю страницы штурманской книжки. Читаю благодарности командующего 4-й воздушной армией, ныне главного маршала авиации, Вершинина. Анна Федоровна награждена орденом Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За взятие Варшавы»…[5]

[5] ТВР-Панорама. - 2007. - 9 мая. - С. 10.

И. Радкевич

"Дочка, война началась!"

Тамара Федоровна Кутузова

– 22 июня 1941 года у меня был выпускной вечер, – вспоминает Тамара Кутузова. – Сначала мы прощались с учителями, а потом пошли на речку встречать солнце. Утром возвращаюсь домой, а папа мне и говорит: "Дочка, война началась!"

В военкомате, куда отправились Тамара и ее подруги, девчонкам ответили, что их год не призывной, и на фронт не взяли. Но немец шел быстро и раненых было так много, что ближайший полевой госпиталь не справлялся с работой. И шестерых комсомолок, включая Кутузову, взяли в него вольнонаемными. Потом девушек перевели в эвакогоспиталь. А 18 августа 1941 года они попали в окружение.

– Выбивались мы из него аж до октября, – вспоминает Тамара Кутузова. – Шли через леса, проселочными дорогами. Когда вышли, были все опухшие, оборванные, голодные. Нас же никто не кормил. Пока была картошка на колхозных полях, мы ее копали и пекли ночами в лесах.

После окружения девушек поместили в пересыльный пункт, а через некоторое время от молодого человека в военной морской форме они узнали, что уезжают. Куда? Тогда им об этом не сказали.

– Не знаю, сколько суток мы ехали, – говорит Тамара Федоровна. – Приехали, выгружаемся... Москва. Нас построили и куда-то повели.

Оказалось, что привезли их в объединенную военно-морскую школу. Тамару Кутузову зачислили курсантом в 4-ю роту, во взвод электриков.

– В нашей школе учились 1000 девочек и 1000 ребят, – говорит женщина. – Но мы никогда друг друга не видели. Совершенно. Учиться было тяжело. Командиры у нас все были уже раненные. Они знали, что нас ждет, и очень строго нас обучали…

Тамара Кутузова попала в морскую авиацию. Работала мастером по зарядке самолетных аккумуляторов.

– Летчик ведь один летает, – говорит Тамара Федоровна. – Остальное все делают другие люди. Ни один самолет не мог подняться без аккумулятора. Ни одна рация не могла работать без аккумулятора. Все это делала я. В большой Победе над врагом есть и частичка моего труда.

Когда парня, под руководством которого работала Тамара Федоровна, перевели на другое место работы, ее назначили начальником зарядно-аккумуляторной станции авиабазы. Тамара Кутузова вспоминает, как в 1944 году к ним в часть приехал командующий морской авиацией генерал-лейтенант Жаворонков:

– Я в это время делала перетяжку движка. Вылезаю из-под него, руки все в масле, вижу – генерал стоит. Я аж вытянулась. А он удивился: "Девушка?" Ну, говорит, я первый раз за всю свою жизнь встречаю женщину в этой должности. Спросил, долго ли я работаю и что буду делать после войны. Я ответила, что пойду учиться. Он сказал, что выносит мне благодарность, и добавил:

- Помните, девушка, Родина вас не забудет!"

- Война закончилась, а нас еще полгода не демобилизовывали. В родные края я вернулась только в конце ноября 1945 года. Приехала и ничего не узнала: все было разрушено и сожжено. И я решила, что теперь выберу для себя только мирную профессию.

И поступила в университет на биолого-почвенный факультет...

– Если бы было нужно, я бы еще раз через все это прошла, – говорит Тамара Кутузова.

– Какое-то поколение у нас было удивительное, патриотичное. Я вот иногда думаю: как же это мы все выдержали? Ведь мы же были девочками 18-19 лет. Как трудно было...[6]

[6] Карельская Губернія. - 2010. - 5-11 мая (№ 18). - С. 5

Д. Иванова

ПОРТРЕТ НА ПОРТЯНКЕ

Екатерина Александровна Косолапова (Насонова)

Екатерина Насонова родилась в деревне Горка Кондопожского района, училась в петрозаводском кооперативном техникуме, но война все резко изменила. Вместо кооперативного техникума Катя окончила спецшколу, которая готовила радистов-подпольщиков для работы в тылу врага. Там учили стрельбе, штыковому бою, радиоделу, лыжам... Девушек было немного, но занимались они наравне с мужчинами.

Располагалась школа недалеко от Беломорска, в небольшом рабочем поселке Стройпорт. Самым любимым развлечением девчат-курсантов были танцы. Вот здесь-то и произошло знаменательное знакомство, которое определило очень много в жизни Кати.

За ней стал ухаживать боевой офицер, только что по ранению вернувшийся с фронта. Михаил Косолапов — так его звали — работал преподавателем в другой спецшколе, которая готовила офицеров-разведчиков. Скоро Катя и Михаил стали неразлучны, и мало кто в Стройпорте не знал, кого каждый вечер ждет бравый офицер. Однажды он предложил Кате попозировать.

- Такой художник у меня объявился! — сказал Михаил. Бумаги хорошей не оказалось, но художник нашелся:

- Будем рисовать портрет прямо на портянке. Портрет девушке понравился, а вот имени солдата, о чем очень жалеет, Катя не запомнила. На другой портянке тот же художник запечатлел облик офицера Косолапова.

Екатерине Насоновой дважды пришлось вылетать на задания. На первое она была отправлена в 1943 году. Обстрелянный врагом и сбившийся с курса самолет потерпел аварию и упал в глухой тайге. Многие погибли, но Катя уцелела. Она вспоминает:

- Я чудом осталась жива. Когда пришла в себя, слышу голос летчика:

- Неужели я один остался?». Тут и я голос подала. Мы бы все погибли, если бы деревья не смягчили падение.

Кстати, тот самолет, пролежавший в лесу не один десяток лет, сегодня как ценная боевая реликвия отреставрирован и находится в музее ВВС — крупнейшем в Европе собрании самолетов, в городе Монино под Москвой.

Катя Насонова и Михаил Косолапов после войны, в 1945 году, поженились. Жизнь так сложилась, что, будучи женой профессионального военного (Михаил Сергеевич Косолапов уволился из армии только в 1973 году в звании подполковника), Екатерина так и не смогла получить высшее образование.

Воспитывала детей, вела дом и следовала за мужем всюду, куда бы их ни забрасывала судьба: Дальний Восток, Кондопога, Ругозеро, Пудож, Лоухи. Портреты на портянке Екатерина Александровна всегда возила с собой.

Несколько лет назад Михаил Сергеевич ушел из жизни, и Екатерина Александровна решила подарить оба портрета музею радистов-подпольщиков петрозаводской школы № 3, с которым она дружит уже больше 20 лет

Я запомнила, как сказала Екатерина Александровна:

- У вас их посмотрит не один класс, а у меня они годами в комоде лежат.

Теперь портреты, созданные неизвестным художником, хранятся в нашем школьном музее и рассказывают о войне и удивительной встрече, которая произошла в далеком 1943 году.[7]

Войска противовоздушной обороны

М. Бабушкин

Защитница Москвы

Раиса Ивановна Стуканова (Волкова)

Раиса Ивановна Волкова (в замужестве Стуканова) родилась в селе Великая Губа Медвежьегорского района.

В 1938-м закончила Петрозаводский учительский техникум и стала учительницей начальных классов.

Первый день Великой Отечественной войны встретила в поезде, когда возвращалась из отпуска, из Смоленской области.

Несколько дней побыла в Ленинграде и приехала домой. А домашние вскоре эвакуировались на Урал, Раиса Ивановна стала работать в госпитале. Была санитаркой и медицинским регистратором.

В апреле 1942-го ее призвали на действительную военную службу и направили в 1-й корпус противовоздушной обороны в Москву.

В расчете аэростата воздушного заграждения было 8-10 человек. Рано утром расчет отправлялся на газовый завод за газом для аэростата. Газгольдер «плыл» над головами расчета. Расчет его удерживал и «вел» на позицию. Несколько часов продолжалось сопровождение газгольдера. Не раз обьявлялись привалы, и сон моментально валил с ног уставших аэростатчиков.

Позднее газгольдеры буксировались газогенераторными «Газиками» - стало полегче.
72 кубометра газа вмещал аэростат, чтобы подняться на высоту до семи километров. Каждый вечер расчет «сдавал» аэростат, иными словами, поднимал его на нужную высоту. Нередко бывало, что аэростат приходилось опускать для пропуска своих эскадрилий. За войну много пришлось подергать за веревки, болят у аэростатчиков руки от такой «работы».

Бережно хранит Раиса Ивановна знак «Ветерану первого корпуса противовоздушной обороны».

А когда кончилась война и разъехались солдаты по домам, то вернулась Раиса Ивановна к избранной профессии и работала в школе до ухода на заслуженный отдых …[8]

Гордиенко А.

Ефрейтор Клава

Клавдия Ивановна Климукова (Сорокина)

…Шинельки, сапоги дали, стали обучать прожекторному делу. А дело хитроумное оказалось. Сначала надо засечь звук самолета, затем передать на станцию направление, скорость. После этого уж включается автоматом прожектор и ведет лучом самолет. Начинают бить зенитки. Мимо, мимо и вдруг — попали! Радуемся, как малые дети.

Сбить самолет — дело, конечно, сложное. Это я так, скороговоркой выпалила, а могу все в точности рассказать, все помню. Ну да рассказ долгий будет.

[7] ТВР-Панорама. - 2010. - 17 февр. (№ 8). - С. 25

[8] Мы-приладожцы – участники Великой войны. КН. 1.Лахденпохья,2005. – С.135-136.

Чтоб сбить самолет, знания нужны большие, быстрый ум, точный расчет, и чтоб все — и слухачи, и связисты, и артиллеристы, и мы, прожектористы, — работали слаженно, как пальцы на руке. Мы ведь все находились в разных местах. Нельзя всем вместе, кучею. А то одной бомбой всех накроет. И еще: не спешить и не теряться.

Сбивал наш полк самолеты и днем, и ночью, а их еще больше летело на Сталинград. Про те бои много написано, лучше не скажешь. Тяжко нам было рыть землянки, но тяжелее всего — закапывать в землю машину с прожектором. Надрывались девушки, а за трое суток машину укрыть от бомб — такой приказ был — успевали все же.

Ночью дежурство, днем землю копаем. Бомбят нас, да мы уже привычные. Волга рядом, а помыться нельзя — нет времени. Вши нас заели. Худые мы стали, черные, стриженые. Зато воевали хорошо, наш 43-й прожекторный полк за Сталинград орден Красного Знамени получил. Шутка сказать — весь полк из девушек. Мы почти всех мужиков в полку заменили. Ну, командиры, те, конечно, мужчины…

Я вначале слухачом была на звукоулавливателе. Есть такая установка у нас. Звукоулавливатель и зенитный прожектор соединялись синхронно.

Тут, у прожектора, страшнее, конечно, зато интереснее: видишь всю картину боя в ночных небесах. Видишь первой, как немец повалился, кувыркнулся. Ну да не всегда попадали. Перелет, недолет. Рвутся рядом снаряды наших зенитчиков, а они ползут, ползут, как жуки навозные.

-Ну, попадите уж, черти!- кричу я, будто зенитчики рядом, будто слышат меня.

Налетали поздней ночью, налетали стаями. Однажды около сотни самолетов появилось над Саратовом. Шли волнами. Одна волна за другой. Страшно сделалось. Не передать словами. Большинство бомбовозов на авиазавод шло, но и нам досталось. Никогда не забуду свист бомбы. Всегда казалось — к тебе летит, именно к тебе. Но упада рядом. Земля ходуном ходит. А я только голову пригну: чему быть, тому не миновать.

...Переправили нас на другой берег Одера. Команда поступила секретная: ставить прожектора через каждые двести метров друг от друга. Направление луча не в небо, как обычно, а по земле, в сторону Берлина…Это была придумка маршала Жукова — ударить прожекторами немцу в его бесстыжие глаза, ослепить его, сбить с толку. А нашим наступающим бойцам подмога — светло, как днем: режь проволоку колючую, мины выкапывай, окопы гранатами забрасывай.

Сто сорок прожекторов стояло! Наш 43-й прожекторный полк в центре, дальше другие полки. Днем мы окопались, а ночью с 16 на 17 апреля, за два часа до рассвета, после мощной артподготовки, точно, секунда в секунду, включились все прожектора. Что это было - не описать! Темная ночь стала ярким белым днем…Сущий ад! Наш прожектор бьет на двенадцать километров. Диаметр прожектора полтора метра, перед зеркальным отражателем - два угольных штыря, один плюс, другой минус, они образуют вольтову дугу, а напряжение дает наша машина.

Умаялись мы, девушки, толкаем штангу, чтоб прожектор ходил справа налево, по указанному сектору. Тяжко это, и грудью толкаем, и руками. Сперва все шло ладно, а потом немец опомнился, стал нас обстреливать. Слева снаряд, справа. Вот уже и рядом рвануло. Радиста нашего убило, меня контузило, разбило прожектор, но мы вручную стали подавать угли, снова засиял наш ослепительный луч. Светили, светили. Я уже ничего не соображала, толкала грудью штангу, руки углями попалило, потом падать стала. Но подымалась…

Но вот уже и рассветать стало. Бредут назад, в тыл, раненые, покалеченные. Нас увидели, стали до земли кланяться. Спасибо, говорят, сестрички, за прожектора, без ваших огненных лучей ничего бы не вышло. Ослепили вы немца, напугали до смерти. И колючку немецкую мы справно резали и на минных полях не подорвались.

За ту страшную ночь получила я медаль «За отвагу». В названии все сказано. Берегу я медаль эту пуще ока. Дороже мне она любого ордена. Был еще у меня взят небольшой кусок толстого зеркала с разбитого в ту ночь нашего прожектора. Взяла на память о штурме Берлина…[9]

[9] Гордиенко А. Давно и недавно.Петрозаводск,2007. – С.277-284.

И. Радкевич

Вот такая война

Евдокия Васильевна Хусу

В Кондопоге живет ветеран Великой Отечественной войны Евдокия Васильевна Хусу. Сейчас ей 91 год. Когда началась война, она добровольцем отправилась на фронт и по распределению попала в минеры. Вот отрывок из ее воспоминаний…

- Всякого навидалась и наплакалась за это время. Финны очень много людей вешали на деревьях, а повешенному за пазуху прятали мины, чтобы, когда их будут снимать, произошел взрыв. Мы их разминировали. Жутко было, я плакала, потому что не знала, смогу ли похоронить того, кого снимаю, или, может, и от меня одни ботинки останутся.

- Бывало, гранату под деревом закапывали. Или по несколько солдат в куче лежали – то ли расстреляны, то ли для нас ловушка.

- Сначала нужно было во всей округе мины обезвредить, потом только к убитым подходить и осторожно, привязав веревку мертвому на ногу, вытаскивать. И одновременно проверку делать миноискателем. И так по очереди всех погибших таскали. Вот такая у нас война была…[10]

Л. Иванова-Смирнова

Наша военная молодость

(Воспоминания минера)

В начале войны я с родителями была эвакуирована в город Беломорск. Там окончила 9 класс и за год до окончания войны работала в Наркомате пищевой промышленности экономистом по труду. Там же меня избрали секретарем комсомольской организации.

В это время Центральный совет Осоавиахима КФССР призвал всех комсомольцев и молодежь республики поступить на курсы минеров, несколько человек записались. Сформировалось отделение из 12 человек, командиром был назначен паренек Вася, а меня избрали заместителем. Работать нас направили в Заонежский район, в село Толвуя. Там мы с миноискателями ходили по дорогам, полям, дворам местных жителей, но мин в течение месяца не находили. Уже стали отчаиваться - зачем приехали?

Однажды решили на лодках сплавать на острова. Здесь-то и оказалось самое интересное. Первый остров представлял собой каменистый берег и солидное возвышение (гора). Стали подниматься, из-под ног сыпались камни и песок. Случилось так, что на самом верху я оказалась первой и, на счастье, остановилась на самой ее кромке. Смотрю: что это? Проволока перед глазами, а на деревьях слева и справа мины, вкруговую, по спирали, по всему острову. Если бы я не заметила проволоку... но я заметила и всем крикнула присесть и скатываться вниз.

Стали совещаться, как нам начать работать. Мигом вспомнили все правила, собрались с духом и стали аккуратно подниматься вверх. Осторожно ходили от дерева к дереву, на которых висели мины, снимали с них чеку и складывали в кучки типа конуса. На этом острове мы работали дней 20.

Потом поехали на другой, он был более пологим, но мины располагались так же, вкруговую. Сотни мин мы сняли с этих островов. Позже по распоряжению районных руководителей эти мины вывезли…

Да, все мы были молоды, и уже кончалась война. И в то же время пережитые тяжелые военные годы заставляли думать, чем помочь своему Отечеству в борьбе с фашизмом. Молодежь сознательно, бескорыстно шла в то время на опаснейшую работу, туда, где минер ошибается один раз. Причем большинство были девушки…[11]

---

[10] Карельская Губернія. - 2010. - 5-11 мая (№ 18). - С. 5

[11] Карелия. - 2010. - 27 мая. - С. 15.

О. Тараканов

Жизнь прожить - не минное поле перейти

Вера Орлова (Григорьева)

…В апреле 1942 года комсомолку Веру Орлову призвали в ряды действующей армии. Их загрузили в теплушки на станции Исокогорка. Впереди - неизвестность. Поезд шел медленно, останавливаясь у каждого столба. Несмотря на название "теплушка", в вагоне было очень холодно. Привезли их в Беломорск, где находились в то время штаб Карельского фронта, Правительство Карелии. Служить предстояло в войсках гражданской обороны, Веру определили в 222-ю медико-санитарную роту…

Война - это прежде всего адский труд. Девушки ручной пилой валили лес, трелевали его до узкоколейки… Но основная их работа была в госпитале. Поступали раненые, проведшие долгое время в окопах. Их надо готовить к операции. Девчата грели воду, мыли бойцов. Сколько крови, грязи, боли пришлось им увидеть.

- Иной раз отрываешь рубаху вместе с кожей. Сама чуть в обморок не падаешь, - говорит Вера Федоровна, - но бойцы терпели, только зубами скрипели.

Всю войну Вера Орлова проносила винтовку образца 1891 года, но по врагу так ни разу не стреляла. Она занималась тем, что от нее требовали присяга и приказы командиров.

На разминировании Петрозаводска

В начале 1944 года в их батальоне стали готовить группу минеров. Командиром был старший лейтенант Сивухин, пришедший с фронта после ранения.

- Сапер ошибается только раз, - часто повторял он и скрупулезно показывал, как надо обезвреживать различные мины и снаряды.

Вера Орлова к тому времени уже окончила курсы младших командиров и была избрана комсоргом батальона.

29 июня 1944 года их 52-й батальон противовоздушной обороны в составе 330 человек сошел с поезда на старом вокзале Петрозаводска.

Всех удивило, что город был почти пуст. Шли в расположение на Голиковку, и лишь иногда встречался редкий прохожий. Лучшие здания города лежали в руинах. Финны при отступлении подорвали мосты через Лососинку и Неглинку. Батальон приступил к восстановлению Петрозаводска. В первую очередь предстояло навести мосты.

Именно 52-й батальон за год построил баню на улице Красной... Многие дороги были заминированы. Девушки-минеры приступили к их обезвреживанию. Особенно много мин было оставлено на старой Кукковке и в поселке Соломенное. Однажды на мине подорвалась Маша Трофимова, девушка из Пудожа.

- Дайте зеркальце, хочу посмотреть на себя, - это было ее последнее желание. После гибели Маши старший лейтенант Сивухин строго-настрого приказал быть осторожными, при обнаружении мины вызывать только его.

Кроме того, девушки прочесывали близлежащие к Петрозаводску леса, поскольку имелись сведения, что там бродят диверсанты. В обязанности батальона входило также конвоирование пленных…[12]

О. Тараканов

По минному полю

Вера Осиповна Кириллова (Исакова)

Вера Осиповна Кириллова, в девичестве Исакова, родилась в 1928 году в деревеньке Бабинское, что на Вологодчине. У родителей, колхозников Устины Ивановны и Осипа Поликарповича, было шестеро детей… Победа ковалась и в этой заброшенной в лесу вологодской деревне Бабинское. А как прогнали финнов, Вера Осиповна получила из военкомата повестку и была направлена на разминирование поселка Ошта.

[12] Карелия. - 2005. - 2 апр. - С. 8.

- От этого большого некогда села остался один дом, все было сожжено, - вспоминает Вера Осиповна , - все было заминировано.

Как сошел снег, мы, девчушки, пройдя подготовку, приступили к саперной работе.

Уже сколько времени прошло, а Вера Осиповна помнит, что командиром у них был Николай Федорович Блинов, а секретарем у него - Анна Дмитриевна Стафеева.

Чуть больше 15 лет было Вере. На снятие мин вроде рановато, назначили ее ходить на почту в соседнее село Нижние Водмицы. Как выпал большой снег, Веру отпустили домой, чтобы весной вновь призвать на разминирование. Пахать и что-то строить в районе Ошты было небезопасно, а что уж говорить о тех, кто шел на мины. Никогда не забудет Вера Осиповна, как подорвалась одна из девушек.

- Три девчонки сопровождали раненую в медсанбат, успели вовремя, - вспоминает Вера Осиповна. - Диву даешься, как мы, почти дети, справлялись с таким сложным даже для мужчин делом, как разминирование полей, поселка…[13]

ЗЕНИТЧИЦЫ

В. Кашин

Ее военная молодость

Анна Ивановна Филиппова

Участница Великой Отечественной войны, почетный гражданин города Петрозаводска Анна Филиппова родилась в деревне Зуево Вашкинского района Вологодской области в октябре 1923 года

Наутро после школьного выпускного узнала о войне и Анна Филиппова:

– Смотрю: на площади Кирова народ кучкой стоит, в основном женщины. Все плачут – война, говорят. Какая война? Финнов вроде уже победили. Прослушала я речь Молотова, сходила за булочками и тут только до меня дошло. Что теперь будет с нами?

Через несколько дней после начала войны по призыву комсомольской организации Карелии Аня была мобилизована на оборонные работы под Пряжу, там они рыли противотанковые рвы. Условия были тяжелые: сырость, холод, недоедание, тяжелый физический труд. Аня заболела, и по состоянию здоровья медики освободили ее от этих работ.

Как раз в это время по решению обкома комсомола формировали группу радистов для заброски в расположение врага. Ане предложили войти в эту группу, Ю.В. Андропов лично беседовал с ней и дал сутки на принятие решения. Но у Ани Филипповой был очень сильный вологодский акцент, и друг Игорь Могущенко убедил ее отказаться, так как со своим выговором она не смогла бы освоить финский язык и этим провалила бы всю группу. Ю.В. Андропов согласился с этими доводами, и вопрос о включении Филипповой в группу был снят.

Для поправки здоровья Аня поехала к маме в деревню Зуево, но пробыла там недолго. Чтобы встать на комсомольский учет, она пошла в районный центр за 56 километров! Там ее сразу же взяли на работу инструктором райкома, а через месяц назначили директором Дома культуры, так как прежний ушел на войну. Но недолго пришлось ей работать в райцентре. 2 ноября 1941 года Аню, как и многих других девушек, вызвали в военкомат и зачислили в группу противовоздушной обороны для подготовки зенитчиков.

Обучение проходили в полку в Череповце, а затем в Белозерске. Они штудировали устав, устройство винтовки, зенитного пулемета. Самым сложным стало изучение типов самолетов - наших и фашистских. Распознавать их надо было по звуку, а это давалось непросто. Так Аня получила новую военную специальность - зенитная пулеметчица, с ней и прошла всю войну.

В марте 1942 года Аня приняла военную присягу и была направлена на Ладогу в Гобон. Здесь участвовала в охране эвакуируемых из Ленинграда. На катерах вывозили детей из Ленинграда, а фашистские самолеты беспрерывно устраивали налеты и бомбили транспорт.

[13] Карелия. - 2010. - 2 марта. - С. 6.

Зенитные расчеты вели стрельбу по самолетам, а на озере кричали тонущие дети с потопленных катеров. На всю жизнь в памяти Ани остались эти страшные картины…

Затем их зенитный дивизион охранял небо над Оштой, Шалой, Беломорско-Балтийским каналом. Постепенно наши войска двигались к Петрозаводску, и в июне 1944 года Анне Ивановне довелось участвовать в его освобождении.

Штаб их 13-го отдельного батальона противовоздушной обороны располагался на Кургане. После этого они двинулись на Пряжу и Ведлозеро, но через некоторое время были направлены на Пудож, а оттуда - в Череповец. В конце ноября 1944 года дивизион погрузили в вагоны и отправили на 3-й Украинский фронт, под Яссы…

В марте 1945 года на территории Югославии во время ночного налета вражеской авиации Аня сбила «мессершмитт-110». Летчик выбросился с парашютом и был взят в плен охранением. При допросе выяснилось, что этот летчик-ас в чине полковника. Он попросил показать зенитчика, сбившего его. Аню пригласили в штаб. Когда немецкий летчик увидел маленькую хрупкую девушку, то заплакал от досады. Он сказал, что его не могли сбить ни в небе Англии, ни в небе Франции, а тут сбила девчонка. За сбитого аса Анна Филиппова была награждена медалью «За боевые заслуги»…[14]

Е. Николаева

«У войны не женское лицо. Она защищала Родину»

Розалия Ивановна Копаева (Тимакова)

Для нынешних родителей их 18-20-летние сыновья и дочери в большинстве своем - маленькие дети, о которых надо заботиться, опекать, кормить, учить. В годы Великой Отечественной войны в 18 лет получали повестку из военкомата и шли на фронт - воевать. И юноши, и - очень часто - девушки.

В 1943 году такую повестку получила Розалия Копаева. Ее мама встретила это известие мужественно — слишком многое уже пришлось пережить…

Принято считать, что у войны не женское лицо. Действительно, основную тяжесть той священной войны вынесли на своих плечах мужчины. Но 800 000 женщин сражались рядом с мужчинами на фронтах, и далеко не все они были рождены амазонками, и об этом поистине беспримерном подвиге русских женщин написано и рассказано чрезвычайно мало. А ведь женщинам — в силу особенностей физиологии и психологии — на фронте приходилось тяжелее, чем большинству мужчин.

Розалия Ивановна рассказывает, как однажды она безуспешно пыталась согреться, кутаясь в абсолютно не согревавшую шинель (меховые полушубки в зимнее время были положены только офицерам), и не выдержала и горько расплакалась при одном только воспоминании о теплом ватном мамином одеяле, которое осталось в довоенном Петрозаводске.

Она попала в войска ПВО. Первые полгода военной службы вместе с другими девушками-зенитчицами сопровождала военные эшелоны с техникой и солдатами, которых отправляли на передовую. В каждом железнодорожном составе обязательно были платформы со стоящими наизготовку орудиями, и рядом с пулеметами были девушки, готовые в любую минуту зимой и летом, ночью и днем, в жару и в мороз на продуваемой всеми ветрами открытой железнодорожной платформе сражаться с летящей смертью.

Они умели различать по гулу мотора марку немецкого самолета, моментально рассчитать его скорость и траекторию полета снаряда. Они назубок знали устройство своего зенитного пулемета ДШК. Они были солдатами, даже если и плакали потихоньку, тоскуя о родном доме. Но знания свои они оплачивали кровью.

Самый первый налет вражеской авиации — случилось это на железнодорожной станции города Нежин — унес много девичьих жизней. Сама Розалия Ивановна чудом осталась жива. А ее подругу Клаву Макушеву бомба разорвала на куски.

- Самое страшное на войне - хоронить товарищей, - говорит Розалия Ивановна. Из пятерых девушек, с которыми она уходила на фронт, домой вернулась только она…

[14] Карелия. - 2008. - 17 апр. - С. 9

Вместе со своим 41-м зенитно-пулеметным полком 84-й дивизии 5-го корпуса ПВО, сформированным в Курске, она прошла дорогами войны через Украину, Белоруссию, Польшу и Германию. Ведь война — это не только постоянное соседство со смертью, но и тяжелейший физический труд. Сотни, тысячи кубометров земли перелопатили девичьи руки, строя землянки и укрепления, копая котлованы для своих орудий…

В болотах Белоруссии она заболела малярией. От малярии — изнурительных приступов лихорадки, когда резко поднимается температура, а согреться практически невозможно - страдали очень многие в полку. Малярия у нее прошла только через полгода после окончания войны.

- Розалия Ивановна, сколько у вас на счету сбитых самолетов? — Я понимаю, что вопрос звучит несколько по-детски, но все же…

- Да мы ведь не подсчитывали. Не до этого было. Да и как узнаешь, твое отделение сбило самолет или соседнее, если стреляют все зенитки твоего полка? Мы ведь охраняли мосты — железнодорожные, понтонные — по которым переправлялись наши войска и техника.

На Днепре, на Висле, на Одере. Немцы бомбили их днем и ночью. Во время налетов земля и небо полыхали огнем, зенитки раскалялись, руки были в кровь изрезаны проволокой, которой патроны соединялись в пулеметные ленты, главное — сбить врага, а ты это сделала или девочки рядом, было уже неважно. Командир роты подойдет после боя:

- Ставьте риску на пулемет. Значит, сбитый самолет засчитан за нашей ротой.

Отделение — это зенитный пулемет и три девушки — командир, наводчик и подносчик патронов. Розалия Ивановна сначала была наводчиком. Но командование рассмотрело в совсем еще юной девушке, с семью классами средней школы за плечами (тогда, впрочем, это тоже было немало), необычайно прочный внутренний стержень, поэтому в 1944 году ее, уже награжденную значком «Отличный пулеметчик», назначили командиром отделения, хотя командирами назначали девушек постарше, имеющих, как правило, среднее образование. Она не научилась курить на войне, ни разу не попробовала «боевых ста грамм», она не позволяла себе ничего такого, что допускают многие женщины, попадающие в поле зрения мужчин, стосковавшихся по женской ласке и вниманию. Нельзя было на войне отвлекаться от главной цели — победы над врагом. Сожженные деревни, полуразрушенные города, истерзанная земля, на которой должен был, но не рос хлеб, и могилы, братские и одиночные, - все это требовало отмщения. Это было главным.

Розалия Ивановна прошла все свои тяжелейшие дороги войны и встретила Победу в Берлине. Но в родной Петрозаводск она вернулась только осенью 1945.

- Война закончилась, но оставались еще власовцы, бандеровцы. Как они лютовали, понимая, что проиграли, что все равно им не жить! Особенно ненавидели женщин. Мы даже по нужде в кустики по трое ходили — две девушки с автоматами по бокам. Много наших зенитчиц погибло тогда от рук бандитов. Меня судьба хранила.

Она вернулась в родной Петрозаводск в военной шинели, с тощим вещмешком, 20-летний сержант Красной Армии. Единственная военная фотография, чудом сохранившаяся, размером с почтовую марку, показывает, какой она была юной, боец Копаева…

Розалия Ивановна говорит, что память о войне с каждым годом становится все острее.

- Я помню все так, как будто это было вчера. Все имена, все лица…

Все-таки у войны не должно быть женского лица…[15]

С. Михайлова

Воля к Победе

Евгения Родионовна Кононова

Евгения Родионовна Кононова - ветеран Великой Отечественной войны и ветеран Онежского тракторного завода. Вся ее жизнь связана с Карелией.

Родилась в селе Рыбрека в вепсской семье с крепкими нравственными основами. Возможно, всю свою жизнь и прожила бы в Карелии, если бы не любовь. Приглянулся ей шустрый паренек Коля Кононов. Стали встречаться. Вскоре он ушел служить в ряды Советской

[15] Курьер Карелии. - 2011. - 17 марта (№ 10). - С. 5

Армии. Но о своей суженой не забыл. Как только представился отпуск — приехал на родину и, прихватив свою любимую, увез ее аж на край света — в город Кишинев. Родился сын — на душе тепло, но беспокойно за его судьбу. Муж на службе, дома почти не бывает. Рядом граница. В воздухе витает война.

Семьи военнослужащих эвакуировали в считанные часы. Начались бесконечные переезды по пыльным дорогам, неустроенность, голод... Словом, не сумела молодая мать сохранить сына... Одинокая, убитая горем Евгения Родионовна остановилась в Саратовской области. До Карелии все равно далеко. Устроилась на работу, но вскоре по призыву военкомата поступила на курсы радистов. А вот работать по специальности не удалось. В разгар военных действий на Сталинградском фронте призвали ее на службу в ряды Советской Армии и направили в 720-й зенитно-артиллерийский полк, который дислоцировался в районе Саратова.

Так Евгения Родионовна на одной из батарей зенитно-артиллерийского полка стала наводчицей. Руки у нее были верные, глаз зоркий. Задача, поставленная перед зенитчиками, была одна: прикрывать Сталинград с неба от налета фашистских стервятников. Сколько было сбито немецких самолетов в небе Саратова — не скажет никто. Шли они тучами днем и ночью.

В одном из боев Евгению Родионовну накрыло ударной волной. Рука стала плохо двигаться, и пришлось покинуть пост на батарее.

Войну закончила в Румынии, работала в штабе полка. За бои под Саратовом награждена медалью «За боевые заслуги»…[16]

В. Пухов

На солнечной поляночке

Валентина Михайловна Сивцова

По доброй традиции в канун праздника Победы в стране проходили встречи ветеранов войны. В Петрозаводске к Вечному огню возложили цветы известные спортсмены республики. Улыбки, цветы, радость встречи - вот приметы таких событий. Вспоминали молодость, спортивные баталии, бои, павших героев…

Валентина Сивцова, одна из участников торжественного события, - бывшая спортсменка, чемпионка, призер первой спартакиады России, мастер спорта по байдарочной гребле, лыжам, член сборной Вооруженных Сил страны, Карелии.

- Валентина Михайловна, где вы встретили войну?

- Здесь, на карельской земле, и было мне тогда семнадцать лет.

- У каждого солдата есть воинская специальность, звание.

- Я была зенитчицей, командиром орудия, в звании младшего сержанта, считалась первым номером. В отдельном нашем зенитном батальоне весь состав был женский, на вооружении были 37-миллиметровые пушки. Только командиры взводов и батальонов - мужчины. Мы охраняли с воздуха вокзалы, мосты, переправы, задачи были самые разные, в зависимости от боевой обстановки.

- Самый тяжелый момент в вашей военной биографии?

- Мы не делили события на легкие и тяжелые. Все могло произойти. Все же это были последние полтора года войны, и мы все время наступали. Но тяжело было при переездах. Мы шли сразу за передовой линией фронта, приходилось часто переезжать, каждый раз нужно было делать все быстро, оперативно. Прежде всего, окапываться: готовить позиции, землянки. Причем независимо от времени суток. Работали днем и ночью. То стоишь на боевом посту, то обстрелы, другие работы.

- Страшно ли было, когда самолеты кружили над вами?

- Конечно, страшно, чего там говорить. Особенно когда наши пушки на платформах, ночь, все кругом ревет, свистит, взрывается.

- В минуты отдыха, наверное, пели песни. Они помогали на фронте?

[16] ТВР-Панорама. – 2008. – 30 янв. С. 5.

- Я сама особенно не пою. Но у нас были девушки, которые пели очень хорошо. В землянках мы им подпевали. Это были такие песни, как "Синий платочек", "Темная ночь", другие - из репертуаров Клавдии Шульженко, Марка Бернеса. Или "На солнечной полянке".

- Расскажите о ваших боевых наградах.

- Их немного. Орден Победы, медали за освобождение городов в нашей стране, за рубежом.

- Где закончили войну?

- Закончила войну в Берлине, на Первом Белорусском фронте. Я всем желаю здоровья, подольше жить. [17]

ШОФЕРЫ

Н. Шабиев

За рулем - одни девочки

Героическая судьба Анны Васильевны Зотиковой

А.Зотикова (слева в первом ряду) с фронтовыми подругами

Судьба Анны Васильевны оказалась в прямом смысле сотканной из фронтовых дорог, всю войну она колесила по ним за рулем "ЗИС-5", полуторки, а потом легковушки… После окончания годичных педагогических курсов стала преподавать историю сельским ребятишкам в Кукуевской средней школе…

Всего один учебный год проучительствовала юная преподавательница. В мае 1942-го вместе с подругой детства они подали заявление в райвоенкомат с просьбой отправить их на фронт добровольцами.

В Туле подруги попали в 670-й батальон аэродромного обслуживания, всего месяц обучались на курсах водителей и вскоре сели за руль автомобилей "ЗИС-5". Много таких бортовых трехтонок тогда колесило по дорогам войны. Из таких же 18-19-летних девчонок, как Аня, в батальоне сформировали целую роту водителей по обслуживанию аэродромов.

Возили в основном боеприпасы для самолетов. Обычно приходилось загружаться прямо с товарных вагонов на железнодорожных станциях. Частенько Аня и ее боевые подруги попадали под обстрелы и бомбежки.

Многие названия населенных пунктов, связанные с войной, уже стерлись из памяти, но Анна Зотикова отчетливо помнит страшную бомбежку под Воронежем.

Ее в срочном порядке командир роты тогда отправил на станцию, куда должен был прибыть состав, в том числе и со снарядами. Едва она успела загрузиться, как с воздуха начали бомбить вражеские самолеты. Что тут началось! Каким чудом ей удалось тогда вырваться оттуда и довезти боеприпасы до аэродрома, она и сейчас не может понять.

- В голове была лишь одна мысль: только бы проскочить, - рассказывает Анна Васильевна. - Попади хоть один снаряд в машину, ничего бы от нее не осталось. Но Бог, как говорится, миловал.

[17] Курьер Карелии. – 2005. – 13 мая (№65).

…Был и другой случай. Ночью при выполнении очередного задания машина Зотиковой вдруг резко пошла под горку и опрокинулась в кювет. Аня чудом успела выскочить. Машину потом так и не смогли вытащить, пришлось менять ей боевого коня.

Приходилось и одной ночевать в машине среди заснеженного поля. Устранить поломку самой тогда не удалось. На улице стоял такой мороз, что оставаться в кабине с остывшим двигателем тоже было небезопасно. Анна Васильевна слила немного бензина и, из последних усилий собрав в лесочке хворост, разожгла костер. Благо, утром ее обнаружили свои из батальона и на буксире притащили в расположение части.

Фронтовой водитель признается, что страшно было за рулем. Даже если вокруг было относительно тихо, в любой момент могла начаться воздушная атака противника. Да и от мин на дорогах разве можно было подстраховаться?

Страшно было ночью одной охранять аэродромы, бензоколонки и колодцы. Но и это приходилось делать. Девушки переживали и за летчиков, улетавших в неизвестность. Многие с вылетов не возвращались.

Осенью 1944-го Анна Васильевна попала в госпиталь. Заводной ручкой автомобиля сломало ей руку. За время лечения батальон уже перебазировался в другое место, и ей пришлось проходить дальнейшую службу в 155-м военторге центральной группы войск. "ЗИС-5" поменяла вначале на полуторку, а потом и вовсе пересела на легковушку и стала возить командира части. Весть о победе Анна Зотикова встретила в окрестностях Крайсбурга. Проезжая мимо этого немецкого города, она услышала беспорядочную стрельбу и вначале ничего не поняла. А это наши бойцы салютовали в честь окончания войны.

- Все плакали, смеялись, обнимали друг друга, - вспоминает ветеран. - Но для меня тогда служба еще не закончилась. После мая 1945-го я оказалась в Австрии, где еще целый год продолжала служить... [18]

Когда склонилась надо мною
Страданья моего сестра, -
Боль сразу стала не такою:
Не так сильна, не так остра.
Меня как будто оросили
Живой и мертвою водой
Как будто надо мной Россия
Склонилась русой головой!...
И. Уткин

СЛУЖБА МИЛОСЕРДИЯ

(врачи, медицинские сестры, фельдшеры, санитарки)

Н. Е. Иконникова, Т. Ф. Стафеева

В дивизионной службе милосердия

69-й медсанбат — подразделение медицинской службы 71-й стрелковой дивизии — был сформирован летом 1940 года. К началу войны он размещался в селе Нурмалица Олонецкого района. Штаты были небольшими: комбат, четыре врача (хирург, терапевт, зубной врач, фармацевт) , 5 фельдшеров и 4 медсестры.

В медсанбате было два отделения: терапевтическое и хирургическое. Терапевтическим отделением командовала Лили Ивановна Халонен…

Когда началась война, она была назначена командиром госпитального взвода. Это был очень хороший человек, прекрасный воспитатель и отличный командир. Начальником хирургического отделения до войны был Баранов Федор Дмитриевич…

[18] Курьер Карелии. - 2005. - 25 апр. - С. 13.

Медицинские сестры прибыли, в основном, из Карелии. Наряду с сестрами, имевшими 5—10-летний стаж, были и совсем молодые 18—19-летние девушки с годичным и даже полугодовым стажем. …

Первых раненых медсанбат принял в конце июня 1941 года в Соанлахти. Вспоминаются тяжелые бои под Сортавалой, Суоярви, Кондопогой, Гирвасом, Спасской Губой, Медвежьегорском…

Врачи и медперсонал медсанбата трудились с большим напряжением и высоким чувством долга, выполняя свою основную боевую задачу— возвращение раненых в строй.

В оборонительных боях 1941 года на территории Карелии частям дивизии приходилось действовать на довольно подвижном фронте значительной протяженности. Медсанбат был разделен на два эшелона - с целью более оперативного обслуживания потока раненых.

Редкая населенность Карелии, неподготовленность на первых порах службы тылового обеспечения, частые переезды при отходе наших войск усложняли нашу работу. Но служба не прекращалась и во время бомбежек, и при артобстрелах. Если расстояние от места боев до населенного пункта было значительное, мы разбивали палатку, зажигали коптилки и свечи и начинали оперировать раненых.

Кроме прямого медицинского обслуживания мы занимались и подсобной работой: стирали белье и чинили обмундирование раненых, ремонтировали инвентарь и хозимущество, заготовляли дрова для отопления палаток и т. п.

Теперь, вспоминая свой нелегкий труд в те годы, мы порой сами не верим, что могли работать с таким напряжением. Двое-трое суток у операционного стола, без отдыха, и снова перемещение на новое место. А там снова ставим палатки, строим нары и начинаем оперировать раненых, которые, как правило, уже ожидали нас. Мы слышали стоны раненых, видели их страдания, и усталость отступала.

По очереди нам, медработникам, разрешали два-три часа поспать. Летом отдохнуть было просто, а осенью или зимой возникали большие затруднения — приходилось устраиваться среди раненых или в рабочей палатке.

Вспоминается случай на Волховском фронте во время прорыва блокады Ленинграда в январе 1943 года. Работы было очень много, машины с ранеными дожидались разгрузки по два часа и больше — не хватало палаток. Об отдыхе не могло быть и речи, некогда было даже поесть...

На третьи сутки беспрерывной работы хирург Д. З. Френкина, взяв кусочек хлеба, начала диктовать регистратору данные по только что законченной операции. Вдруг она замолчала - уснула, так и не проглотив хлеб. Ее разбудили, она проглотила хлеб, закончила диктовать и приступила к новой операции…

Вспоминается один случай, когда привезли солдата с ранением обеих ног. На одной ноге началась газовая гангрена, пришлось ее ампутировать. На следующий день газовая гангрена началась на второй ноге. При этом заболевании появляются очень сильные боли.

Солдат стал просить хирурга Д. З. Френкину «отрезать», как он выразился, и вторую ногу. Но вторую ногу хирургу удалось сохранить. Дина Зиновьевна сделала обширные разрезы, ввела лечебные дозы противогангренозной сыворотки, и нога была спасена.

Когда на следующий день солдата взяли на перевязку - к этому времени боли в ноге стихли, самочувствие улучшилось, он сказал, что напрасно ему ампутировали ногу, мол, надо было ее спасти. Врач убедительно объяснила, почему это было невозможно. Солдат успокоился.

Наши хирурги боролись не только за сохранение жизни раненым — они всеми силами стремились спасти как можно больше воинов от инвалидности.

Родина отметила высокими наградами самоотверженный труд врачей и медицинских работников медсанбата. Врачи Ф. Д. Баранов, Л. И. Халонен, Д. З. Френкина были награждены орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды и медалями. Все фельдшера и медсестры по окончании войны были награждены орденом Красной Звезды. Высоких правительственных наград были удостоены и другие работники медсанбата.

Л. И. Халонен в начале войны в звании лейтенанта была командиром госпитального взвода, демобилизовалась в звании майора. Вернувшись в Петрозаводск, работала в 1-й дет-

ской больнице. Ей было присвоено звание заслуженного врача КАССР и заслуженного врача РСФСР, она была депутатом Верховного Совета СССР.

Д. З. Френкина была лейтенантом, рядовым хирургом, а закончила войну командиром операционно-перевязочного взвода, капитаном медицинской службы…[19]

Н. Ларцева

Милосердие

Лидия Теодоровна Филимонова

Шестьдесят лет назад газета сообщала о приезде в Карелию выпускников Ленинградского медицинского института.

Приехали 15 клинических ординаторов и ассистентов разных кафедр, чтобы 4 месяца поработать в глубинке. Ленинградский медицинский институт тогда шефствовал над Карелией.

Среди них была и Лидия Теодоровна Филимонова. Ее отправили в деревню Лапино Беломорского района.

22 июня 1941 года Лиде исполнялось 25 лет. На этот день рождения к ней из Ленинграда приехал брат. Друзья собрались на праздничный обед. И тут прибежал деревенский мальчишка:

- Доктор, Вас к телефону в сельсовет зовут!

Сельсовет был недалеко. Лида бежала, думая, что кто-то хочет ее поздравить. Как только отыскали! Улыбаясь, взяла телефонную трубку. И вдруг:

- Доктор, с Вами говорит военком района. Вы мобилизованы.

Что было потом? Четыре года бессонной вахты в беломорской больнице, ставшей госпиталем. Прием и эвакуация раненых, борьба с эпидемиями, голодом, собственной неопытностью.

Слов «не могу» или «не умею» не существовало. Правилом стала пословица: «Глаза боятся, а руки делают»….

С Карелией Лидия Теодоровна связала всю свою жизнь. Ее многие помнят. Долгие годы она работала главным врачом республиканской больницы. Лидия Теодоровна - заслуженный врач России.[20]

Э. Е. Галкина

ПОДВИГ ЗИНЫ БОГДАНОВОЙ

Это было в середине июля 1941 года в районе станции Лоймола. Наш 131-й стрелковый полк после выгрузки ночью на станции оказался втянутым во встречный бой с передовыми частями финской дивизии. Два стрелковых батальона полка, принявшие бой на шоссе Лоймола - Суоярви, с трудом отбивались от противника, силы таяли.

Наш полковой пункт медицинской помощи, в котором я была младшим врачом, расположился в двух километрах от места сражения. К утру мы еще не успели полностью развернуться и наладить свою работу - ведь это был первый бой полка, его боевое крещение.

Между тем, из батальонов стали поступать раненые, а к вечеру поток раненых настолько вырос, что мы, врачи и другие медработники, с большим трудом управлялись с их обработкой.

В это время два солдата принесли с передовой тяжело раненную молодую женщину - военфельдшера батальона. Это была Зинаида Платоновна Богданова, о судьбе которой я беспокоилась на протяжении всего этого дня. Каждого раненого, поступавшего из 1-го батальона, я спрашивала:

- А как там Зина, еще в строю?

С Зиной Богдановой я познакомилась во время следования нашего эшелона из Петрозаводска к станции Лоймола…

[19] Вспоминают ветераны. Петрозаводск, 1084.С. 135-140

[20] Ларцева Н. Самый долгий день жизни. Петрозаводск, 2005. С. 11-12.

Только сутки прошли после нашего расставания, а передо мною на плащпалатке лежала Зина - без сознания, тяжело раненная. У нее было проникающее ранение в живот, спасти ее могла только срочная операция. Надо было довезти ее до медсанбата дивизии, где такого рода операции производились, но Зина была нетранспортабельной. Не приходя в сознание, она скончалась на моих глазах. Смерть Зины потрясла меня, рассказ о ее подвиге, поведанный мне тогда двумя солдатами 1-го батальона, я пронесла через всю войну и сохранила в своей памяти до настоящего времени.

....Бой был очень тяжелым, его напряжение все нарастало, финские цепи подходили все ближе к траншеям батальона. Зина вытаскивала под пулеметным огнем раненых, в укрытии оказывала им первую помощь и снова ползла к траншеям, чтобы спасти жизнь тем, кто уже не мог без ее помощи отползти в укрытие.

Но вот враг пошел в атаку на позиции батальона. В рукопашной схватке погиб командир батальона, управление боем нарушилось. Группа бойцов растерялась, стала отходить…

Зина встала и, преградив дорогу этой группе, крикнула им со злостью:

- Стойте! Куда вы бежите? Где ваш воинский долг? На кого вы покидаете своих раненных товарищей?

Гневные слова Зины вызвали замешательство в группе. Первым остановился один старшина:

- Товарищи!— сказал он.— Опомнитесь! Куда мы бежим? Женщина оказалась настоящим воином, ей стыдно за нас!

Получив такую поддержку, Зина бросилась вперед с пистолетом в руке и крикнула: --

- За мной! Вперед, за любимую Родину!

Бесстрашие Зины, ее мужество преобразили эту группу растерявшихся людей. В скоротечной схватке враг был отброшен, траншеи снова заняли наши воины.

После этого Зина снова направилась к укрытию, чтобы оказать помощь ожидавшим ее раненым. Неожиданно из-за кустов появились три финских солдата. Патроны в пистолете кончились, но Зина не растерялась и ловко метнула ручную гранату. Два финна были убиты наповал, третий же был только ранен. Он выстрелил в Зину, она упала, пуля угодила ей в живот...

К Зине подбежали несколько солдат, выскочивших из траншеи. Ослабевшим голосом она им сказала:

-Я вышла из боя, а вы его заканчивайте без меня, бейте фашистов!

Силы оставили ее, она потеряла сознание... Так оборвалась жизнь славной советской патриотки Зины Богдановой — первый бой стал для нее последним

За свой подвиг Зина Богданова была награждена посмертно орденом Красного Знамени. Ее замечательный пример верности Родине, воинскому долгу не был забыт — в годы войны имя Зины Богдановой сияло в созвездии героев нашей дивизии, имя ее останется в благодарной памяти народа.[21]

Н. Е. Иконникова (Кошутина)

Чудо из чудес

Волховский фронт, январь 1943-го. Подъезжает полуторка, из кабины медленно вылезает военный в полушубке, кличет санитаров. Санитары кладут его на носилки, приносят к нам в палатку. Раненый подает мне карточку с красной полосой — это значит срочно принять и срочно оперировать. Ранение в живот. Сняли с него полушубок, шапку. Раненый оказался крепким, полноватым мужчиной, что на фронте было редкостью.

Диагоналевая комсоставовская гимнастерка, а по званию — старшина. Может, начпрод какой или писарь штаба. Стонет, глаза закатывает, требует операцию. Осмотрел его хирург Баранов — тоненький осколок торчит в

[21] Вспоминают ветераны. Петрозаводск, 1984. С. 62-65.

коже живота, ну почти снаружи. Баранов хмыкнул, пинцетом дернул, бросил осколок в тазик. Старшина просит меня завернуть осколок в ватку, возьмет на память.

Я бинтую его рану, Баранов собрался уходить, и тут входит боец, двумя руками держится за живот.

У меня кишки в гимнастерке, над ремнем, — говорит он. Да ты что нас дурачишь! — закри чал Баранов.

Подхватили мы бойца, положили на стол, сняли ремень, подняли гимнастерку, и точно — кишки вылезли, вот они перед нами. Шел с передовой сам, без помощи шел, километра два топал, сознание не потерял, не замерз. Осколок брюшину распорол, и он, бедолага, нес свой кишечник в гимнастерке.

-Вот кому машина нужна! — за кричал Баранов старшине, который тем временем влезал уже в свой новенький полушубок. — Ты, ты на ма шине прикатил, а этот с кишками в руках сам пришел. Он герой, он — настоящий боец Красной Армии. А ты? Знаешь, кто ты? Вон отсюда!

Настоящий боец Красной Армии выжил. Сделали мы ему операцию. Баранов тогда старался, хирург он был от Бога.

-Запомни, Надя, — сказал он мне, —этот медицинский случай есть чудо из чудес.[22]

И. Радкевич

"Сестренка, не бойся"

Екатерина Ивановна Мудрова

Девчонкой попала на войну и Екатерина Мудрова. Когда пришла беда, ей не было и 19 лет. Всю войну она проработала хирургической медицинской сестрой.

– 22 июня мы сажали картошку, – вспоминает женщина. – Возвращаемся в деревню, а вокруг плач. Нас всех посадили в лодки и повезли. После лодок были железнодорожные вагоны и длинная дорога. Пришлось поработать и в Беломорске, и в Архангельске, и в Каргополе.

– Возили столько, что точного маршрута сейчас и не упомнишь, – говорит Екатерина Мудрова. – А потом нас отправили в Сегежу. И тут уже началось. Сегежа была близко к фронту, и раненых поступало очень много. Больше всего я работала в операционной. Это самое сложное – каждый день видеть человеческое горе.

Больные у нас долго не задерживались. Едва становились транспортабельными, их отвозили в тыл.

Как только Екатерина Мудрова заговаривает о войне, в ее глазах появляются слезы. Она до сих пор даже размеры ран помнит у некоторых солдат.

– Особенно запомнился мне молодой москвич, – говорит Екатерина Ивановна. –

Ему руку ампутировали, зашили, перевязали. Он лежал один в изолированной палате. Вдруг слышу шум:

- Быстро-быстро, хирурга, сестру с материалом. Я схватила бинт и бегом туда. Вижу, стоит этот солдат и истекает кровью. Оказывается, он содрал с себя повязки и все швы разбередил – не хотел жить. И мы не смогли его спасти. Умер.

Женщина вспоминает, как однажды испугалась, услышав прямо над госпиталем гул самолета. Все, кто мог ходить, тогда спрятались. Остались одни лежачие и она: не захотела бросать их одних.

– Помню, лежит солдат, и от пяток до лопаток у него гипс. Куда он пойдет? – говорит Екатерина Ивановна. – Я подхожу к нему, бледная, как покойник. У меня даже сердце тогда не в груди, а где-то у горла билось. А он мне и говорит:

- Сестренка, не бойся. Все! Он летит по назначению. Не будет нас бомбить. И я ему поверила... А потом-то, конечно, я уже привыкла…[23]

---

[22] Война у каждого своя. Петрозаводск, 2005. С. 50-51.

[23] Карельская Губернія. - 2010. - 5-11 мая (№ 18). - С. 5.

О. Тараканов

Сестра милосердия : эхо блокады

Валентина Николаевна Калинина

Родилась Валентина Николаевна Калинина (в девичестве Жукова) в 1925 году в селе Васюнино, что в Краснохолмском районе тогдашней Калининской области, а ныне Тверской. Она была старшей из 5 детей. Жили трудно…

В Ленинграде у отца проживали две двоюродные сестры, у которых было по двое детей, и Валентину в 15 лет отправили с ними нянчиться. Здесь она стала получать какие-то деньги, которые высылала в деревню…

А потом была война. Отца Николая Жукова сразу же призвали в действующую армию, и он пропал без вести при защите Ленинграда.

Предвестником страшной блокады стал пожар на Бадаевских складах.

- Жидкий расплавившийся сахар тек по улицам рекой, вливался в Неву, - вспоминает Валентина Николаевна. - Мы и подумать не могли, какие испытания ждут нас впереди.

Семьи, в которых служила в няньках, эвакуировали, она же, беспаспортная, осталась одна в большом городе. Надо было где-то жить, работать, и Валентина пришла в госпиталь, попросилась на работу медсестрой.

Блокада. Нет страшнее этого слова. Немцы уже в сентябре 1941 года взяли Шлиссельбург, замкнули смертельное кольцо блокады Ленинграда. В госпиталь, где служила Валентина Калинина, стали привозить первых раненых.

Когда из вены молодого солдата брызнула кровь, медсестра Калинина упала в обморок. Но ко всему привыкает человек. Надо было переносить раненых, делать им перевязки, отдирать присохшие бинты от ран. Страдания бойцов невозможно описать, у многих оторваны руки, ноги.

- Сестричка, подойди, положи руку мне на голову, - просили раненые. Валентина исполняла их просьбы. Часто при этом раненые умирали.

- Однажды словно мышка упорхнула от тела солдата, - вспоминает Валентина Николаевна, - это, подумала тогда, душа отлетела от бойца. Легко умер парень - не кричал, не мучался. Но так было не всегда, чаще умирали в стонах и мучениях.

Блокада - это голод, изнеможение. 125 граммов на сутки хлеба, неизвестно из чего испеченного, суп в столовой настолько жидкий, что крупинки не обнаружишь.

Однажды Валентина по карточкам получила кусочек хлеба и не успела спрятать, как его вырвал из рук неизвестный паренек. Он настолько был слаб, что не мог бежать, присел на крыльцо и тут же съел краюху. Но и Валентина не смогла побежать, чтобы настичь злоумышленника, так и осталась ни с чем…

Но все когда-нибудь кончается. В 1944 году была снята блокада. По этому поводу выдали немного гречневой крупы, повысили норму хлеба…[24]

А. Ф. Лобышева (Боброва)

"Пою и в паспорт не заглядываю"

... До войны я окончила медицинское училище в Ленинграде, на курсах совершенствования медицинских работников прошла специализацию по физиотерапии и была направлена работать в физиокабинет завода N 77.

Жила с мамой и папой на Большой Охтинской улице, которая проходит вдоль Невы. 22 июня 1941 года стоял теплый день. Окно открыто, тополь мирно листьями шелестит. Вдруг очень громко заговорил репродуктор во дворе. Все жильцы повыскакивали, побежали к репродуктору, там и узнали, что началась война.

В тот же день вызвали меня в райком комсомола и дали поручение - разносить повестки. Встречали таких "почтальонов" по-разному: молодежь - с энтузиазмом, а их взрослые

[24] Карелия. - 2010. - 2 февр. - С. 7.

родственники - со слезами. В сентябре и в наш дом пришла повестка - ждал папа, а первой в семье была призвана я, маленькая девочка с косичками…

Никогда не забуду, как удивились в военкомате, решили, что я просто забрела не туда. Дежурный спросил:

- Девочка, чего тебе здесь надо?

- В армию иду, - гордо ответила я и показала повестку, где значилось, что с собой надо взять кружку, ложку и пару белья.

В здании арктического музея формировали полевой госпиталь N25-81. Мы еще отмывали все, белили и красили, а раненые уже поступали. В операционном блоке я перевязывала, гипсовала. Пока водопровод и канализация работали, было еще ничего. Потом ни света не стало, ни тепла. Устанавливали печки-времянки, выводили трубы в форточки и так пытались нагреть большие помещения с высокими потолками.

Особенно тяжело было зимой 43-го. На Неву в прорубь за водой для госпитальных нужд ходили, параши таскали. Обстрелы, бомбежки. Голод, все истощены, медики тоже.

Получали по 250 граммов хлеба и похлебку-дуранду из жмыха - отходов льняного производства. Три раза в день давали болтушку из дрожжей, чтобы авитаминоза не было.

Смертность была очень высокая - и от ран, и от голода. В свободное от дежурства время ходили мы на совхозное поле за Охтинским кладбищем. Там команды МПО города копали длинные неглубокие траншеи, метра два шириной, в которые мы раскладывали валетом трупы. Их привозили с улиц города, складывали вначале в сарайки, а потом уж и не строили сараев - прямо в траншеи укладывали. Страшно вспомнить, сколько людей полегло в дни блокады!

После снятия блокады наш госпиталь с Охты перебросили на Карельский перешеек, где он располагался в палатках и землянках. Вслед за войсками дошли до Выборга, Кексгольма. В конце 1944-го погрузили в дэпээмовские теплушки и перебросили на 1-й Украинский фронт.

Первая стоянка была под Перемышлем, на границе с Польшей. Развернули госпиталь в сеяном лесу - не естественном, а с ровными рядами деревьев, среди которых стояли оставленные немцами палатки и хорошо оборудованные землянки. Но очень неудобным был подъезд к госпиталю…

К Кракову шли пешком. Вот где мясорубка была! У немцев там склады всякие находились, всеми силами пытались они город удержать. Раненым прямо на улицах помощь оказывали - не хватало палаток. Ранения тяжелые.

Помню, как молдаванин один, приняв меня за польку (они нам помогали), просил меня:

- Пани, пани! Напойте мне молдаванеску! Пропела я какую-то мелодию, и он спокойно умер. А рядом другой раненый пришел в сознание, услышал, что я по-русски пою, и попросил письмо маме написать. Взяла листочек бумаги, и он диктует:

- Здравствуй, мама! Я чувствую себя хорошо!

Какое там хорошо - черепной, одной ногой на том свете! Сложила я листок треугольником (конверты тогда не требовались), написала московский адрес, который на всю жизнь запомнила. Звали того паренька Виктор Кура.

Узнала я, что он студент-историк. Он все говорил:

-Аня! Я должен продолжить учебу!, мечтал после войны в Ленинград приехать, по городу походить, а меня в гиды приглашал.

Выжил все-таки! Он нашел меня в дни Декады карельской культуры в Москве в 1980 году, куда я с хором ветеранов ездила. Мы до сих пор переписываемся с ним…[25]

[25] Карелия. - 2005. - 16 апр. - С. 11.

А. Бурдин

Не ради славы. Ради жизни на земле

Татьяна Кольцова

В книге «От Невы до Эльбы» С. Н. Борщева я прочитал об одном эпизоде, произошедшем на Ленинградском фронте. Во время танковой атаки гитлеровцев были ранены младший политрук Карандашев и еще несколько бойцов.

Санинструктор Таня Кольцова перевязывала раненых и перетаскивала их в воронку. Фашисты заметили ее и в тот момент, когда Татьяна подползала к Карандашеву, открыли по ним огонь. Молодой лейтенант крикнул Тане, чтобы она ползла в укрытие, но она продолжала перевязывать раненого... Очередью из пулемета был убит Карандашев и ранена Кольцова.

Один из танков развернулся и пошел прямо на Таню. Собрав последние силы, она вынула висевшую за поясом у мертвого Карандашева связку гранат и успела бросить ее под танк. Танк был подбит, но погибла и Кольцова.

Таня Кольцова — наша землячка. Она работала заведующей фельдшерско-акушерским пунктом в деревне Кузаранда в Заонежье. Приехала сюда после окончания медицинского училища. Ей было всего 20, когда началась война.

В июне 1941 года она пошла на фронт. Невысокой и хрупкой девушке приходилось вместе с бойцами идти в бой, однополчане вспоминали, как во время одной из атак она застрелила фашистского офицера [и погибла сама]. Так что характера и силы мужества ей было не занимать.

Случайно узнал я, что автор книги, генерал С. Н. Борщев, командующий соединениями, которые участвовали в боях за прорыв и снятие блокады Ленинграда, ошибся.

Таня Кольцова не погибла. Больше месяца врачи боролись за ее жизнь и вернули санинструктора в строй.

В составе действующей армии Анна воевала до конца войны, потом работала в одном из военкоматов Ленинграда, а затем в доме-интернате для ветеранов войны и труда…[26]

О. Миммиева

«Тебе, знавшему меня очень мало…»

Фаина Ивановна Царева (Галафеева)

…7 февраля 1942 года был сильный мороз. Под Колпино шли тяжелые бои с применением танков, самолетов, артиллерии.

Тяжело ранило командира полковника Ястребова. Поместив его на плащ-палатку, под минометным огнем лейтенант медицинской службы Фаина Царева (Галафеева) со своей подругой три километра, выбиваясь из сил, ползком тащили его к полевому госпиталю.

И, когда невдалеке с силой разорвался очередной снаряд, Фая заслонила собой раненого командира и тут же была ранена сама. Солдатский подвиг фельдшера Фаины Царевой по «горячим следам» описал тогда военный корреспондент газеты «Патриот Родины».

- Спину маме в том бою осколками прошило от и до,— вспоминает [дочь] Татьяна.

- Рана заживала в госпитале 3 месяца, все это время девушке пришлось лежать ничком на животе.

За спасение своего командира Фая Царева получила орден Красной Звезды, которым очень дорожила. А спустя время эта боевая награда уже и ее саму спасла от верной гибели - орден встретился на пути пули, целившейся е в грудь, и она от него отскочила.

[26] Карелия. - 2005. - 16 апр. - С. 11.

С тех пор у боевой награды, бережно хранимой в семье дочери Татьяны, на одном лучике отбита эмаль.[27]

Л. Кузнецова

«…Жизнь полюбила такую, как есть»

Мария Ивановна Балашова (Мурсалова)

…В своей Орзеге Мария Ивановна Мурсалова живет уже тридцать лет. Столько же состоит в потребительской кооперации. Работала продавцом в местном магазине, потом вышла на пенсию, но, похоже, этого не заметила, поскольку усидеть дома не смогла. Подменяла то одного, то другого — в магазине, на почте, а то и в детском саду.

В последнее время это делать трудновато, но Мария Ивановна, всю жизнь ярая общественница, и сейчас возглавляет комиссию кооперативного контроля станции Орзега…

Говорят, человек родится с радостью в душе. Надо только не позволить суровой, а подчас жестокой реальности погасить этот свет. Очень похоже, что в ее душе этот свет только ярче разгорается с годами. Удивительно! Скольких благополучных, обласканных судьбой людей напрочь ломала жизнь, а с этой заонежской крестьянкой, родителей своих не знавшей (умерли от голода?), ничего поделать не смогла.

«Двухголовая Муська» звали ее в Ладвинском детском доме. Очень уж быстро соображала, в школе все схватывала на лету. Именно ее, Балашову Мусю, одну из класса направили заканчивать десятилетку. Как раз перед войной учеба и закончилась. Началась другая школа.

- Мы с ребятами ничего не знали, радио не слышали — в онегзаводской «ямке» бежали комсомольский кросс, - вспоминает Мария Ивановна. - Было 22 июня.

Примчалась подружка, оглушила новостью: война, девчонки! Тут же, не сняв спортивной формы, двинули в военкомат: хотим на фронт, добровольцами!

Муся Балашова жила тогда в Петрозаводске у сестры и работала секретаршей в тресте «Водоканал». И лопата, которую вручили добровольцу вместо ожидаемой винтовки, сильно изменила ее жизнь.

Вдруг оказалось, что фронт рядом, и все от мала до велика должны рыть противотанковые рвы. Рабочий день с лопатой в руках продолжался с утра до вечера, и девочки с перевязанными руками, скрывая слезы и кровавые мозоли, снова и снова брались за эти проклятые лопаты…

Однако умная Муся (не зря же двухголовая!) догадалась, как попасть в действующую армию. Однажды, закончив очередную смену по рытью траншей, подхватила она подружек и, прошагав всю ночь пешком от Бесовца, где шли земляные работы, до Петрозаводска, девчонки снова явились в военкомат, но уже с конкретным требованием: отправьте нас в ПДО! Готовы делать все!

Добровольцы с косичками и догадаться не могли, что ждет их в этом ПДО — прачечно-дезинфекционном отряде. Не зря военком спросил: что же вы сможете с забинтованными руками? Но им, шестнадцатилетним, все было нипочем. Так и начали: одна — стирать, другая — гладить, пока ладони не зажили.

Теперь так уж нигде, наверно, не стирают — на досках, не разгибаясь, по 10-12 часов. Ударную работу подружек отметил даже «Боевой листок». Дома на вопрос сестры:

-Где ты работаешь? - Муся загадочно отвечала:

-Военная тайна.

Ночами городские жители несли дежурство возле своих домов, чтобы бомбежка врасплох не застала. Наравне со всеми несли ночную вахту и девчонки из ПДО. Целый день у корыта, а ночью — опять на работу. Попробуйте-ка не спать круглые сутки!

[27] ТВР-панорама. – 2010. – 27 мая. – С. 23.

Чувствуя, что силы на исходе, добровольцы пришли к начальству: сделайте что-нибудь!

-Переходите на казарменное положение, - ответили им. Что делать, перешли. А через двое суток вместе с армией их перебросили в Лодейное Поле - как оказалось, в самое пекло.

Куда рвались, туда и попали - на самую настоящую войну. Те страшные сентябрьские дни сорок первого года Мария Ивановна помнит во всех подробностях.

Как наши отступали с боями, оставляя Лодейное Поле. Как непрерывно бомбили станцию - важный железнодорожный узел, и штатские со страху лезли под вагоны, не понимая, что это и есть самое опасное место. Как на глазах у нее горели вагоны и люди. И какими неподъемными оказались носилки с ранеными, которые под бомбами пришлось им с подружкой грузить в поезд.

- Мы там потеряли свой страх, - напишет она много лет спустя. Вырвавшись из кошмара, их поезд трое суток добирался до Кеми.

-Тяжелее этого рейса в моей жизни не было, - говорит Мария Ивановна, - может быть, потому что он был первым...

Ничему-то они еще не были обучены. Напоить раненого — и то проблема. Где найти воду, ведь поезд стоит на станции всего несколько минут! Из чего напоить, если котелков на всех не хватает? Чем перевязать, где взять лекарства? Стихийный этот поезд ни в каких списках не значился, в нем не было ни врачей, ни перевязочных материалов, ни белья для раненых. Людей грузили впопыхах в обычные теплушки, и на каждую неопытную сандружинницу приходилось по два вагона раненых людей. Но по-настоящему важным было только одно: 900 бойцов вывезены с передовой и, значит, спасены. Девчонкам так хотелось, чтобы все они выжили!

Из Кеми обратный путь лежал в Петрозаводск. Здесь подружек-сандружинниц зачислили уже в настоящий санитарный поезд ВСП-180, с полным медицинским персоналом и всеми положенными хозяйственными атрибутами.

Из полыхающей пожарами карело-финской столицы состав взял направление на Медвежьегорск. И началась для Муси Балашовой бесконечная военная дорога, приводившая то в Вологду, то в Архангельск, то на Ладогу, то в Заполярье.

В сорок втором году девушки приняли армейскую присягу. Марии Ивановне присвоили звание ефрейтора. Видно, была у нее репутация толкового и надежного человека: когда ранили старшину поезда (по-штатски — завхоза), ей поручили эту должность. Отныне восемнадцатилетняя Муся головой отвечала за то, чтобы поезд был обеспечен всем необходимым, то есть — за жизнь.

Чего только не навидалась она за эти годы! В сорок третьем перед прорывом ленинградской блокады несколько раз попадала под бомбежки на «Дороге жизни» вместе с машинами, вывозившими раненых.

Их перевозили ночами, а чтобы враг не обнаружил, не смели зажигать огня. В полной темноте полыньи не разглядеть, машины проваливались под лед, а фашистские самолеты бомбили и бомбили…

До сих пор стоит перед глазами Марии Ивановны лицо молоденькой медсестры, цепляющейся за кромку льда. Только и успела крикнуть:

-Смерть гадам! Не надо войны!

Много позже Мария Ивановна напишет об этом в стихах: «Герои мои уходили ко дну...»

А вот еще: «Горело все, и люди, и земля». Это уже о боях под Тихвином. Оттуда санитарный поезд вывозил не только раненых бойцов, но и штатских погорельцев, пострадавших от непрерывных бомбежек.

- Ни одного стекла в нашем поезде не осталось, когда вырвались оттуда, - вспоминает Мария Ивановна.

Война для нее закончилась в двадцать лет…[28]

[28] Курьер Карелии. - 2009. - 1 июня. - С. 5

Л. Нифантьева

Главная награда

Валентина Порфирьевна Козаченко

Валентина Порфирьевна коренная петрозаводчанка…

Когда началась война, Валентина уже работала в отделе военной цензуры НКВД. Оттуда она добровольцем пошла на фронт. Был призван и ушел на фронт ее муж, Георгий Козаченко. Всего и вместе-то успели побыть 3 месяца.

Валентину отправили на учебу в московскую спецшколу отдельного мотострелкового батальона особого назначения НКВД. Там готовили к разведработе в тылу врага. Она готовилась стать радисткой спецотряда.

Было ли трудно? Нет, учеба шла легко. Говорят, кто имеет хороший слух, тому эта грамота легко дается. Валентина же с юности в хоре пела, так что работать на ключе было - как песню петь.

Испытанием стали прыжки с парашютом. Выпрыгнула последней, а приземлилась первой. Чудом осталась жива. У нее перехлестнулись стропы, и поэтому приземление было стремительным. Хорошо еще, что на траву приземлилась. И хотя ей больше никогда прыгать с парашютом не доводилось, в памяти этот случай остался навсегда. На задание же их, разведчиков-диверсантов, отправляли не на самолетах, а на бронекатерах.

Шел сентябрь 1943 г. Темной ночью на бронекатера Онежской флотилии погрузилась группа разведчиков из 24 человек. Единственной женщиной среди них была радистка Валентина Козаченко. Разведчики должны были заминировать путь между разъездом ИмсельгаКондопога.

Катера взяли курс в направлении Кондопожского залива. Вот и мыс. Добрались до мыса, пересели в лодки и стали медленно грести к берегу. Что-то их ждет?

Рассчитывать приходилось только на себя, шли по оккупированной территории. Валентина несла за плечами «Северок» - рацию, любимую всеми партизанами и подпольщиками, - питание к ней, запас продуктов. Бойцы были нагружены посерьезнее: предстояло минирование на большом участке.

Пока разведчикам везло: на вражеских солдат не натыкались, гарнизоны благополучно обходили стороной. Вот наконец дошли до реки Чеба. Ночь прошла в томительном ожидании. Отправленная разведка вернулась довольная: «Все спокойно, охраны не заметили». Разведчикам хватило 2 часов, чтобы на пятикилометровом участке уложить 22 мины.

Отошли к ближней деревне Мянсельга, остановились в лесу. Нужно было немного выждать, проверить реакцию мин. За ночь прошли четыре поезда и дрезина. Значит, все в порядке. Можно было возвращаться, «гостинец» сработает в нужный момент.

И тут непредвиденное — они не смогли выйти на связь и дождаться бронекатеров. Отказала рация. Да и как уберечь было ее, если однажды саму радистку еле-еле успели вытащить из болота? Пришлось разведчикам самостоятельно добираться до линии фронта. Вот тут-то и наступили самые настоящие испытания. Когда отряд неожиданно наткнулся на вражеских солдат, за ними началась нескончаемая погоня. Кончились продукты, кончились силы, а помощи ждать было неоткуда.

Изможденные бойцы не могли принять бой. Так и шли, затылком чувствуя присутствие врага. За весь обратный путь ни разу не разожгли костер и не просушились. И только на 15-е сутки оказались на своей территории. Это был самый радостный день в жизни Валентины и ее товарищей.

Около месяца беломорские медики возвращали разведчиков к жизни. Кто-то после лечения сразу вернулся в строй, Валентине же врачи вынесли суровый вердикт: «Негодна». Однако служба Валентины Порфирьевны продолжалась…[29]

[29] Петрозаводск, 2011. - 2 февраля (№ 5). - С. 12

Пешком от Нарвы до Выборга

Александра Ивановна Лазарева (Урванцева)

Шурочка Лазарева после окончания пединститута в 1941 году получила направление - учитель в школе деревни Самбатукса. Но работать молодому специалисту не пришлось, так как уже 5 сентября финская армия вошла в Олонец.

В Лодейном Поле Александра записалась добровольцем на фронт. Здесь пригодилось её знание финского языка и вторая специальность, которую давали студентам в пединституте, - переводчик. Её взяли машинисткой-переводчицей в штаб 7-й армии Карельского фронта.

Александра Ивановна была на фронте с сентября 1941 по май 1945 года. За всё это время она не убила ни одного противника, потому что главным её оружием было слово – голос, усиленный динамиком, раздавался над вражескими окопами. Не раз эту работу приходилось выполнять под прицельным огнем.

Не менее важной работой сотрудников седьмого отдела, в котором служила Александра Ивановна, была работа по моральному разложению противника на оккупированной территории. В тыл посылали тех, кто хорошо владел этими языками. Благодаря отличному знанию финского языка, она смогла устроиться на службу работницей на одном из эстонских хуторов. Её задача состояла в том, чтобы убеждать население саботировать «новую власть», поддерживать веру в победу Красной Армии.

Летом 1943 года Александру Ивановну командировали на 10 дней для аналогичной работы в район Шлиссельбурга, где тогда шли наступательные бои. На том участке фронта в гитлеровской армии воевало много финнов и эстонцев, поэтому там нужны были рупористы для проведения работы среди солдат противника.

В качестве награды в ноябре 1944 года за выполнение одного из заданий Александра получила короткий отпуск в Олонец.

Наша землячка прошла дорогами войны Ленинградскую область, Эстонию, Латвию. День Победы встретила в Риге. Александре Ивановне предлагали остаться в армии, но она очень любила профессию учителя и вернулась в школу.[30]

Г. Боркин

Ее закалил Сталинград

Зинаида Сергеевна Бодухина

Благодаря героизму военных радистов, таких, как Зинаида Бодухина, фашист не прошел к Волге.

Всю сталинградскую эпопею, от ее начала, на берегах Донца, до уничтожения 6-й немецкой армии в руинах Сталинграда, прошла ветеран ЗАО "Петрозаводскмаш" Зинаида Сергеевна Бодухина, боевой путь которой начался летом 1941 года. Восемнадцатилетняя девочка добровольно вступила в Красную Армию сначала в качестве сандружинницы, а затем стала радисткой.

В мае 1942 года в результате неудачной наступательной операции на харьковском направлении три наших армии, углубившиеся в немецкую оборону, попали в окружение, в том числе и 57-я армия, в составе которой воевала Зинаида Сергеевна. Окруженные армии понесли большие потери - из кольца смогла вырваться лишь небольшая часть нашей группировки, остатки 57-й армии с ожесточенными боями отходили на восток.

Прошли годы, но Зинаида Сергеевна не может без слез вспоминать горькие дороги отступления по раскаленной степи, переправы через реки под яростным обстрелом, непрерывные атаки немецкой авиации, гибель многих боевых товарищей.

57-я армия вошла в состав Сталинградского фронта и в конце лета 1942 года заняла оборону южнее Сталинграда. Испытывая недостаток боеприпасов и продуктов, голодные, измученные непрерывными боями люди сдерживали натиск противника, рвавшегося к Волге. Никогда не забудет Зинаида Сергеевна черное от фашистских самолетов небо, непрерыв-

[30] Есть только миг… Петрозаводск, 2005. С. 25-26.

ные бомбежки и артобстрелы городских кварталов и переправ через Волгу, горящую на воде нефть и плывущие по течению тела убитых.

В полосе обороны 57-й армии фашисты не прорвались к Волге. 20 ноября армия включилась в операцию "Уран", наступая в направлении на город Калач с целью охвата вражеской группировки с юга. 23 ноября в районе хутора Советский кольцо окружения было замкнуто, и 22 фашистских дивизии оказались в стальном капкане. После этого 57-я армия принимала участие в ликвидации окруженной немецкой группировки.

3 января, за месяц до капитуляции 6-й армии, Зинаида Сергеевна была ранена. Выписавшись из госпиталя в апреле 1943 года, она получила направление в 18-ю воздушную армию, в составе которой и воевала до самой Победы, приняв участие в исторической Курской битве, освобождении Белоруссии и Прибалтики.

В октябре 1945 года Зинаида Сергеевна, к тому времени старшина, начальник пусковой радиостанции главного штурмана 18-й армии, была демобилизована, имея боевые награды: орден Красной звезды, орден Отечественной войны I степени, медали "За отвагу", "За боевые заслуги", "За оборону Сталинграда".

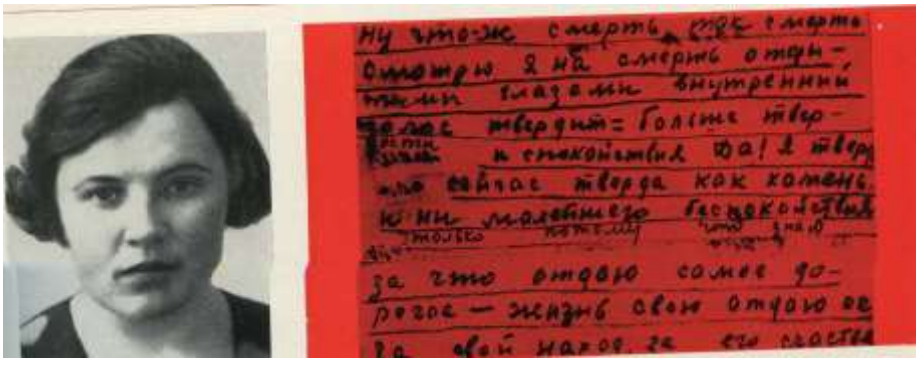
Вся ее последующая жизнь связана с нашим городом. С 1967 по 1988 годы она работала на "Петрозаводскмаше" в должности начальника отдела внешней кооперации. Все петрозаводскмашевцы, которым приходилось по работе общаться с Зинаидой Сергеевной, неизменно с большим уважением вспоминают ее добросовестность, обязательность, деловую хватку. В достижениях "Петрозаводскмаша" есть доля и ее работы. Добросовестный труд Зинаиды Петровны был отмечен высокими правительственными наградами. К боевым орденам прибавились и трудовые - орден "Знак Почета", звание заслуженного работника народного хозяйства Карельской АССР… [31]

Глава 2. ФРОНТ В ТЫЛУ ВРАГА

Партизанки, подпольщицы

Жизнь отдаю за свой народ, за его счастье

[Письмо секретаря Олонецкого подпольного райкома комсомола Анастасии Михайловны Звездиной родственнице Татьяне Звездиной]



…Да, Таня, родная, завтрашний день мне что-то готовит. Сегодня вечером узнала, что завтра суд. Время сейчас 21 час 30 минут. Обычно в это время мы уже спим, но сегодня не спится, не смыкаются ресницы мои. Мечты, мечты, мечты — все слилось в единое раскаленное кольцо, которое мучительной болью душит мою грудь. Считанные часы очень медленно движутся. Уже успела перебрать в памяти свою жизнь до мельчайших подробностей на несколько раз.

Сколько различных воспоминаний! 22 года жизни на белом свете не прошли бесследно. И все это неповторимо, все ушло в безвозвратную даль. Стою сейчас на краю бездонной

[31] Курьер Карелии. – 2005. - 30 марта (N47).

пропасти, она уже готова заключить меня в свои объятья. Стою. Стою не просто, а с высоко поднятой головой. Смерть, смерть, смерть — словно эхо вторит мысленно произносимое слово. Ну, что ж, смерть, так смерть. Смотрю я на смерть открытыми глазами. Внутренний голос твердит: больше твердости и спокойствия.

Да! Я тверда сейчас, тверда, как камень, и ни малейшего беспокойства только потому, что знаю, за что отдаю самое дорогое — жизнь свою: отдаю за свой народ, за его счастье.

Быть может, это последнее письмо, пусть оно будет последней памятью... Береги его, Таня, до тех пор, пока не встретишь мою мать, сестер родных и брата любимого. А когда встретишь их, пусть и они прочтут мое последнее сказанье. И тогда все вместе выпейте горькое вино на помин души моей.

Сегодня я много, очень много думала о матери, о сестрах, о брате, о тебе и о малышах. Все дороги мне. Подумать только, быть может, никого больше не увижу, даже не верится. А ведь как хочется, хочется жить, но раз это во имя Родины, то не жалко и помирать. Если получу расстрел, то прах мой примет земля сырая. За этой оградой давно готова большая могила, и там уже покоятся прахи многих людей, там и я буду, «веселей» будет. Там и простор вокруг...

Могила, могила. Ее будет свежий ветерок веять, снегом заносить и дождем мочить, а вместо соловьев будет ворона кружиться, раздавая свое крра, крра.

Не печалься, Т.аня, счастье вернется, обязательно вернется, и тогда все засияет опять, а пока мужайся и расти Ванюшу маленького. Самые наилучшие пожелания от меня всем родным и знакомым. Живите и творите на славу. А теперь прощайте или до свиданья, если останусь в живых, то напишу еще. Крепко, крепко целую. Настя.

Архив Петрозаводского института языка, литературы и истории Академии наук СССР, ф. 1, оп. 42, д. 849. Подлинник.[32]

Радистки-подпольщицы

Ольга Егоровна Филиппова

В дни празднования 20-летия победы над фашистской Германией Указом Президиума Верховного Совета СССР группа карельских партизан и подпольщиков была награждена орденами и медалями. Среди посмертно-награжденных орденом Отечественной войны 1-й степени была Ольга Егоровна Филиппова.

До последнего времени мы мало знали о ней. Родилась она на севере Карелии в деревне Мелкогуба. Поступив в Петрозаводское педагогическое училище, стала комсомолкой, серьезно выполняла комсомольские поручения: учила неграмотных, была пионервожатой. Затем учительствовала в деревнях родного Калевальского района (Кондоки, Ухта). За образцовую работу Президиум Верховного Совета СССР в 1939 году наградил молодую учительницу медалью «За трудовое отличие»…

В грозные годы войны О. Е. Филиппова по рекомендации Калевальского райкома партии уходит в действующую армию, овладевает специальностью радистки, а затем засылается в тыл противника с подпольной группой Деляева и Звездиной.

Началась полная опасностей работа. Рация Ольги работала безотказно. Одна за другой приходили радиограммы. И вдруг связь оборвалась... Вместе с А. Звездиной была схвачена и 17 февраля 1943 года расстреляна радистка группы Ольга Филиппова….[33]

[32] В грозные годы. – С. 62-64
[33] Там же. С. 65-66.

Любовь Александровна Туманова

Биография Любы Тумановой — это биография сотен тысяч ее сверстниц. Родилась она в 1920 году в деревне Кулакове Волховского района Ленинградской области в семье крестьянина-бедняка.

В 1938 году, окончив ФЗУ, комсомолка Туманова получила специальность слесаря-автоматчика и уехала на работу в Карелию.

Когда началась Великая Отечественная война, Люба работала осмотрщицей вагонов на станциях Кемь и Сорокская Кировской железной дороги. Она вступила в народное ополчение, стала донором, мечтала защищать Родину с оружием в руках.

...В июльскую ночь 1943 года с одного из наших аэродромов поднялись и ушли в сторону Петрозаводска несколько самолетов. Они имели на борту группу работников Петрозаводского подпольного горкома партии. В их числе была и радистка Люба Туманова.

В августе каратели обнаружили подпольщиков. В схватке с врагами погиб секретарь подпольного горкома Федор Тимоскайнен. Пути к спасению были отрезаны.

Сейчас почти невозможно восстановить события раннего утра 23 августа 1943 года, когда на небольшом островке близ деревни Суйсари враги схватили забывшихся тяжелым сном, смертельно уставших людей.

По одному свидетельству, Люба, не желая сдаться врагу, взорвала себя и рацию гранатой, по другим данным — застрелилась. Но главное не в деталях. До последней минуты своей короткой жизни комсомолка Люба Туманова оставалась сильным и мужественным человеком, верной дочерью своей страны.[34]

Сильва Карловна Паасо (Удальцова)

…В июле 1943 года вместе с группой товарищей меня вызвали в Центральный комитет компартии Карело-Финской ССР и поставили перед нами задачу: проникнуть на территорию оккупированного Шелтозерского района, создать подпольные партийную и комсомольскую организации, установить прочные связи с местным населением, среди которого развернуть политическую работу, направленную на срыв всех мероприятий, проводимых оккупационными властями; сообщать необходимые разведывательные данные Центру…

Шелтозерский район находился неподалеку от линии фронта на Свири, где финнами проводились большие работы по укреплению линии обороны. Через Шелтозеро проходили основные военные коммуникации по снабжению финской армии, находившейся в районе реки Свири.

Близость к линии фронта создавала дополнительные трудности для работы подпольной организации, в каждом селе враги создали сильные военные комендатуры.

До нас в Шелтозере побывали связные ЦК КП(б) республики Анна Лисицына и Мария Мелентьева, удостоенные впоследствии за мужество и отвагу звания Героя Советского Союза…

Когда меня назначили радисткой, мне только-только исполнилось 19 лет. Я была безмерно счастлива и благодарна за доверие. Помню, как огорчили меня летчики, которые должны были сбросить нас в тыл врага. Они с таким недоверием отнеслись ко мне, а потом не выдержали и прямо сказали: «Мы считаем, что в тыл врага нужно посылать смелых, отважных и сильных людей». Возможно, летчики после моей оплошности — тренировочного прыжка с парашютом, — когда я потеряла сапог, и думать обо мне иначе не могли?..

[34] В грозные годы. Петрозаводск, 1970. С. 73.

13 августа 1943 года пролетели через линию фронта. Потом летели над Онежским озером. Вот уже и лес. Стали кружить над поляной. Летчик М. Березкин подал мне сигнал, я вылезла на крыло и прыгнула.

Вскоре собрались вместе на болоте… На следующий вечер приготовили три костра для сигнала летчикам, которые должны были сбросить нам продукты. Но самолеты не прилетели.

Спустя несколько дней Горбачев с Удальцовым пошли на связь с местным населением, а я и Асанов остались поджидать самолеты. По расчетам, товарищи должны вернуться к нам на вторые сутки. Но проходило время, а они не возвращались. Я тем временем установила связь с Большой землей, получила радиограмму, что продукты выброшены — ищите.

На седьмые сутки вечером пришел Удальцов, да еще не один, с ним трое: С. Е. Гайдин, С. Д. Июдин и П. С. Бекренев. Они были выброшены в районе Лодейного Поля, но, когда приземлились, потеряли радистов и уже более недели блуждали по лесу. Хотели перебраться через Свирь или Онежское озеро на свою сторону, ведь без радистов в тылу работать невозможно…

На следующее утро Удальцов ушел в деревню за Горбачевым. И вот Д. М. Горбачев не торопясь рассказывает о первой связи с населением. Они целый день следили за жизнью в деревне. Установили, что финских солдат там нет. Население на полевых работах, рыбачит на озере.

Под вечер все ушли с поля домой, осталась только одна женщина, Д. М. Горбачев узнал ее — это была Д. А. Буравова. Он стал тихонько подходить, окликнул ее по имени, заговорил по-вепски. Она сразу узнала Д, АЛ. Горбачева. Горбачев попросил передать родителям или сестре М. М. Тучиной, что он будет ждать их в лесу у большой сосны, но чтоб она больше никому не говорила, что видела его, и поспешил обратно в лес.

Подошел Удальцов, они поднялись на высоту и стали следить за деревней. Уже в сумерках увидели, как к лесу подходят два человека. Шли Мария и Дмитрий Тучины. Нам было уже известно, что Д. Е. Тучина назначили старостой села Горнее Шелтозеро.

…Д. Е. Тучину было лет 30, он был инвалидом советско-финляндской войны. … Он был очень ценным нашим помощником, вдумчивым, серьезным и умным. Все, кого он впоследствии рекомендовал для работы в подполье, оказались настоящими советскими патриотами…

Оккупационные власти беспощадно расправлялись с людьми, которые подозревались в связи с партизанами. В каждой избе вывешивался список проживающих в ней, для перехода из деревни в деревню нужно было получить специальный пропуск у коменданта. Зимой вокруг каждой деревни была проложена контрольная лыжня, за переход которой население строго каралось.

Выяснив обстановку в районе, мы решили в первую очередь организовать работу в Вознесенье. Сюда, на строительство оборонительных рубежей, было согнано свыше семисот человек, отовсюду — из Ленинградской области, Петрозаводска, Шелтозера, Олонца, Пряжи, Ведлозера.

Уже в середине сентября на Свири появилась первая комсомольская организация, куда вошли: Ф. Реполачев, С. Бутылкин, Е. Бальбин, А. И. Буравова. Они осторожно вели работу среди молодежи, старались передавать рабочим сообщения Совинформбюро.

В середине сентября по просьбе Тучина в Горнее Шелтозеро из Петрозаводска приехал Н. Антонов, слесарь из каких-то мастерских. Антонов согласился работать с подпольщиками. Поручили ему узнать, работает ли Онежский завод и что там производится, установить связи с надежными людьми, которые жили в концентрационных лагерях Петрозаводска, Антонов задание выполнил и сообщил нам много ценных сведений.

В первые дни нашей жизни на оккупированной территории мы слышали свистки паровоза. Но Д. М. Горбачев твердо знал, что здесь нет железной дороги. Поэтому он попросил И. Ф. Гринина побродить по лесу под видом сбора грибов и ягод или рыбалки, разведать район. Тучину же было дано задание добыть документ, дающий право И. Ф. Гринину свободно двигаться с Калинострова до Залесья и Матвеевой Сельги…

Оказывается, финны в глубоком лесу построили узкоколейную железную дорогу от Вознесенья до станции Токари. В сутки по ней проходило примерно четыре состава с грузами для фронта. О железнодорожной ветке немедленно сообщили в Центр.

В конце сентября жить в шалаше уже холодно, а нам предстояла зимовка. Решили построить более удобное и теплое жилище…У нас кончились продукты. Питались собранными в лесу грибами и клюквой. Чем могли помогали местные жители: давали нам картошку, капусту, морковь, брюкву, толокно, финские галеты.

У меня совсем сели батареи. Центр слышал только позывные. А погода была нелетная. Однажды дежурный разбудил нас, сказал, что слышит гул самолета. Ребята выскочили на пожню, разожгли костры, но самолеты улетели.

На следующий день получили радиограмму — продукты выброшены. Мы их искали неделю, так и не нашли. Мужчины совсем ослабли, еле двигались. А финские солдаты рассказали Тучину, что в лесу нашли мешки с продуктами и даже «шнапс». Они эти продукты запрятали в лесу и, когда им разрешали идти на охоту, подкреплялись ими. Разговоры среди солдат о продуктах разошлись молниеносно, и «охотников» в лесу появилось множество.
Иногда солдаты совсем близко подходили к нашей избушке. Жить становилось все опасней…

В ноябре выпал снег и уже не растаял. На связь в деревни выходить стало опасно. Финские солдаты все время бродили по лесу. 27 ноября Д. М. Горбачев решил еще раз сходить на связь в деревню. В пяти метрах от избушки он увидел след, не трудно было определить, что здесь только что был вражеский солдат и заметил нашу избушку.

Горбачев распорядился уходить. Мы быстро собрались и вышли в Горнее Шелтозеро к Тучину, там предстояло решить, как будем работать дальше. Вышли в 15 часов, и все старались идти по одному следу. Через два часа пошел густой снег, и все наши следы замело. В деревню мы пришли к 8 часам вечера. Посидели у крайних сараев, подождали, когда в деревне заснут жители.

И вот в 11 часов вечера мы у Тучина на кухне пьем чай. Тучин сказал, что мы будем жить в деревне, но где именно, нужно подумать. «Летом каждый кустик вас укроет, а зимой от следа далеко не убежишь»,— сказал Тучин.
Решили оборудовать место в хлеву самого старосты… Жить у Тучина было опасно, мы понимали, что подвергаем опасности не только семью Тучина, но и жителей деревни. Финны очень жестоко расправлялись с теми, кто скрывал партизан…

Финны запрещали молодежи собираться вместе, не разрешали танцевать, петь. За нарушение приказа остригали наголо, за нарушение его в третий раз — машинкой выстригали крест от лба до затылка и от уха до уха.

Настал декабрь 1943 года. Запасы, полученные к ноябрьским, иссякли. Хотя связи с населением увеличивались и все больше людей помогали нам продуктами, накормить 6 человек было не просто. У меня совсем сели батареи. Ребята, как могли, доставали батарейки для карманных фонариков и приносили мне, но они тоже быстро садились. С Центром все труднее было держать связь…

В начале 1944 года финские власти заменили всем жителям района паспорта. Описание новых паспортов мы сообщили Центру.

7 января этого же года получили радиограмму: встречайте продукты от 3-х ночи до 6 утра… Три парашюта мы нашли довольно быстро, они упали недалеко от нас, а 4-й отнесло дальше. Мы не знали, что к нам выбросили радистку [Катю Насонову] с рацией…

В феврале—марте 1944 года финны начали вести усиленную агитацию среди населения на переезд в Финляндию в случае вынужденного отступления финских войск. В школах учителя просили детей уговорить своих родителей выехать в Финляндию, а дома свои сжигать. Повсеместно проводили сходки, на которые насильно гнали всех, за исключением самых малых и старых…

Финны бесились, так как чувствовали, что в районе работает подпольная организация. Регулярное появление листовок, советских газет на Свири, в Янигубе, у военнопленных, в Бережном Шелтозере, и, главное, настроение населения и не только местного, но и финских солдат, приводило начальника района капитана Оприспя, начальника полиции Раутанена и

комендантов деревень в ярость. Они стали принимать экстренные меры, чтобы выявить группу…

Они устраивали обыски в домах, но когда это не помогло, начали проверять хлевы под видом проверки скота. Такую проверку провели и у Тучина, за какой-то месяц даже дважды…

Для нас же стало ясно, что оставаться у Тучина больше нельзя. Сообщили о создавшейся обстановке Центру, и нам разрешили выход… [35]

Е. В. Тарасова (Аникиева)

У каждого своя война

- Как вы стали подпольщией?

- Подпольщицей стать я и не успела...

В один из дней Евдокия написала заявление в райком компартии: «Прошу послать меня на самый тяжелый участок фронта!». Да еще и подчеркнула слова «на самый тяжелый».

Через некоторое время ее пригласили в ЦК комсомола, где состоялся разговор с Юрием Владимировичем Андроповым.

Он спросил меня: «Думаешь, легко там?» Андропов пытался отговорить меня, рассказывал, как тяжело на фронте. Меня направили в спецотряд НКВД, который размещался в Шижне.

Евдокию заметили. Генерал вызвал девушку для беседы: «Хотим послать тебя на учебу в Москву. Будешь радисткой. Забросим тебя в тыл врага».

В короткий срок группа из 7 человек была собрана и отправлена в Москву. В этой школе готовили подпольщиков, радистов, разведчиков на все фронты. Называлась она ОМСБОН – отдельный мотострелковый батальон особого назначения.

- До нашего отъезда в Карелию был организован лыжный кросс – для девушек 5 км, для молодых людей 10 км. Лыжня была очень сложная, и почти все курсанты вернулись обратно. Радистку Евдокию не смутили ни плохая погода, ни сложная трасса. Она не растерялась: увидев двух мужчин перед собой, «уцепилась» за них. Они прошли 10 км, а вместе с ними и Евдокия. Для нее эта трасса оказалась обычной: в истребительном батальоне она с лыж не слезала. Все были удивлены и восхищены выносливостью молодой девушки, о ней даже в стенгазете написали. Политрук предложил девушке отправиться на Центральный фронт. Только не согласилась Евдокия: «Раз меня Карелия послала, в Карелию и вернусь».

- Долго ли вы готовились к забросу в тыл врага?

- Готовились к заданию мы в группе Гайдина. Почти полгода шла серьезная подготовка в Сегеже. Нас было шестеро. Но с самого начала что-то пошло не так: один из нашей команды сломал ногу, пришлось задержаться. Но так и отправились на задание в Вологду без него - Степан Гайдин, Павел Бекренев, Семен Июдин, Николай Морозов и я.

Но по каким-то причинам операция откладывалась. Оттуда мы поехали на аэродром к Алеховщине (Ленинградская область). Прямо там, на аэродроме, в землянке и жили, ожидая приказа. 29 июля 1943 года разведчики вылетели на задание не на одном, как ожидалось, а на 5 разных У-2. Их должны были выбросить в Шелтозерском районе в одном месте по очереди…

Груз был неподъемный: рация 4,5 килограмма, питание к ней 11,5 килограмма, продукты, оружие и парашют. В такой экипировке сложно было стоять, не то что прыгать.

Когда взлетали, в небе появились финские бомбардировщики. Зенитки стали бить по ним. А самолеты с разведчиками оказались посередине. Чудом спаслись.

По команде пилота Евдокия выпрыгнула из самолета. Приземлилась хорошо, правда, парашют остался на дереве. Снять его она не смогла. Надо было уходить, оставаться опасно. Утром радистка должна была выйти на связь. Но обнаружила, что часов нет, видимо, выпали: выданы были мужские, не по руке.

- И как же вы без часов?

[35] Незабываемое. Петрозаводск, 1974. С. 258-269.

-Примерное время посмотрела по солнцу, включила приемник. Слышу свои позывные. Послала радиограмму:«Приземлилась благополучно. Ищу ребят. Часы потеряла». В ответ: «Действуете правильно. Ищите ребят».

В поисках я две недели блуждала по лесам. Батарейки уже еле-еле держались. Даю радиограмму: «Вышлите мне питание и часы». Самолет сбросил посылку на следующий день: батареи есть, а часов нет - забыли!

Вскоре пришла заветная радиограмма с координатами Николая. Пошла налегке, ненужные батареи замаскировала в болоте. Только вышла на открытое место, навстречу шагают финские солдаты. Бежать некуда: слева болото, справа поляна. Увидела кустик на болоте, отползла к нему, замаскировалась. Не заметили...

Евдокия шла весь день. Когда добралась к условленному месту, начался дождик, спряталась в кустах, пробыв там до утра. Прошло еще полдня. Вдруг кто-то кричит: «Дуся!» Николай бежит радостный. Выяснилось: его выбросили так далеко, что даже карты не хватило. Он был один.

В 7 часов связь. Николай дал мне рацию, уже слышу свои позывные. Надо выждать 5 минут. Вдруг Николай шепчет: «Пригнись! Финны идут». Солдаты увидели нас, Николай поднялся, и его сразу застрелили. Сообщить в центр, что нас окружили, я не успела. Несколько выстрелов, будто камешки по телу. Я упала. Слышу, один финн другому говорит: «Я же сказал, они нам живые нужны».

Она была жива. Положили на носилки и понесли. А потом бросили носилки посреди просеки. Поставили двух человек охранять. Евдокия провела ночь под дождем, ничем не прикрытая, лежа под открытым небом с пятью ранами (в плечо, бедро, руку, две пули попали в спину).

Утром меня отвезли в Кашканы, стали допрашивать. Все осложнилось тем, что у Николая с собой была моя фотокарточка, подписанная на память. В блокноте Николая финны также нашли зашифрованные первыми буквами наши фамилии. Поэтому они уже знали, что нас было пятеро, и первые буквы наших фамилий. Приходилось выдумывать на ходу, сочиняла имена и фамилии, главное было отвести подозрения от группы. И мне это удалось.

- Что сделали финны, когда поняли, что от вас ничего не добьются?

- Немного пролечили в пряжинской больнице и отвезли в петрозаводскую тюрьму. Суд состоялся 9 декабря 1943 года: расстрел. Другого наказания я и не ждала. Но меня не расстреляли. В Финляндии совершеннолетними девушки являются с 21 года. Суд приговорил меня к пожизненной каторге.

-И долго вы там пробыли?

-Почти полгода. Когда меня перевели в Киндасово, я начала готовить план побега. Помог случай. На работах сильно ушибла палец. К врачу отвели, земляк оказался. Он четыре недели у себя держал, перевязки делал. Травма серьезная была, предлагали ампутировать палец, но я наотрез отказалась. Бежать мы собрались с Костей Николаевым, еще Оле Похвалиной сказали. А она позвала Таню Пешеходову – не знала, что она предательница. А я знала, но деваться было некуда.

Распределили, кто за кем будет бежать, Таня была последней. Мы ждали ее в лесу, смотрим идет. Вышли на открытое место, кричим ей: «Беги скорее!». А с ней охранники, да еще и с собаками. Началась самая настоящая погоня. Кричу ребятам: «Бегите без меня, не могу я!». Оля говорит: «Я тебя не оставлю!». Костю прошу: «Беги хоть ты!» Он побежал, а мы с Олей остались. Нас отвели в камеру, избили так, что руки почернели. Пришел охранник, говорит: «Собирайтесь!». Вместо расстрела нас отвезли в петрозаводский лагерь. Там мы были всего два-три дня. 28 июня 1944 года Петрозаводск был освобожден. А до конца войны оставался почти год...[36]

[36] Лицей. – 2010. - № 5(май). – С. 3

И. И. Касьянова (Васильева)

Комсомольцы - добровольцы в лесах Карелии

В июне 1941 года я, учительница Ребольской средней школы, была начальником пионерского лагеря. Красивейшее место на берегу озера рядом с поселком Кимоваары.

22 июня звонок из райисполкома: война, возвращайтесь с детьми в Реболы. Со сна говорю возмущенно: кому война, а детям отдых нужен! Но на пороге уже стоит начальник заставы - вблизи границы оставаться нельзя, колхоз выделил брички с лошадьми, надо срочно уезжать.

На полпути в Реболы наши повозки уже обгоняли беженцы. Они сообщили, что финны захватили заставу, поджигают дома, люди бегут из деревни.

В Реболах полным ходом шла эвакуация. Мы, комсомольцы-добровольцы, помогли населению погрузиться, и машины одна за другой направились в сторону Кочкомы. На минутку заскочила домой взять кое-что из вещей. Швырнула в угол новенькие бежевые туфли - вернусь, подберу. Никто не думал, что вернемся нескоро.

Под Тикшей финны пытались остановить колонну машин минометным огнем, но обошлось. В эвакопункте Кочкомы беженцев распределяли кого в Архангельскую область, кого в Вологодскую. Мы с подругой Клавой Голованової попали в Беломорск и решили: пойдем не в школу работать, а в госпиталь. Удивились там, но взяли санитарками…

Меня назначили сестрой-хозяйкой, а Клава по секрету даже от меня записалась в партизаны. Обидно мне стало, начала тоже проситься. Начальник госпиталя не пускал, я пошла прямо в ЦК партии и заявила: хочу быть партизанкой!

- А что ты умеешь делать?" - спросили. Там как раз был командир Ребольской заставы, заступился за меня:

- Хорошая лыжница, Ворошиловский стрелок, финским владеет. Аргументы были весомые.

Я и на самом деле много с детьми на лыжах ходила, все горы в окрестностях Ребол покорены были. В педучилище N1 была четырежды значкисткой - все нормы ГТО выполнила и даже значок "Ворошиловский стрелок" получила.

Финский язык в КФССР был обязательным для обучения. Когда Гюллинга и Шотмана репрессировали, язык запретили изучать, даже словари заставили уничтожить. А мне так жаль было - финский легко давался. Пригодилось знание этого языка, когда учительницей работала, в деревнях почти все по-фински да по-карельски разговаривали.

…Направили меня сначала в спецшколу в Сегежу, потом определили в партизанский отряд "Красное знамя" сандружинницей. Комиссаром был Василий Алексеевич Малышев, а командиром - Владимир Петрович Введенский. Ох и гонял он нас! Сам отличный лыжник, требовал от партизан полной самоотдачи. Непросто было стрелять из винтовки не на мирных соревнованиях, а на 30-градусном морозе в неуклюжем полушубке, солдатских рукавицах с двумя пальцами. Но приловчилась: 48 из 50 выбивала!

Первый наш поход был за языком. Построили отряд и спросили:

- Кто пойдет на задание? Три шага вперед!

Еще неизвестно, каким будет задание, но вся шеренга сделала три шага вперед. И так было всегда - только добровольцы ходили на задание, а мы все там были комсомольцами-добровольцами. Уходили без документов, даже "смертников" с собой не было (так жетоны солдатские называли). Впереди - разведгруппа, за ней - отряд прикрытия. Потом подсчитали: отряд "Красное знамя" совершил 11 походов.

В летнее время на базе в Кепе не появлялись по месяцу, зимой - дней по 15. Около четырех тысяч километров пройдено по тылам противника - по временно оккупированной территории Кестеньгского, Калевальского, Суоярвского и Пудожского районов, а также на Кандалакшском и Ребольском направлениях.

Быть сандружинницей долго мне не пришлось - вышел приказ о введении в партизанских отрядах должности помощника комиссара по комсомольской работе. Приказом от 4 мая

1942 года я была назначена на эту должность в отряде "Красное знамя". Проводили комсомольские собрания перед походом, политинформации, занятия по лыжной подготовке (в отряде было 50 добровольцев из Ташкента - трудно им давалась лыжная наука), организовывали концерты, выпускали боевые листки.

Жизнь в походе шла по своим законам. Общего котла не было. Разбивались по группам 3 - 4 человека, готовили для себя и ели. С продуктами были аккуратны - деревень близко не было, рассчитывать могли лишь на себя. Случалось и голодали. Одна наша группа на севере целый месяц без пропитания держалась. Моя группа как-то тоже неделю на грибах и ягодах жила. На привале, где было возможно, ставили шалаш: с боков плащ-палатки, в центре костер. Укладывались по кругу ногами к костру на боку - 20 сантиметров на каждого - и засыпали мгновенно, даже не ворочались во сне…

Одевали нас по-армейски, только зимой на шапке красная полоска была. Летом гимнастерка, плащ-палатка, брюки да кирзовые сапоги, в которых через месяц уже хлюпала вода, так как ходили мы лесом да болотами, иногда топкими. На остановках первым делом надо было портянки высушить, чтобы ноги не натирало. Одно время носили удобные финские кепки, потом запретили, чтобы ненароком в лесу своих за врагов не приняли. Штаб на такой случай придумал секретный пароль: одна сторона называла число, другая должна была в ответ назвать другое, чтобы в сумме они, например, составляли число 21. Свои, значит.

Лес есть лес: мы по одному азимуту ходили, финны - по другому, иногда пути пересекались, тогда, бывало, несли потери. Фактор внезапности, конечно, помогал нам, но все же без потерь на войне не бывает…

Один раз довелось идти в разведку боем в качестве политрука - сама настояла. Вышли к вражескому гарнизону. Видим, лыжи аккуратно у домиков стоят (сосчитали их), часовой у сигнального рельса ходит. Отдыхают, значит. Командир делает первый пробный выстрел, и сразу в ответ - пулеметный огонь с чердаков. Финны повыскакивали, надели лыжи - и за нами. Мы огрызнулись несколькими пулеметными очередями - и к озеру. Лыжа военфельдшера Ворончихина упала с нюпы (крючки, к валенкам пришитые) и укатилась вниз. Пришлось ему в маскхалате остаться лежать неподвижно на снегу, а мы помчались через Куйтозеро.

Преследования не последовало, и мы остановились в условленном месте, чтобы товарища подождать. Через какое-то время видим: движется в нашу сторону черная точка. Это наш фельдшер на одной лыже передвигается. Обошлось. Доложили мы командиру обстановку, потом в тот гарнизон пришли боевые отряды и разгромили врага.

Главное в отряде - дисциплина. Слово командира - закон, принималось без обсуждения. Разведгруппы появлялись там, где их никто не ждал. Патронами не швырялись, даже автоматами выбирали цель и ограничивались одиночными выстрелами, регулируя нажим. Научились чувствовать обойму. И, конечно, у каждого был нож-финка. Девушкам (нас было 8 человек) на 8 Марта ребята финочки дарили…Без ножа в лесу нельзя, всякое бывает.

Есть такое выражение - партизанская погода, это когда светло. Зимой морозно, солнечно, лыжи хорошо идут по снегу. В белые ночи днем отдыхали, а после полуночи начиналась работа. Выследим вражескую группу и выжидаем, когда часовой не выдержит тишины и уйдет вздремнуть. Тогда и нападаем.

- Нервы у тебя железные, - часто слышала я от бойцов…

В октябре 1944 года училась в партшколе, а через Петрозаводск из Печенги на фронт проходил эшелон бывших партизан. Кто-то узнал, что я здесь, позвонил директору партшколы. Тот дал мне машину, и целый вагон высыпал на перрон, чтобы несколько минут пообщаться со мной!

В 1966 году состоялся первый слет партизан Карелии. И долго еще, до 1991 года, поддерживали мы связь друг с другом, хотя жили в разных городах и республиках.

Партизанское братство - великая сила![37]

[37] Карелия. - 2005. - 5 марта. - С. 6

К. Сорокина

Глазастая Нина

Нина Матвеевна Жернова

… Раненую, ее хотели пристрелить свои. Финны приговорили ее к казни. Но она выжила.

- Я все детство провела среди мальчишек, — с улыбкой вспоминает Нина Жирнова, бывшая партизанка.

- В семье было три брата, в школе одноклассники брали во все игры. В стрелковом кружке занималась, на лыжах отлично ходила. Поэтому, когда Финская война началась, решила сбежать на фронт. Думала, без меня нашей армии никак не победить. Было мне в то время пятнадцать лет…

Перехватили ее уже недалеко от линии фронта. Родителям дочка тогда заявила, что все равно убежит. К счастью, та война уже закончилась. А через два года началась другая, Великая Отечественная...

Маму с братьями эвакуировали в Беломорск, Нина же осталась с отцом в Петрозаводске. Спустя некоторое время город оказался в совсем бедственном положении, и оставшееся население погрузили в вагоны и отправили в Среднюю Азию, в Самарканд.

- До эвакуации я успела поработать на Онегзаводе токарем, - рассказывает Нина Матвеевна. - Поэтому, когда мне предложили стать слесарем на самаркандском заводе, я тут же согласилась.

Трудиться пришлось среди парней, они постоянно смеялись над неопытной девчонкой. Особенно когда та, учась попадать молотком в зубила, в кровь сбивала руки.

- Ничего, ты их всех еще обскачешь! — успокаивал мастер дядя Сережа. И ведь обогнала-таки! Даже экзамен сдала, получила третий профессиональный разряд и рабочую карточку на 800 граммов хлеба…

В начале 1942 года в Самарканд приехали представители Белорусского штаба партизанского движения. Молодежь агитировали в партизаны. Нина не колебалась ни минуты, сразу же прибежала проситься в отряд.

Партизан готовили в спецшколе под Москвой, Нина попала в диверсионное подразделение. Ее учили минировать, разминировать, подрывать, стрелять из всех видов оружия. В последнем юная партизанка особенно преуспела и в свои семнадцать лет стреляла лучше всех в спецшколе. Один генерал не поверил в это и устроил Нине проверку. А когда лично убедился, что девушка попадает в десяточку и из винтовки, и из противотанкового ружья, и из его личного оружия, дал отпуск, чтобы Нина с мамой успела повидаться.

- Услышав о том, что в Карелии создан партизанский штаб, я немедленно попросилась туда, - вспоминает Нина Матвеевна.

- На фронт все рвалась. Попала в спецотряд особого назначения.

- Сегодня я понимаю, все было как-то непродуманно, неорганизованно, - размышляет Нина Матвеевна.

- Выбрасывали нас с самолета за Петрозаводск, там, где особенно болотистые местности. Иногда раскидывали так, что потом полдня искали друг друга…

Первый прыжок закончился для Нины неудачно: она сильно подвернула ногу, еле-еле нашла в себе силы потопить парашют, чтобы замаскировать следы..

Вскоре Нина вместе с товарищем по отряду получила задание разведать участок леса, узнать, есть ли там финны…

Выполнив задание, Нина с товарищем возвращались в отряд. Неожиданно заметили, что на сосне, на самой верхушке, что-то болтается, развевается на ветру. Присмотрелись — парашют! Нельзя его так оставлять, не дай бог финны заметят. Пока снимали, ползая по гладкому стволу сосны, прошло много времени. Сама не зная почему, Нина сунула в рюкзак снятый с дерева парашют со следами крови. К назначенному часу встречи они не успели...

Командир был в ярости, велел встать по стойке смирно. Придирался почему-то все больше к девушке. Слово за слово, выхватил пистолет и, направив его на Нину, пригрозил

пристрелить. Та в ответ спокойно возразила, что хорошо бы было сначала ее выслушать, и достала из рюкзака парашют. Командир на время успокоился…

Несмотря на опасность, партизаны были "привязаны" к железной дороге — надо выполнять задание. С собой у них был большой запас взрывчатки – тола — для подрыва военных эшелонов. Когда отходили, тащили тол с собой по дождю и сырости. Нина постоянно спрашивала, хорошо ли "укутана" мина. Товарищи ее успокаивали, мол, все в порядке. Однако, когда настало время минировать железную дорогу, с миной все было далеко не "в порядке".

- Я подбежала и ахнула, — рассказывает Нина Жирнова. — Сам тол воды не боится, но обмотка на проводках взрывателя прогнила. Доложила командиру, что если взрывчатку тронуть или попытаться сдвинуть с места, то все мы на воздух полетим. А ведь это была наша последняя мина...

Спасти ситуацию можно было, только вытащив взрыватель. По глазам мальчишек Нина поняла: они боятся. Велела ребятам уйти как можно дальше, сама опустилась на колени перед миной. Настроила себя на то, что все будет хорошо. Аккуратно вытащила взрыватель, и… тот взорвался прямо у нее в руках.

- Ранения были страшными, - с болью вспоминает Нина Матвеевна. - Мне разорвало обе ноги до кости, и обе руки повредило. До сих пор осколки под кожей остались, так с ними всю жизнь и проходила. Тем не менее мину Нина спасла.

На взрыв прибежали бойцы, увидели окровавленную подругу, замерли в ужасе. Та велела им не паниковать и, кое-как перебинтовав себя, вместе с группой отправилась завершать начатое. И тут - новая проблема. Кончились электрические взрыватели, а без них невозможно привести взрывчатку в действие. Нина хранила ампулу серной кислоты в кармане гимнастерки. Она вставила ампулу в отверстие в толе, поверх положила обычный, неэлектрический взрыватель. Знала: когда пойдет тяжелый состав, он раздавит ампулу и будет взрыв…

Прошло два дня, а взрыва все не было. Раны Нины начали гноиться. От боли ночью девушка не могла спать, поэтому и услышала тихий разговор командира с бойцами:

- Ждать больше нечего, мина не взорвется, - говорил командир. - Нам пора уходить, а Нину надо пристрелить. Куда мы с ней денемся?

Ребята протестовали. Утром Нина сама велела отряду уходить без нее, попросила только оставить ей гранату: не хотела быть застреленной. Оставалась последняя ночь.

- Я всегда верила в себя, знала, что, как только пойдет тяжелый состав с боеприпасами, взрывчатка обязательно сработает, - рассказывает Нина Матвеевна. - Посреди ночи я проснулась от того, что меня сильно подбросило. Взрыв!

Именно тогда командир впервые поверил в силы юной девушки. Ее решили не оставлять. Ребята понесли Нину на руках. Все время, что партизаны шли, финны преследовали их. Завязывались короткие бои, погибали один за другим мальчишки. В конце их осталось двое: Нина и еще один мужчина.

- Не прошли мы к нашим, попали в плен, — рассказывает Нина Жирнова.

- Так как я и убивала, и взрывала врагов, приговорили меня к смертной казни. Пока сидела и ждала смерти, война к концу стала подходить. Заменили казнь на пожизненную каторгу. По документам я ее до сих пор отбываю.

Отступая, финны хотели взорвать лагерь с пленными, но почему-то этого не сделали. Вскоре пришли наши солдаты, освободили пленных. Чекисты, составлявшие документы на пленных, попались сердобольные. Они-то и надоумили Нину: "Молчи, что в лагере была. Ведь не на прогулку ходила". Так она и сделала.

После освобождения Нина работала медсестрой в Польше, Германии, Чехословакии, с госпиталем двигалась вслед за нашей армией. А после Победы возвратилась домой, окончила пединститут, стала работать по профессии. Много лет прошло с тех пор. Бывшие ученики до сих пор обожают Нину Матвеевну Жирнову, письма пишут…[38]

[38] Карельская Губернія. - 2005. - 18-24 мая (№ 21). - С. 11.

Разведчицы

А . Мишин

В сорок втором, в Колатсельге

Татьяна Ананина

Примером непоколебимого мужества и глубокой любви к Родине служит подвиг Татьяны Ананиной, чье имя сейчас носит пионерская дружина Колатсельтской средней школы.

Орден Отечественной войны I степени, которым в дни празднования 20-летия великой Победы была посмертно награждена отважная разведчица Карельского фронта, хранится в областном Краеведческом музее.

Лишь через два десятилетия после окончания войны удалось установить подлинное имя подпольщицы, расстрелянной оккупантами в сентябре 1942 года. «Конспирация затянулась, слава замешкалась, но не умерла»,- писал в своем очерке, опубликованном в 1965 году в «Ленинской правде», писатель Олег Тихонов.

Долгое время - двадцать три года - считали, что в Ведлозерском подполье под именем Анны Гумбаровой героически действовала разведчица-радистка, которая погибла с конспиративным паспортом Анны Зайковой. В результате кропотливой работы сотрудниц областного партархива Н. Тиньковой и П. Кузьминой было установлено, что в Ведлозерском подполье действовала студентка Карело-Финского государственного университета Татьяна Ананина.

Таня Ананина закончила финскую школу, хорошо знала этот язык. Она рано потеряла родителей, воспитывалась в интернате. Училась в пединституте, затем поступила на второй курс ИФФ университета… А в первые дни войны была секретарем Октябрьского райкома комсомола Петрозаводска.

В октябре 1941 года по рекомендации ЦК комсомола республики Таня ушла в действующую армию на разведывательную работу. Пройдя спецподготовку, в ночь на 20 июня 1942 года вместе с коммунистами И. Н. Бурцевым и А. М. Гумбаровым была заброшена в тыл врага — в район деревни Палалахта.

Перед группой стояли задачи по сбору данных о противнике и вовлечению в активную борьбу местного населения. Почти два месяца звучали в эфире Танины позывные, разведотдел Карельского фронта получал важные сведения. Но 5 августа радио замолчало...

В неравном бою с оккупантами погибли Бурцев и Гумбаров, а через несколько дней враги схватили и Татьяну.

Начались бесконечные допросы, страшные пытки. Ее морили голодом, запирали для устрашения в покойницкой. Но ничто не сломило волю партизанки — она даже не сказала своей настоящей фамилии.

Ничего не добившись от бесстрашной девушки, оккупанты расстреляли ее 1 сентября 1942 года…

В здании, где расположены редакции «Курьера Карелии» и ряда других республиканских газет, есть мемориальная доска с именами погибших на войне карельских журналистов. Среди них — имя разведчицы Татьяны Ананиной.[39]

[39] Курьер Карелии. - 2008. - 16 мая. - С. 6

О. Миммиева

Клава вернулась домой после своей смерти

Клавдия Ефимовна Колмачева

Сижу напротив Клавдии Ефимовны за чаем, к которому даже боюсь притронуться, и снова спрашиваю:

- А что вы чувствовали в свою последнюю минуту? Ну, когда дуло автомата на вас, девчонку, наставили?

К журналистам легендарная разведчица Колмачева за долгую жизнь привыкла и к их вопросам - тоже.

- А что я могла чувствовать?- хладнокровно отвечает легендарная разведчица.

- Вот сейчас убьют и - конец. Василий Иванович Райманников, который меня готовил в разведчики, ведь сразу предупредил: всего один процент, девочка, что ты останешься жива.

Но тот, в сапогах и кителе, кто собирался нажать на курок, вдруг опустил руку, не стал стрелять.

Между тем в ее родные Типиницы уже понеслась молва: Клаву убили. Так она была похоронена родными во второй раз.

А раньше пароход, на котором Клава вместе с руководством района отправилась в эвакуацию в Пудожский район, неожиданно получил пробоину во льдах и затонул. В трюме, где находились кубрики, осталось все - их вещи, деньги, документы, а тонущих людей спасла моторная лодка. (Дома об этом - опять не знали).

Была у Клавы и третья смерть. Это когда мама получила на нее похоронку. Похоронку эту после войны она потом долго носила в сумке.

Вот в силу этих обстоятельств и в «Книге Памяти» Карелии отважная партизанка-разведчица Клавдия Ефимовна Колмачева оказалась в списке тех, судьба которых не установлена. А раз не установлена - получается, нет ее, Клавы, больше на белом свете.

Трем смертям, говорят, не бывать. Но, словно в награду за все испытания в самом начале пути, судьба даровала этой удивительной женщине непростую, но долгую и интересную жизнь…

Когда 14 февраля 1942 года разведчица Клава направлялась в тыл врага, не испугала ее ни перспектива быть убитой или отданной на поругание финнам, ни то, что до этого она и на лыжах-то ни разу не стояла. В одиночку, без компаса, на лыжах, надетых на старенькие валенки, по белому лесному безмолвию ей предстояло одолеть 20 верст.

Руководством Клава засылалась в тыл врага в числе первых ласточек. Начальник 4-го отделения НКГБ Василий Райманников объяснил девушке, почему выбор пал именно на нее: ясноглазая, беленькая, она вызывала доверие. Но при этом, глядя на Клаву – всего-то девчонке было 17 лет! - добавил: у тебя еще есть время отказаться, целая ночь.

- Но ведь я согласилась и от своих слов никогда не откажусь! - спустя больше шестидесяти лет упрямо объясняет мне бывшая разведчица.

Легенда, рассказывает Клавдия Ефимовна, была простая: мол, пробирается девушка с оборонных работ домой, в родные типиницкие места. На самом же деле ее задача была - проводить агитационную работу.

Но закрепиться и жить там ей так и не удалось. До Типиниц лыжница не дошла - нарвалась в лесу на финский патруль. Финны ее обыскали, стали с пристрастием допрашивать. И, что удивительно, на допросах она ни разу в своих показаниях не запуталась.

Между тем легенда и подходящая внешность не помогли: спустя время финны подвели ее к часовне и, зачитав какую-то бумажку, направили на девушку черный ствол автомата...

А потом - передумали. Потому что они только подозревали, но доказательств ее вины у них не было. И вместо расстрела отправили ее в лагерь для военнопленных.

А чуть позже нашелся предатель, который выдал всю Клавину подноготную. Трибунал управления Восточной Карелии судил Клаву 27 мая, как раз в день ее рождения. 19-летней разведчице был вынесен приговор: «Расстрел».

Двое суток она томительно ожидала, будет приговор приведен в исполнение или последует помилование. Можно только догадываться, что творилось в душе девчонки. Но и тогда пронесло. С учетом юного возраста - финны не взяли в толк, что в этот день она стала-таки совершеннолетней! - расстрел был заменен пожизненным заключением…

- Мы тогда и не знали, что лучше - умереть или жить в проклятой неволе. Столько горя и отчаяния я натерпелась в тюрьме, что ничем эти воспоминания теперь из памяти не вытравить. Я и спать-то до сих пор спокойно не могу – все меня кто-то догоняет, а я без конца теряю дорогу…

Тому, что юной разведчице пришлось пережить в тюремных застенках и на каторге, посвящена глава книги Исаака Бацера и Андрея Кликачева «Позывные из ночи».

Вот только один эпизод из этой книги: «В июне и июле 1943 года оккупанты часто расстреливали заключенных этой тюрьмы. Клавдия узнала о расстреле самым неожиданным образом. Как-то, стирая одежду, она вспомнила, что куртку, которая попала ей в руки, видела на одном молодом парне. Вывернула карман, другой и видит - записка. Пробежала глазами неровные строчки, вздрогнула: «Кому попадет эта записка, знайте: нас расстреляли».

Так узнала она о смерти Пети Мышева и его друзей - Василия Андронова и Андрея Кутькова». А о том, как относились к каторжанам, рассказывает:

- Однажды, в киндасовской тюрьме это было, нас на лесоповал погнали. Макушка дерева мне прямо на голову упала, боль — дикая! Слышу, надсмотрщица зло так бросила: «Не сдохнет!» И ведь не сдохла. Прошла через весь ужас – допросы, тюрьму, подследственный лагерь. И назло им, врагам, - выжила!

В эту жуткую киндасовскую тюрьму Клаву Колмачеву этапировали из петрозаводской. А потом гнали пешком, везли в тюремных вагонах, на барже в Финляндию, в тюрьму для политзаключенных, где также были свои суровые порядки. Оттуда и выпустили потом на волю согласно договору, когда был заключен мир…[40]

Голубев, В. В.

Маша Деллер под псевдонимом Чижик

Маше Деллер, а теперь Даниловой Жене под псевдонимом Чижик было дано ответственное задание осесть под «крышу» в. оккупированном врагом Заонежском районе и наладить постоянную радиосвязь с центром.

«Крышу» для радистки подготовил разведчик Орлов Алексей Михайлович. Она была действительно надежной. Хозяином ее являлся советский патриот Сергин Николай Степанович, который жил в своем доме в деревне Мунозеро.

И вот Маша на аэродроме в поселке Сосновец. Лететь предстояло в ночь с 31 декабря 1943-го на 1 января 1944 года. Самолет готов к вылету. Это У-2, наш славный «воздушный извозчик».

Летчик уже второй раз говорит:

- Ударю себя по плечу - готовься. Махну рукой - перебрасывай себя через борт на крыло. Только поворачивайся быстрее, а то пролетим цель. Выходить будешь слева.

[40] Петрозаводск. – 2010. – 22 апр.- С. 19.

Самолет взревел, поднялся в воздух и взял курс на юг, в тыл врага. Предстоял слепой прыжок - самый опасный. Никто не подготовил приемную площадку с сигнальными кострами. Внизу - неизвестность, внизу - враг. И вся надежда на летчика. Уже два часа в пути. Маша посмотрела на часы - Новый год уже наступил. Самолет сильно качнуло, наклонив левое крыло, он делает резкий вираж. Летчик хлопает по плечу. Все ясно...

Непослушными руками Маша поправляет сумку с рацией на левом боку, сумку с батареями на правом, вещевой мешок на груди. Вылезает на шаткое крыло...

- Пошел! - кричит пилот, рубя воздух ребром ладони. И сразу же обрывается что-то под сердцем. Собрав всю свою волю, Маша отталкивается от крыла самолета и падает в бездонную пустоту…

С рассветом Маша определилась, что приземлилась на болоте в точно назначенном месте. Разыскала груз, перетащила его в лес. Все замаскировала. Теперь надо установить связь с центром. Это ее первый радиосеанс в тылу врага. Только бы не ударить лицом в грязь.

Первый радиосеанс в тылу врага. Ну, «Северок», не подкачай! Холодом проносится тревожная мысль, не повреждены ли рация или приемник? Тогда все пропало. Но батареи вроде в порядке…

Из тысячи сигналов в эфире она должна уловить один - сигнал радиоцентра. Переговариваются финны. Нерусская «морзянка». Но вот они, позывные радиоцентра. Она четко отстраивается от мешающих станций…

Точно в назначенное время Маша выходит в эфир. Без позывного, чтобы не вручить свою «визитную карточку» финским пеленгаторщикам из вражеской контрразведки…

Теперь надо идти в деревню Мунозеро на связь с хозяином явочной квартиры. Весь груз, вместе с рацией, был оставлен в лесу. Подойдя к деревне, она сразу же нашла дом Сергина по ранее данным ей приметам.

Встретили ее сам хозяин Сергин Николай Степанович и его жена, Мария Антоновна. Сначала они с недоумением смотрели на гостью, но, когда она назвала пароль, радостно засуетились, старались обогреть и накормить ее.

На другой день Сергии и его друг, староста деревни Мунозеро Самойлов Дмитрий Гаврилович, на лошади выехали на санях из деревни в лес за грузом, доставленным с Большой земли. Маша поехала с ними. Ее укрыли на санях сеном. Весь груз и рация Маши были доставлены в дом. В этот же день из дома Сергина Маша во второй раз вышла на связь с центром...

Так началась работа Маши в тылу врага, а позывные Чижика зазвучали в эфире. За годы войны Маша отстучала их сотни. И каждая радиограмма, отправленная из тыла врага с территории Заонежья, по существу, была скупой сводкой одержанной победы, большой или малой.[41]

ОНА ЗАЩИЩАЛА РОДИНУ

Евгения Павловна Пассонен(Седова)

С началом Великой Отечественной войны Женя Пассонен, как многие олончане, записалась в истребительный батальон, изучала оружие и санитарное дело, но в бой ей вступать не пришлось.

Евгения Павловна на всю жизнь запомнила разговор с Ю. В. Андроповым, который возглавлял подпольное и партизанское движение в Карелии. После этого её жизнь круто изменилась: она стала разведчицей-радисткой. Теперь её главной задачей стало - быть незамеченной, находясь на виду, всё слушать, слышать и подмечать.

За послевоенные годы всего дважды писала о ней наша районная газета. Одну из статей - бывшего комиссара спецотряда В. Голубева - мы решили поместить в сборник с некоторыми сокращениями.

[41] Петрозаводск. - 2010. - 6 мая (№ 19). - С. 19

«Эту немолодую подтянутую женщину в Олонце знают многие. От неё исходит тепло и благожелательность. Это Седова (Пассонен) Евгения Павловна…

Но немногие знают о её боевой юности в тяжелые годы Отечественной войны, когда молодая комсомолка по велению своего сердца добровольно вступила в спецотряд и выполняла задания в тылу врага.

Вступив в спецотряд, она окончила курсы и получила специальность радистки. Физически была крепкой и хорошо тренированной девушкой, отлично владела финским языком. Женя мужественно переносила все тяготы войны и никогда не жаловалась.

Подготовка по радиоделу была напряженной. За короткий срок нужно было не только изучить коротковолновую радиостанцию, но и научиться принимать на слух и передавать не менее 100 знаков в минуту. Это не все могут делать. Но у Жени был хороший слух, и она за время учебы успешно справилась с этим, овладела специальностью радистки. После окончания учебы Женя совершила тренировочный прыжок с самолета на парашюте.

Началась подготовка к выполнению задания. Оно было ответственное и сложное. Необходимо было установить место дислокации школы финской разведки, где готовили шпионов для засылки в советский тыл… Это было очень ответственное задание.

Вместе с Женей готовилась комсомолка Анна Степанова, уроженка деревни Кохтусельга Ведлозерского района, у которой на родине, в оккупации, проживали мать и сестры. Там следовало создать «крышу» для нелегального проживания. Когда в конце апреля 1944 года девушки были готовы, их перебросили самолетом.

Теперь легко пишутся и произносятся эти слова, а тогда каждый полет приравнивался подвигу, так как легких полетов во вражеский тыл не бывает.

Выбросили девушек не совсем удачно, в 20 километрах от деревни Кохтусельга. Вместе с ними был сброшен грузовой парашют. Приземление прошло благополучно. Собрались вместе, спрятали и замаскировали груз, а сами лесом двинулись к дому, где жила семья Ани…

Женя установила связь с командованием, передала сведения об обстановке в районе, интересующие данные о местном населении и об условиях работы. Так девушки приступили к выполнению задания. Регулярно держали связь с командованием, передавали информацию.

Они установили точное место дислокации школы финской разведки, которая размещалась в деревнях Пески и Улялега. Работа была налажена, и подпольная радиостанция действовала…

Шел конец мая 1944 года. Финские оккупанты чувствовали себя неспокойно. Близилось их изгнание. Оккупационные власти затеяли перепись и учет скота, который был у местных жителей, чтобы впоследствии вывезти в Финляндию.

Девушки из хлева перебрались в дом, двери которого днём снаружи закрывали на замок. В один из дней соседская девочка, дочка сельского старосты, заглянула в окно и увидела незнакомых девушек, сказала об этом своей матери, а та сразу побежала в полицию.

Когда пришли полицейские, девушки успели перебраться снова в хлев, в яму, которую замаскировали. Мать и сестру Ани арестовали, но её и Женю не нашли. Оккупанты сделали повторный обыск, щупали штыками каждую пядь земли в хлеву.

Во время этого обыска Жене проткнули руку штыком, она вскрикнула. Так девушки были обнаружены. Их арестовали и увезли в г. Петрозаводск, где поместили в тюрьму.

Начались допросы, пытки и издевательства. В камеру подсаживали провокаторов. Но всё было тщетно. Девушки стойко держались и героически переносили все. Не выдавали тайну врагу, не уронили достоинства советского человека. Женя Пассонен и её подруга, находясь в тюрьме, поддерживали среди томящихся в ней людей веру в победу над врагом, вселяли в них уверенность в скором освобождении».

Через некоторое время разведчиц поместили в финскую тюрьму. Там состоялся суд — Пассонен и Степанову приговорили к пожизненной каторге за шпионаж. Евгения Павловна вспоминала, что содержали их согласно режиму, относились довольно неплохо, так как чувствовали, что война проиграна.

После пятимесячного заключения, осенью 1944 года, девушек освободили и вернули на Родину.[42]

Глава 3. ТЫЛ – ФРОНТУ

Женщины-машинисты паровозов

Сидоркин, В.

Жизнь прожила достойно
Зоя Сергеевна Тяпкина (Ефимова)

Однажды мне довелось писать для книги «От Невы до Онего» с воспоминаниями о живших в Карелии блокадниках Ленинграда и материалами о них очерк о женщине-машинисте паровоза, петрозаводчанке Люлли Андреевне Масловой. В годы войны она водила поезда от города на Неве в сторону Выборга и обратно, а потом была едва ли не единственной женщиной-паровозницей в Карелии.

Оказавшись этим летом в Медвежьегорском вагоне-музее, обратил внимание на предвоенную фотографию молодой женщины. Текст под ней свидетельствовал, что в годы Великой Отечественной войны машинистом паровоза была и Зоя Сергеевна Ефимова (в девичестве Тяпкина). Это стало для меня большим открытием.

Но, пожалуй, еще больше впечатлило, когда узнал, что она жива и живет в Петрозаводске. Вернувшись из Медвежьегорска, вскоре позвонил Зое Сергеевне и опять немало удивился: в трубке звучал бодрый голос женщины, которая сегодня отмечает свое 90-летие! Мы договорились о встрече...

Живет Зоя Сергеевна вместе со старшим сыном Владимиром в однокомнатной квартире на улице Боровой, что в Пятом поселке… Сразу надо отметить, что у Зои Сергеевны несмотря на годы отменная память. О событиях, прошедших 50 - 70 лет назад, вспоминает, как о вчерашних, помня многие детали…

Примером для поступления Зои Тяпкиной на железную дорогу стал ее отец Сергей Филиппович, главный кондуктор станции Масельгская. Окончив в 37-м железнодорожный техникум в Лодейном Поле, некоторое время поработала в группе учета основного паровозного депо Масельгской. А когда узнала о том, что нарком путей сообщения Л. Каганович обратился с призывом «Женщины - на паровоз!», поступила на курсы паровозных кочегаров.

И вскоре вместе с локомотивной бригадой стала водить поезда на паровозе «Сергей Орджоникидзе» от Масельгской до станции Идель в одном направлении, и до Лижмы в другом.

- За рейс мне, - вспоминает Зоя Сергеевна, - приходилось перебросать из тендера в топку до 20 тонн угля! А еще на остановках надо было набрать для паровоза из гидроколонки воды, почистить топку, осмотреть и заправить буксы локомотива.

Так за рейс устанешь, что сил хватало только добраться до помещения дежурных по оборотным депо Идель и Лижма либо до своего дома, где наскоро отмывшись от угольной пыли и копоти, мгновенно засыпала, порой не допив чашки чая…

Потом была учеба в Волховстроевской техшколе, где Зоя Тяпкина училась уже на помощника машиниста. И в этой должности она водила военные эшелоны в период разразившейся в 39-м советско-финляндской войны, в основном от станции Идель до тупиковой станции Кочкома. Затем доставленная ею боевая техника и бойцы выгружались из вагонов и уже автотранспортом следовали в сторону Ребол, сразу вступая в ожесточенные бои...

Поработав в поездном движении, Зоя Ефимова была назначена на должность паровозного диспетчера. К тому времени она была уже комсомолкой. А тут выборы в Верховный Совет Карело-Финской ССР.

[42] Есто только миг… Петрозаводск, 2005. С. 42-44.

- От коллектива депо Масельгская, - продолжает Зоя Сергеевна, - меня, 21-летнюю, выдвинули в депутаты и в июне 40-го года избрали в Верховный Совет республики. Во время 1-й сессии встретилась с такими известными в стране людьми, тоже депутатами от Карелии, как Куусинен, Папанин, Антикайнен.

В том же месяце участвовала и в работе съезда комсомола республики, где познакомилась с Юрием Андроповым - первым секретарем ЦК комсомола КФССР. Так я стала государственным человеком…

Война на время разлучила Зою с мужем. Она вместе с мамой и другими членами семьи, а также с новорожденным сыном Володей, оказалась в Сибири.

- На крупной станции Славгород тогдашней Омской железной дороги, - вновь погружается в воспоминания Зоя Сергеевна, - трудилась паровозным диспетчером.

Здесь осуществлялась погрузка в вагоны продукции мясо- и птицекомбинатов, зерна и соли. И эшелоны со всем этим (особо важные из них приходилось сопровождать и мне) шли в западном направлении: «Все - для фронта, все - для Победы!»

Впрочем, связь Зои с Карелией не терялась, республика не забывала о своем депутате. И она несколько раз приезжала в Беломорск, где тогда находилось Правительство КФССР, на сессии Верховного Совета...

Как только в апреле 44-го был освобожден север Карелии, Зоя Ефимова прибыла в Идель (Масельгская была полностью разрушена врагом). Некоторое время поработав здесь дежурным по депо, она переехала в Петрозаводск, где стала паровозным диспетчером местного отделения Кировской железной дороги. Паровозное депо было взорвано в войну, и в свободное от работы время Зоя вместе с другими железнодорожниками восстанавливала его здание и цеха.

- Диспетчером проработала до 1954-го, - продолжает Зоя Сергеевна. - А затем вплоть до выхода на заслуженный отдых в 74-м трудилась дежурным, заместителем начальника и начальником склада топлива станции Петрозаводск…[43]

ЛЕСНОЙ ФРОНТ

Лесозаготовительная бригада П. Готчиева

А. П. Фомина

ТАК РАБОТАЛИ ЛЕСОРУБЫ

Война застала меня в Ленинграде. Здесь я училась на курсах заведующих хлебопекарнями. Курсы поспешно закончили свою работу, и я была назначена заведующей пекарней на лесопункте «Интерпоселок» Пряжинского леспромхоза. А через месяц вместе с тысячами советских людей возводила оборонительные сооружения. С зимних оборонных работ 1941/42 года была направлена на лесозаготовки.

Беломорский район. Маленгский механизированный лесопункт. Хорошо помню, как работали и жили здесь в дни войны. Маленга в то время — это небольшой поселок. Четыре домика, два барака и баня у речки. У линии железной дороги, строительство которой было закончено в первые месяцы войны, столовая и домик для администрации. Когда мы приехали

[43] Карелия. - 2009. - 26 нояб. - С. 8

в Маленгу, здесь было не более 200 рабочих. В основном женщины, больше молодые девушки только что со школьной скамьи, подростки.

Начальником лесопункта работал П. А. Пахомов, заместителем П. П. Готчиев - знатный лесоруб Карелии. Лесопункт только носил название «механизированный», в действительности никаких механизмов здесь не было. Большинство прибывших были новичками на лесозаготовках. Многие не умели пилить, не держали даже топора в руках. А о том, как валить деревья, не имели представления.

Очень хорошо запомнились первые дни работы. Вместе с рабочими в лес шли Пахомов и Готчиев. Они мыслили организовать бригады из девяти человек. Но ведь раньше в таких бригадах трудились знающие и умеющие работать в лесу люди, а у нас работа не клеилась.

Рабочие выполняли не более 25 процентов дневной нормы. Вижу, что от таких бригад в данных условиях не будет никакого толку. Посоветовалась с П. Готчиевым, предложила иначе организовать труд. Решили создать бригады из трех человек. Мне дали в бригаду двух девушек. С одной из них, Паней Песковой, я вместе была на оборонных работах. Вместе с ней я жила всю войну. Хорошая, работящая была девушка.

Девушки из моей бригады, как и многие другие, овладели навыками заготовки леса, и, научившись хорошо работать, сами становились бригадирами и обучали новичков.

Работать было тяжело, хотя норма на человека в день была меньше двух кубометров (1,8). Работали по 10 часов и более в сутки. Зимой заготовленную древесину вывозили из леса на санках, а летом - по узкоколейной железной дороге на вагонетках.

Всю тяжелую работу приходилось выполнять вручную. Даже в ночное время выходили на погрузку заготовленного леса, грузили его в железнодорожные вагоны. Ведь основная наша задача состояла в том, чтобы обеспечить паровозы Кировской железной дороги топливом.

Питание рабочих было организовано в столовой - утром и вечером. В столовой обязательно давали хвойный настой. Норма хлеба - 800 граммов в день, а для тех, кто не выполнял дневного задания - 600-400 граммов.

Очень плохо было с одеждой и обувью. На улице снег и мороз, а большинство из нас - в том, в чем мы отправились еще летом на оборонные работы.

Но настроение у рабочих в основном было бодрое, все горели одним желанием - помочь стране добиться скорейшей победы над врагом. Но голод, невероятно тяжелый труд изнуряли людей. Некоторые не выдерживали.

Партийная и комсомольская организация лесопункта вместе с администрацией вели большую работу по развертыванию стахановского движения в лесу.

Особенно упорно мы, лесозаготовители, работали во время фронтовых месячников. Бригады соревновались между собой и стремились дать как можно больше древесины.

Мне, например, не хотелось отставать от П. П. Готчиева. Все время наша бригада работала хорошо.

В чем была причина наших успехов? Вероятно, сказывалось то, что я раньше работала в лесу и имела небольшой опыт. Но главное, пожалуй, заключалось в желании отдать все свои силы делу разгрома врага, внести свой скромный вклад в скорейшую победу, оказать помощь фронту, стране.

В зависимости от условий (качества леса на участке и т. п.) наша бригада заготовляла в день 20, а иногда и 25 кубометров древесины. В конце 1942 года это были лучшие результаты труда на лесозаготовках в Карелии.

За хорошую работу меня наградили орденом Ленина. Высокая награда была торжественно вручена мне на республиканском слете стахановцев лесной промышленности.

Слет проходил 22 декабря 1942 года в городе Беломорске. На этот слет собралось около 500 лучших лесозаготовителей. Большинство — женщины и девушки. Среди участников слета были и военные, которые после выздоровления некоторое время работали в лесу. Помню, многие из них удивлялись и не верили, что женщины могут работать так хорошо.

С докладом на слете выступил секретарь ЦК компартии республики П. В. Соляков. Теплую речь произнес председатель Президиума Верховного Совета республики О. В. Куусинен. Он горячо поздравил награжденных, пожелал им дальнейших успехов и вручил награды. Первую награду — орден Ленина — он вручил мне. М. Лангуева, которая в социалистическом соревновании завоевала второе место, получила орден Трудового Красного Знамени. Многие передовики производства были награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета республики.

Потом выступали стахановцы… Я сказала, что работали мы напряженно и добились больших успехов, но, наверное, я все-таки не заслужила такого почета. Коротко рассказала о работе своей бригады, обязалась впредь работать еще лучше, заготовлять по 5,5 кубометра леса на каждого члена бригады в день. Потом о своих обязательствах я рассказала по радио. И постаралась выполнить свои обещания.

Очень хорошо начали фронтовой месячник, соревновались с П. П. Готчиевым. Но вскоре со мной случилась беда. Попала под дерево и серьезно заболела. После выхода из больницы мне запретили работать лесорубом. На Нижне-Идельском лесопункте я некоторое время выполняла различные работы. Когда же здоровье окрепло, я вновь стала бригадиром. Как и прежде, старалась работать хорошо…[44]

Работа в колхозах, ловля рыбы

Н. Волкова

«Жестоко душу напрягая…»

(Подвиг поморок из села Нюхча в годы Великой Отечественной войны)

Двадцать лет назад, работая с документами в Государственном архиве Карельской АССР, прочитала справку сельскохозяйственного отдела ЦК Компартии республики об итогах работы в 1943 году колхоза "Беломор" из поморского села Нюхча Беломорского района. Поразили цифры и то, что в документе были только женские фамилии.

"4 сентября 1943 года.

…Своевременно колхоз рассчитывается с государством по поставкам. Кроме госпоставок колхоз взял на себя обязательство сдать в фонд обороны 2500 л молока и выделил фонд по оказанию помощи семьям военнослужащих и инвалидам войны.

Замечательных результатов колхоз добился по производительности труда в период сельскохозяйственных работ. Дунина Т.Е., звеньевая, звено 4 чел., выполняла нормы выработки на 207 процентов. Редькина А.Т., звеньевая, звено 7 чел., - на 170. Поташева Ф.М., звеньевая, звено 4 чел., - на 229. Кушерекина В.П. выполняла на пахоте нормы на 200 процентов.

На хлебоуборке хорошо работала М.С.Клюкина: выполняла нормы выработки на 180 процентов, и ряд других колхоз-

[44] Незабываемое. Петрозаводск,1974. С. 323-326.

ниц, которые работали хорошо"...

Именно тогда, после "документальной" истории поморского колхоза "Беломор", я начала расшифровку сухих лаконичных строчек документов и газетных статей. Часто бывала в Нюхче в те годы, встречалась с ветеранами, делала записи их воспоминаний…

Воспоминаний, писем, фотографий, документов набиралось все больше и больше. Многих из тех, с кем я познакомилась в восьмидесятых годах в Нюхче, уже нет в живых. Но из папок моих архивов, из давних писем с новой силой звучит то, что по прошествии десятилетий можно назвать Подвигом…

Из воспоминаний Таисии Еговорны Дуниной

- …В войну голодовали все. Сыновья у меня подросли, одному десять, другому двенадцать. Корову свою имели. Сходят они на станцию, наменяют хлеба на молоко. Себе хлеб - да еще матерь на покос отправят. На покос на наделю уходили. О море косили. Картошку сеяли, ячмень, рожь. Ночь молотили, ночь веяли, недосуг было отдохнуть. Утром сдашь веяную рожь, да в лес побежишь: то волнуха, то ягодина. В двенадцать ночи свалишься, в три-четыре выстанешь: свое хозяйство, а потом в колхоз. Могли как-то.

- Четыре года тая война была. Бедно жили. Что будешь делать? Работать надо было…

Из письма Анны Васильевны Зарубиной:

"Моя мама, Фекла Михайловна Поташева, зимой живет у меня, старшей дочери, в Московской области, или у младшей в Нарве. Говорить с ней очень трудно, она почти не слышит.

… Я помню из военных лет очень многое. А так, как работали тогда женщины, теперь уже давно никто не работает.

Мама всегда была на самой тяжелой работе. Весной пахала плугом, тогда много сеяли хлеба и картошки. Летом косила, всегда была на отдаленных сенокосах. Уходили из дома на неделю-две, потом придут за продуктами и опять уходят. Она была звеньевой и давала всем пример. С ней работали две ее сестры Антонина Михайловна Коровкина и Анфиса Михайловна Швецова и еще Серафима Степановна Кокотова.

Осенью они жали серпами, потом копали картошку, еще позже молотили хлеб, а зимой все с лошадьми - возили сено, солому, делали прочие работы, почти без выходных. Вязала еще для фронта носки и перчатки с двумя пальцами. Когда собирали деньги на танковую колонну, она всегда отдавала очень много…

Мама днями на работе, а ночами вызывали возить раненых со станции, как эшелон придет. Представляю, как тяжело было женщинам встречать раненых, слушать их стоны, крики, когда у самих мужья - неизвестно, живы ли…

Сегодня, когда я читала маме ваше письмо, она начала плакать и просила поблагодарить, что ее вспомнили".

Из воспоминаний Марии Михайловны Лашковой:

"Мне 14 лет было, когда в колхоз пошла работать. У нас у многих так было, что работать рано начинали. К 1972 году, когда я уехала из Нюхчи в Беломорск, у меня уже

стаж трудовой был 35 лет. После оборонных работ первую военную зиму я рыбачила.

И в следующую пошла на море, теперь в составе комсомольско-молодежного звена. Звеньевой наш, старенький старичок Иван Михайлович Кабиков, все за план болел. Мы в избе на промысле так и спали в полушубках: как побудит утром, так что сразу, не мешкая, бежать к лодке. Мы уж так старались, чтоб он нас похвалил!

А как носилки с рыбой носили? Сами носилки до 17 кг, а чистый вес рыбы - до ста. Поднимем - подколенки дрожат".

Из воспоминаний Марии Михайловны Елисеевой:

"Сколько в войну мы работы переделали! Давно нать помереть было, а мы все живем!... На сенокос поедешь, дадут с собой буханочку хлеба, нать ее так распределить на неделю, так разрезать, чтоб на другой день не заехать. Тогды на сенокос по тридцать да сорок километров ходили, косы, вилы, грабли, котлы, точилы, еду - все это прешь-несешь на себе.

Тяжело пережили. Кто родился до войны - тяжело пришлось. Не легче, чем фронт. Тяжело нам попало. До того додавили всю жизнь в трудах, а пенсию маленькую заработали.

Така у меня судьба - всю жизнь одна. Только вышла замуж - война пала. Муж ушел в действующую, был ранен, вернулся, год не прожил. Сын тоже помер. Така судьба…"

Из воспоминаний Евгении Степановны Кишкиной:

"Сорок первый и сорок второй годы трудны были, не сравнить с другими годами. И косили, и рыбачили, и раненых возили, и дороги работали - каменья возили на тачках, дорогу стелили. Тогда не спрашивали: хорошо ли живешь, лишь был бы кусок - да на работу.

Поедешь на карбасах на рыбалку, а моторок тогда не было, только на веслах. Спускаешься по реке двадцать километров - гребут женщины. Негде было взять да нечего. Жили в Нюхче швецы: если из чего смогут - выкроят, сменяешь на это кусок. Помню, косим, на ногах обрезки, а Ганя Федосеева нашла веревку и говорит: калоши привяжем, крепко будет.

Наработаешься на сенокосе день - нет никакой силушки. Ночью девки спят - руки мечут, стонут. Кони в сорок первом худы у нас оставались. Маруся Козлова, помню, косит, а пожни сырые, кони вязнут, падают, она плачет, их вытягает. Всяко было.

Тогда радивов меньше было, да недосуг и слушать. Девка Шурка была начальником на вышке. Пришли однажды с работы, а она говорит: война кончилась…"

О войне написано много. Но каждый новый голос, каждая вновь заговорившая память высвечивает еще одну страницу многомиллионной книги: пройдя через сердце народа, война опалила душу каждого отдельного человека.

Все, что я услышала двадцать лет назад о войне в поморском селе Нюхча, так и осталось для меня самой главной книгой о том, как жилось в тылу в годы Великой Отечественной войны.

Никакие учебники, никакие фильмы, ни одна художественная или документальная книга не могла дать и не давала ощущения причастности к подвигу поморских женщин… [45]

Н. Волкова

Линия фронта сорокских колхозниц

Когда стоишь на мосту через речку Сороку, приток Выга, в самом центре Беломорска, и смотришь по течению реки, взгляд задерживается на деревянных строениях на островах Сорокский и Старчина. Не изменился их облик за минувшие десятилетия.

Здесь в 30-50-ые годы находились рыбопункт, амбары и склады колхоза "Северное сияние", на островах жило и большинство колхозников. А в центре поселка Сорока, который

[45] Карелия. – 2005. - 14 апреля (N39).

в конце 1938 года вошел в состав города Беломорска, стояло двухэтажное деревянное здание правления колхоза.

Хозяйство было рыболовецким, колхозники ходили по Белому морю, на Мурман, сами изготовляли и ремонтировали орудия лова. Держали скот, заготовляли сено, выращивали картофель, турнепс, капусту…

В середине 80-х годов, когда еще были живы ветераны этого колхоза, мне удалось восстановить некоторые страницы истории "Северного сияния".

Устинья Александровна Исакова рассказывала:

- Родом я из поморского села Шуерецкое, что в тридцати километрах от сороки. Замуж вышла в Сороке, муж умер. Как было жить? Пошла в колхоз, с первых дней образования колхоза работала. С утра до вечера работали. Рыбачили, пахали, косили. Женщины наравне с мужчинами трудились. А ведь еще и дом держался на мне: хозяйство, огород, скотина.

Нелегко было, но тридцатые годы старожилы вспоминали с радостью. А потом пришла война. И все трудности стали во сто крат тяжелее. Мужчины ушли на фронт. Были эвакуированы многие семьи. В колхозе оставались женщины, старики, дети.

Устинья Александровна Исакова. Александра Андреевна Камбалина. Матрена Савельевна Бурлакова. Сусанна Павловна Богданова. Матрена Федоровна Кошкина. Марфа Никитична Пайкачева. Анна Матвеевна Ефимова. Агнея Александровна Титова. Председатель колхоза Екатерина Петровна Иконникова. Эти имена сегодня остались лишь в архивах и памяти родственников.

Колхоз "Северное сияние" продолжал поставки продукции государству. По-прежнему шли в море карбаса к местам промысла. Только на веслах были женщины. После рыбалки они шили мережи, вставали на полях к плугу и бороне, пахали, сеяли, косили. Это был их фронт. А в сентябре 1941 года колхозницы встретились с врагом лицом к лицу. Трудовое поле, где они косили, стало полем боя. Для сорокских поморок тем осенним днем линия фронта прошла через сенокос близ разъезда Заливы.

Устинья Исакова рассказывала:

- Никогда не забуду тот день. Ясней многих помню его. Тогда мы косили на Межном острове. Напротив - остров Варничный. С вечера, когда мы спать ложились (а спали под лодкой, палаток не было), слышали, как на Варничном вроде топор падал. Вроде как кто есть… Да не придали значенья.

Утром встали, чайку попили, поели, собрали в лодку вещи. А сами двинулись на наш сенокос через остров. Только одно остожье выкосили - из лесу люди вышли, двое, в плащах. А далековато от нас, не видим, кто. Я говорю: пойду посмотрю. Я бригадир, мне идти. А Шура (Александра Андреевна Камбалина), бойкая такая была, отвечает: нет, вы косите, ты командуй, а мы пойдем.

И пошли втроем: Александра Камбалина, Ольга Мельникова, Матрена Бурлакова. Немного времени прошло, скрылись они из глаз: остров богатый, трава густая. И вдруг слышим выстрелы. А я и думаю: буде, не в наших ли стреляли?

Чуть позже видели, как двое мужчин в нашей лодке уезжали. Мы испугались и пешком направились в Заливы. Берегом шли, лесом, далеко. Плачем, от слез ничего не видим. В Заливах со станции дозвонились до Беломорска. Все рассказали: было, мол, нас восемь, троих нету. На следующий день к острову пошел военный катер. Женщин, погибших от огнестрельных ран, привезли. А диверсантов поймали.[46]

[46] http://pobeda.gov.karelia.ru/Veteran/article10.html

РАБОТА НА ЗАВОДАХ

Фрезер. Онежского завода А. Аксентьева
на производстве снарядов для фронта
на Красноярском механическом заводе

Изготовление мин на Сегежском ЦБК

Из воспоминаний участницы трудового фронта Р. В. Пентикайнен

- Когда началась война, родители мои работали на Соломенской электростанции. В эвакуацию мы проделали долгий путь до удмуртского города Сарапул, где на строящемся заводе по производству авиационных двигателей начался мой трудовой путь токаря. Было мне 15 лет.

В цехе работали практически одни подростки, а требования к качеству (авиация!) были жесткими, и моторов требовалось все больше и больше. Если поначалу сменная норма равнялась 25 деталям, то вскоре она выросла вчетверо.

Работали по двенадцать часов, без выходных. Еды - 800 граммов хлеба и щи из крапивы в заводской столовой - не хватало. Местной молодежи кое-какие продукты давала родня из деревень, а нам, приезжим, помочь было некому. Кто не выдерживал такого ритма и пытался сбежать домой, по законам военного времени, наказывался как дезертир.[47]

Телефонистки, телеграфистки

М. Бабушкин

Медаль за бой, медаль за труд

У жительницы деревни Хийденселькя Марии Васильевны Свистуновой (в девичестве Сильевой) есть две медали, которыми она очень дорожит и бережно их хранит: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 - 45 гг.» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне1941 - 45 гг.». Значит, и поработать ей довелось в войну, и повоевать.

Родилась Мария Васильевна в деревне Ладва Прионежского района. 16 августа 1926

[47] Петрозаводск и петрозаводчане в годы Великой Отечественной войны. – Петрозаводск, 2005. – С. 94.

Года. Незадолго до войны окончила школу Фабрично-заводского ученичества в Петрозаводске и стала телеграфисткой, а работать довелось в Паданах. Своеобразным методом эвакуировались работники почты, когда война вплотную подошла к Паданам, вчетвером бежали лесом несколько суток. Вышли на берег Онеги и на каком-то пароходике прибыли в Великую Губу. Конечный пункт эвакуации - Оренбургская область.

В1943 году стала Мария Васильевна военной телефонисткой, воевала в составе 970-го отдельного батальона связи, приданного 52-й армии. Тяжело было в войну мужчинам, не говоря уже о женщинах.

На одном из переходов немцы «застукали» колонну связистов и яростно ее обстреляли из минометов. Десяток мелких осколков попал в лицо сержанта Сильевой. Когда к ней подошла подруга и пальцами открыла веки левого глаза, раненная обрадовалась: левый глаз не поврежден. Та же операция была проделана с правым глазом, и он был в порядке. После короткого лечения в медсанбате снова оказалась Мария Васильевна в своей части.

Сложность работы фронтового телефониста в том, что шифр и пароль, номера «абонентов» менялись еженедельно. Если в одну неделю «первым» был, например, командир полка, то на следующей неделе этот номер присваивался другому командиру.

В семейном архиве Марии Васильевны хранится красноармейская книжка. При ее изучении так и хочется сказать, что в батальоне был хороший, заботливый командир, который требовал от писарей рот, чтобы в красноармейские книжки были сделаны вкладыши для записи всех видов поощрений. Мария Васильевна получила более десяти благодарностей от Верховного главнокомандующего, есть запись о награждении медалью «За боевые заслуги» и знаком «Отличный связист».

Более полстолетия прошло после окончания войны, но Мария Васильевна помнит гибель своей подруги. В одном из переходов осколок снаряда попал подруге в живот, и она все просила: «Спасите! Не хочу умирать!». Но рана оказалась смертельной, и через несколько минут подруги не стало.

С военной службой рассталась в конце 1945-го и приехала в Ладву, но тетка сказала, что мать и сестра живут в поселке Хелюля. Разыскала дом, где жили мать и сестра. Родные не сразу узнали ее в военной форме. Много слез радости было пролито во время встречи…[48]

М. Алексеева

Неуемная женщина

Нина Федоровна Мартыненко

Судьба некоторых людей заряжает окружающих оптимизмом, потому что, несмотря на все трудности, выпавшие им в жизни, они все равно умудряются неведомым способом сохранять жизненный задор и неуемную энергию.

Как раз к таким светлым людям, с которыми приятно общаться, и относится моя собеседница - Нина Федоровна Мартыненко. Эта маленькая, излучающая радостный свет женщина…

- Знаете, знакомые говорят, что я «неуемная женщина», - смеется она. Жизнь военная…

Когда ей еще не было семнадцати лет, она пошла служить в армию - послевоенная действительность оставляла не очень много возможностей.

- Когда началась война, и нас - меня, маму, брата и сестру с четырьмя детьми - отправили в эвакуацию, - рассказывает моя собеседница, - мне было 15 лет. Нас привезли в Архангельскую область, там я и закончила девятый класс. Помню, как учились: писать было не на чем, поэтому для этих целей шли обои, старые газеты, церковные книги. Вместо ручек — карандаши.

Кстати, где бы ни училась Нина Федоровна, она всегда была отличницей. У нее даже сохранились в архиве грамоты. Как удалось уберечь эти документы во всех перипетиях жиз-

[48] Бабушкин М. Мы – риладожцы-участники Великрй войны. КН. 1.Лахденпохья, 2005.С. 125-126.

ни - загадка, даже моя собеседница не может этого объяснить: то ли ее мама их сохранила, то ли она сама, собирая чемодан в армию, сложила туда и грамоты.

- Потом отец прислал нам вызов в Беломорск, и мы переехали туда, - вспоминает Нина Федоровна. Вот тут и встала проблема, куда идти работать.

- Сначала меня отправили на лесозаготовки, - объясняет моя собеседница. - Но там я проработала только один день. Как большинство семей в послевоенные годы, мы жили бедно: отец был извозчиком на лесопилке, мать - сторожем. Из одежды у меня было только плохонькое пальто, которое мне подарила учительница, и матерчатые ботинки. А на дворе - март, и в лесу в такой неподходящей экипировке работать было, конечно, невозможно.

А как раз в это время в Беломорске стоял штаб погранвойск и погранбатальон. Так и решила моя собеседница, что пойдет служить в армию.

- Тогда девушек брали прачками, санитарками - чтобы разгрузить мужчин, - вспоминает она.

- Но у меня было девять классов образования - редкость по тем временам. Поэтому меня сразу зачислили телефонисткой, как сейчас помню: красноармеец-телефонистка сотого отдельного погранбатальона. Работа была тяжелой - смены восемь часов через восемь, спали по часу-два.

- Ведь как оно было, - улыбается Нина Федоровна, - смена закончилась - потом политзанятия, огневая подготовка. И в самодеятельности, конечно, поучаствовать хотелось. Но справлялись. Особенно тяжело ночью было. Днем-то не поспишь, а вот когда все затихнет - глаза слипаются. Наш начальник все время проверять ходил - боялся, что заснем и какой-нибудь важный звонок пропустим. Потом моя собеседница стала старшим писарем МТО.

- В пограничной комендатуре штат - около сотни человек, и я одна, - рассказывает Нина Федоровна.

- Больше никого из женщин не было - ни прачки, ни санитарки.

Куда поселить единственную на всю часть девушку? Сначала ей отделили угол в огромной брезентовой палатке - просто отгородили брезентовым же полотнищем. Потом построили щитовой дом, и там ей выделили уголок. Позже, когда построили дом для начальства, дали Нине Федоровне в нем комнатку.

Всего моя собеседница отслужила в армии три года, и там же ее, восемнадцатилетнюю девушку, приняли в партию.

- Был у нас там замполит-москвич, - вспоминает Нина Федоровна, - так он меня как родную дочь берег. А если, допустим, наша армия какую-нибудь победу одерживала, приходил ко мне и говорил: «Нина, надо боевой листок выпустить, я тебе материал дам». Или к празднику я проводила по его просьбе политзанятия. И вот как-то он мне сказал: «Вот ты уже третий год в армии. Подвигов мы с тобой не совершали — такова была наша служба. Давай примем тебя в партию, и ты всю жизнь будешь считать, что достойно служила»…[49]

В. Верхоглядов

Первый эшелон

Воспоминания Валентины Владимировны Васильевой

В 1944 году я работала на Беломорском телеграфе. 26 июня неожиданно была откомандирована на работу... в Петрозаводск. Столица Карелии еще была занята финнами, но уже никто не сомневался, что она со дня на день будет освобождена.

Нас, большую группу специалистов, первым эшелоном отправили налаживать городское хозяйство. Связистов в нем представляли несколько человек из управления связи, а кроме того, две телефонистки, два почтовых работника и две телеграфистки — я и Людмила Федоровна Березина. Добрались без особых хлопот до станции Вичка, дальше железная до-

[49] Курьер Карелии. - 2009. - 15 июля. - С. 5

рога была разрушена. Пошли пешком. Впереди минеры, мы за ними цепочкой, и так километров семь.

В Медвежьегорске многие здания были заминированы, поэтому нам строго-настрого запретили ходить по городу…. Кормились тем, что прихватили с собой.

Через два дня на грузовике отправились в путь. Ехали через Кондопогу, она запомнилась мне как небольшая деревня. Потом нас на лодке перевезли через какую-то широкую реку, наверное, через Суну, а потом опять долго тряслись на грузовой машине. Петрозаводск встретил нас тишиной.

Более полувека прошло с той поры, многое выветрилось из памяти, но чуть прикрою глаза и вижу, как наяву, пустынный Первомайский проспект, называвшийся тогда шоссе 1 Мая, редкие деревянные домики и темное каменное здание, в котором сейчас располагается магазин «Сад-огород»...

Примерно месяц мы жили в полуразрушенном Доме связи, потом ненадолго перебрались в одно из помещений старой почты…

Почтовые работники привезли с собой несколько мешков писем, адресованных тем, кто остался под финнами в оккупированном городе. Эти письма мы разбирали и вывешивали прямо на стены здания. Так некоторые из них находили своих адресатов…

Напротив старого вокзала стояли два деревянных дома. После освобождения их заняла воинская часть связистов, где нам с Березиной на два часа в сутки давали связь с Беломорском. Все лето мы ходили туда пешком - общественного транспорта в городе еще не было.

Отправляли мы только срочные правительственные телеграммы. Потом в здании почты нам поставили аппарат Морзе и клопфер. Приехали многие специалисты. К концу 1944 года в смену вместе с бригадиром выходило по 3-4 человека.

Некоторым молодым телеграфистам дали жилье в одном из довоенных бараков на проспекте Урицкого (сейчас проспект Александра Невского), примерно там, где находился магазин запасных частей к автомобилям.

В небольшой комнатке нас было четверо. Стол откуда-то притащили, кровати и даже кресло-качалку. Печка у нас была из тех, которые называют «голландками». В ту зиму 1944-1945 годов каждая бросовая деревяшка годилась для отопления. Во дворе дома находился старый пожарный колодец, поставленный еще до войны, так мы его сруб потихоньку весь разобрали на дрова.

Однажды случился у нас пожар. Печку истопили, положили в нее валенки сушиться и спать легли. Вдруг стучат нам в дверь: «Девки! Горите!» - это уже к соседям дым проник, а мы проснуться никак не можем. Оказалось, наши валенки сгорели. Утром надо на работу идти, а нам не в чем. В летних туфлишках по морозу шлепали.

Хлеб получали по карточкам, нам полагалась рабочая норма. А обедать - раз в день - ходили в бывший Дом крестьянина на улице Гоголя, там находилась столовая связистов, там же была почта и располагался аппарат нашего управления. За водой, чтобы чай вскипятить, бегали на речку Лососинку. На Лобане, так старожилы называют место, где нынешняя улица Антикайнена подходит к реке, стояла в то время небольшая баня, в нее многие ходили помыться, и мы тоже...

Голодно, холодно было, а жили весело. На праздники какой-нибудь винегрет на всю компанию сделаем - вот и угощение. Еще и на танцы в клуб сходим. Клуба того давно уже нет, он находился в конце улицы Чернышевского, сейчас на этом месте городская овощная база. И в кино изредка бывали, кинотеатр «Сампо» уже работал, в нем мне довелось посмотреть «Тарзана».

На восстановительные работы нас отправляли не очень часто, хотя помню, что пришлось разбирать развалины на месте городской электростанции.

Кто в мае сорок пятого принял телеграмму о закончившейся войне, я не знаю. Уже накануне стало известно, что скоро поступит важное правительственное сообщение из Москвы. Я в тот день работала во вторую смену, спать легла еще в военное время, а проснулась уже в мирное.[50]

[50] Война у каждого своя. Петрозаводск, 2005. С. 170-172.

Т. Романова

Телеграфистка Карельского фронта

Лидия Ивановна Шаблеева

В первый же день войны всем жителям Пудожа, годным к службе в армии, вручили повестки. На фронт ушли три двоюродных брата Лиды Шаблеевой, муж сестры и старший брат Николай. Родные места покидали ровесники. Глядя на них, на фронт рвалась и сама Лида. Когда объявили о наборе на курсы телеграфисток, она записалась одной из первых. Ей тогда только-только исполнилось 18 лет.

За три месяца она в совершенстве освоила азбуку Морзе, научилась быстро работать на аппарате.

В начале 1942 года Лиду и пятерых ее подруг отправили на телеграф в Беломорск.

До сих пор не может забыть Лидия Ивановна постоянное чувство голода, которое преследовало ее еще в Пудоже. Зимой 1941 года люди ночами стояли в очередях за заветными 200 граммами хлеба. Многие умирали от слабости и холода, так и не дождавшись пайка. Умерших было столько, что их хоронили не по одному, а складывали всех на большие сани, которые деревенская женщина Матрена катила на пудожское кладбище.

В столовой беломорского телеграфа кормили только жидким варевом, заправляя воду мукой. После 12-часовой смены все валились с ног от усталости, очень хотелось спать. Одна радость была: город не бомбили.

Однажды Лида услышала долгожданную весть: её вызывали в военкомат для вручения повестки. Девушка тут же отстучала на телеграфном аппарате сообщение домашним.

В 1942 году ее определили служить в 115-й отдельный полк связи 26-й армии в Кемь.

-

Телеграфистки Карельского фронта (1945 год)

Невысокой, худенькой девушке выдали ботинки 41-го размера и шинель — такую длинную и широкую, что на следующий день она еле дошла до телеграфа. Резать форму не разрешали, можно было только подшивать. Спасибо старшине: поменял большого размера ботинки и шинель на подходящую форму.

Военный телеграф и телефонная станция располагались в красивой церкви, в самом центре Кеми. Передающий центр - узел связи - находился в подвале церкви, где слабее слышны были звуки бомбежек и взрывов. Вокруг главного управления, где работала Лида, располагались отдел шифровки, отдел управления, отдел снабжения, разведывательный отдел и контрразведка "СМЕРШ".

Каждый отдел усиленно охранялся Лида и представить не могла, какая ответственность ляжет на ее хрупкие плечи. Вся информация шла в зашифрованном с помощью цифр виде, и телеграфистка не имела права на ошибку. Важные сведения всегда отправлялись под бдительным присмотром; бумажные ленты скатывали в клубки, запаковывали, передавали в архив. При столь строгом контроле утечка информации исключалась.

Телеграфистки работали без выходных и отпусков при строжайшей дисциплине. Утром девушки выходили строем на зарядку, потом шли строем в столовую, так же — на работу. Времени на прием пищи отводилось мало; не успел поесть — выходи голодный. На десять человек выдавали ведро супа, буханку хлеба; каждому накладывали черпак каши. После обеда старшина заставлял выпивать пол- литровую банку зеленого настоя из сосновой хвои - горького и противного - для профилактики цинги.

Самое страшное для Лиды начиналось, когда приходили на переговоры подполковники, полковники, генералы. Они диктовали сообщения, передавать которые надо было быстро, без ошибок. Телеграфистки всегда были в курсе военных переговоров, знали многие секреты. Работая на большой скорости, они обеспечивали не только быструю связь, но и не позволяли врагу перехватить нашу информацию. После освобождения Петрозаводска 115-й отдельный полк связи 26-й армии отправили на 3-й Украинский фронт, которым командовал маршал Советского Союза Федор Толбухин.

Ехали долго, часто пропуская составы, нагруженные техникой для фронта. Эшелон постоянно обстреливали немецкие самолеты, снаряды разрывались то с одной стороны, то с другой, и молодые девчонки кричали, прятались от страха под нары…

Лида Шаблеева проехала со своим эшелоном всю нашу страну. Потом были Болгария, Румыния, Югославия, Венгрия. Победу она встретила в Австрии, почти у самой границы с Германией.[51]

ШВЕИ

Цех артели «Кустпромшвея» в годы войны

Школьницы Кеми шили белье для воинов

Из воспоминаний Людмилы Алексеевны ЛЕВАНОВСКОЙ (Меркуловой)

- На станции Емца всю войну работала на восстановительном ремонте воинского обмундирования. В мастерской мальчики и девочки разбирали привозимую с фронта одежду, уничтожали вшей, отмывали кровь, зашивали дырки, стирали, гладили, в сапогах укрепляли подошвы. Затем все это паковалось в мешки и отправлялось на призывные пункты военкоматов.

Заведующей в мастерской была Елена Васильевна Савельева. Однажды она приняла за немецкого шпиона непривычно одетого и одиноко ходившего по улицам мужчину, доло-

[51] Курьер Карелии. - 2005. - 19 мая.

жила о своих подозрениях в милицию, но оказалось, что это был первый секретарь ЦК Компартии республики член Военного совета Карельского фронта Г. Н. Куприянов.

Когда недоразумение выяснилось, она решила посоветоваться: «...в мастерскую для работников согласно приказу поставляются табак и водка. Среди работников много детей. Если выдавать табак и водку, это повредит их здоровью. Я не выдаю, но тем самым нарушаю приказ. Как быть?» Куприянов подумал и сказал: «Выдавайте. Но обязательно объясните им, что все это можно обменять на еду...»

Из воспоминаний Лидии Ивановны СЕРГИЕНКОВОИ (Самариной)

- Все женщины нашего рода были портнихами, и потому все мы оказались на станции Емца в швейной мастерской по ремонту воинского обмундирования.

Как мне вспоминается, самое трудное для меня было участие в лесозаготовках: каждый день надо было сдать приемщику 2,5 кубометра метровых бревен. Я была самая низкорослая, слабая. Никак мне эта норма поначалу не давалась. Зато когда я впервые ее сделала, прихожу в барак, а там висит стенгазета: «Поздравляем Лиду с выполнением нормы!» С этого дня ниже нормы не опускалась.

Но лесозаготовки - это было дело сезонное, главной же нашей работой был ремонт одежды. Мы, подростки, трудились по продолжительности дня наравне со взрослыми. Разве что иногда делались нам послабления в части нарушения распорядка дня и детских шалостей...»[52]

ПРАЧКИ

М. Бабушкин

Анастасия Ивановна вспоминает...

Анна Ивановна Судникова

Много горя повидала в жизни Анастасия Ивановна Судникова - жительница города Лахденпохья.

Родилась она в июле 1926 года в деревне Волоки Рогочевского района Гомельской области. Все муки оккупации, все издевательства «блюстителей нового порядка» довелось ей познать. Отца убили оккупанты. Жителям деревни часто приходилось скрываться в лесах. Не раз попадались ей на глаза листовки, в которых немцы заранее предупреждали жителей деревень, скрывающихся в лесах, что будут их бомбить. И бомбили.

Потом попала эта деревенька в плацдарм, захваченный нашими войсками на западном берегу речки Друть. Полегче стало жить. Красноармейцы щедро делились с жителями освобожденной деревни пищей: хлебом, сахаром, хотя сами не шиковали - не велик был солдатский паек.

Анастасия Ивановна вспоминает: дадут солдаты буханку хлеба, возьмет ее в руки двухлетний братишка и никому не отдает, так и спать с ней ляжет. Только у сонного можно было забрать хлеб, поделить на всех.

В прачки Анастасия Ивановна угодила, можно сказать, случайно. Плацдарм расширялся, враг отогнан был далеко от речки, и жители стали ходить на реку - кто по воду, кто белье полоскать.

Ехал вдоль берега пожилой солдат, заметил дивчину, полощущую белье, и сказал ей, чтобы подобрала двух-трех подруг и чтобы пришли они в штаб полка, указал, куда прийти надо. И стали девчонки прачками в 250 стрелковом полку. Строго было со штатами вольнонаемных - на полк полагалось всего три прачки. Так втроем и обстирывали полк - несколько

[52] Петрозаводск и петрозаводчане в годы Великой Отечественной войны. – Петрозаводск, 2005. – С. 91.

тысяч человек. Стиральных машин, разумеется, не было, все стирали руками на рифленых стиральных досках...

От старшин рот, сдающих белье в стирку и получающих его, узнавали, где воюет полк. Названия эти помнятся и поныне: операция «Багратион» - по освобождению Белоруссии, Прибалтики, Кенигсберга, Берлина.

За границей прачечные полков объединили в дивизионную прачечную. Около прачечной был постоянный пост охранения.

В День Победы личному составу и вольнонаемным делали уколы от брюшного тифа. Организм молодой девушки так бурно отреагировал на этот укол, что она угодила в госпиталь. А когда подлечилась, то отправили ее домой…[53]

Л. Нейкен

Подвиг прачки

Мария ЕфимовнаУткина

Мария Уткина! Об этой женщине мне впервые рассказал пограничник, полковник в запасе Афанасий Никифорович Малоиван….

А. Н. Малоиван перед войной служил в политуправлении Ленинградского пограничного округа. Незадолго до начала войны он прибыл в поселок Элисенваара, где находился штаб 102-го пограничного отряда....

Вскоре явилась на свет тетрадь в клеточку, пожелтевшая, чернильные и карандашные записи местами выцвели. Аккуратным почерком военком излагал кратко факты, показывал черновики наградных листов, здесь же были записи бесед с пограничниками…

И я прочел о Бусалове, о коменданте первой комендатуры А.Д. Гаркавом, о Марии Уткиной…

- А ведь прачка 4-й пограничной заставы стала первой женщиной в пограничных войсках страны, удостоенной высшей боевой награды - была награждена орденом Красного Знамени, правда, посмертно. О ней много писали, были статьи и стихи, в театре шла пьеса...

Трудное послевоенное взросление Марии Ефимовны Уткиной закончилось в 14 лет. Пошла работать на железную дорогу , потом была далеко не женская служба бойцом пожарной команды, затем лесозаготовки.

Когда в 1940 году вербовали в Карелию, они с сестрой Елизаветой поехали - служить на пограничные заставы. Мария серьезно занималась боевой подготовкой, хорошо стреляла, изучала пулемет. Скромная женщина пользовалась всеобщим уважением, пограничники ее ласково звали «тетя Маша».

С 22 июня она жила напряженной жизнью вместе с бойцами заставы. Ей предложили уехать, но она решительно отказалась…

28 июня 1941 года по всему участку, находившемуся под охраной 102-го погранотряда, начались бои. На рассвете по телефону старший лейтенант Сидоров сообщил обстановку. В итоге первого дня - победа пограничников: противник отброшен за кордон. Но уже вечером Сидоров снова сообщил, что на участке заставы накапливается противник.

Полковник Донсков приказал Сидорову действовать, как только враг приблизится на ружейный выстрел. Вторая атака была отбита с большими потерями для противника. Фельдшера на заставе не было, первую помощь бойцам оказывали санинструктор и прачка Мария Уткина.

К исходу дня, 29 июня, началось третье наступление на заставу. Застава, обложенная цепями противника, вместе с приданным взводом красноармейцев 461-го полка, оказала противнику яростное сопротивление.

[53] Бабушкин М. Мы – риладожцы-участники Великрй войны. КН. 1.Лахденпохья, 1005.С. 136.

За вражеской разведкой, проникшей на территорию заставы, потянулись солдаты противника. Решив, что с заставой покончено, они поднялись во весь рост и, стреляя на ходу, двинулись вперед. Но ожили амбразуры замаскированных дзотов, в тылу раздаются выстрелы и взрывы гранат... Не выдержал противник и, теряя многих убитыми и раненными, бежал за границу.

Однако радость победы была омрачена ранением начальника заставы. Эвакуировав старшего лейтенанта Сидорова в тыл, лейтенант Родионов доложил коменданту Гарькавому обстановку. Комендант приказал выставить наблюдателей на флангах и у зданий, чтобы предупредить окружение.

- Ну а если будет угроза окружения, - закончил Гарькавый, - с боем отходите к комендатуре. А сейчас пока тихо, дайте людям отдохнуть.

Затихло на заставе, а Мария Ефимовна отправилась исполнять свою штатную должность. Прачечная находилась на полпути от заставы до границы. Наколов дров, она растопила печь, наносила воды и принялась перебирать белье для починки. Так прошла короткая июньская белая ночь.

Уже под утро она услышала скрип двери. Поднявшись со своего места, Мария вышла к двери и застыла, пораженная увиденным: перед нею стоял немецкий солдат - рукава закатаны, автомат на груди, изумление от встречи с женщиной...

Мария Ефимовна лихорадочно соображала, что же делать дальше. Скосив глаза, увидела топор. Но до него нужно было сделать минимум два шага.

...Дальнейшие события разворачивались, как в кино. Немецкий солдат опустил руки от автомата и сделал шаг навстречу женщине. Практически синхронно Мария Ефимовна делает шаг ему навстречу и резко бьет ногой в низ живота. Фашист согнулся, она хватает топор и резко опускает его на спину солдату. От удара топором тот рухнул на пол. А Мария стоит с топором в руках и боится двинуться. Вскоре открывается дверь и появляется другой фашист. Топор Марии опустился и на него.

Подобрав два автомата, Мария Ефимовна бросилась на заставу. Пограничники уже занимали позиции. На левом фланге началась стрельба, первые снаряды противника разорвались вблизи траншеи. Оценив обстановку, лейтенант Родионов стал вслух соображать, кого послать за поддержкой.

- Разрешите мне пойти. Я дорогу знаю.

И пошла. Через некоторое время она вышла на хутор, где находилась резервная группа младшего лейтенанта Виноградова. Часовой увидел женщину с винтовкой в руке и понял, что произошло что-то тревожное. Двумя группами красноармейцы направились на помощь заставе.

Мария Ефимовна сумела подвести незаметно подмогу к сеновалу. Оттуда было хорошо видно группу солдат противника, которые готовились штурмовать заставу.

- Вперед! За Родину! - скомандовала Мария Ефимовна и бросилась вперед с винтовкой наперевес. Красноармейцы бросились за ней в штыковую атаку. Мария заколола в этой атаке двух фашистов.

Помощь пришла вовремя. Враг покинул поле боя. О тяжести боя свидетельствовали разрушения и воронки от снарядов и мин, дотлевало здание заставы, по всему двору валялись разбитое оружие, трупы врагов. Но и пограничники понесли тяжелые потери.
Похоронив убитых, собрав оружие, пограничники с тяжелым сердцем покинули заставу и, выполняя приказ, стали продвигаться на соединение с комендатурой Гарькавого.

Еще несколько дней Мария Ефимовна вместе с группой Гарькавого участвовала в боях в полном окружении. Перед выходом с одной из дневок Мария возле озерка лесного решила что-то простирнуть. Противник, постоянно преследовавший группу, открыл минометный огонь. Одна мина разорвалась недалеко от Марии, и осколок впился в шею… Пограничники похоронили бесстрашную женщину в лесу. Время уничтожило одиночную могилу…

Рассказ о подвиге прачки пограничной заставы из политдонесения превратился в газетную информацию, попал на страницы печати. Виссарион Саянов, ленинградский поэт, посвятил ей стихотворение «И твое простое имя будет вечно жить в краю родном».

Тогда же, в июле 41-го, были написаны и направлены по команде наградные листы о награждении пограничников, отличившихся в боях. ..Вольнонаемная Мария Ефимовна Уткина [награждена орденом Красного Знамени]. Посмертно!...[54]

[54] **Карелия.-1995.-5сент.-С.5.**

Список использованной литературы

Сборники документов и материалов

В грозные годы: Документы и материалы о героических подвигах женщин Карелии в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). – Петрозаводск, 1970.

Великая Отечественная война советского народа с фашисткой Германией, 1941 - 1945 г. : сб. темат. викторин в вопросах и ответах / сост. А. Филимонов. - Петрозаводск, [2004]. - 189 с. - Библиогр. в конце ст.

Вторая мировая война и Карелия. 1939-1945 гг. Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию начала Великой отечественной войны. /Науч. ред. Н.А.Кораблев, В.Г.Макуров. – Петрозаводск, 2001. -96 с.

Галкина, Э.Е. Подвиг Зины Богдановой //Вспоминают ветераны. - Петрозаводск. - С.62-65.

Голубев, А. В. Повседневная жизнь женщин в годы Великой Отечественной войны на оккупированных территориях Карелии: к постановке проблемы / А. В. Голубев // Устная история в Карелии : сборник научных статей и источников / Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования Петрозав. гос. ун-т. - Петрозаводск, 2007. - Вып. 3. - С. 7-16.

Карелия в Великой Отечественной войне, 1941 - 1945 гг. : материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (28 апреля 2000 г.) / Ин-т языка, литературы и истории КарНЦ РАН ; [науч. ред.: Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, М. А. Мишенев]. - Петрозаводск : [б. и.], 2001. - 103 с. ; 21 см. - Библиогр. в примеч. в конце ст.

Карелия в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945: Документы. Материалы. – Петрозаводск, 1975.

Карельский фронт в Великой Отечественной войне. 1941 – 1945 гг.: Военно-исторический очерк. /Отв. Ред. А.И.Бабин. – М.: Наука, 1984. – 360 с.

Костин, И.А. Воспоминания о жизни в оккупированном Заонежье. /И.А.Костин. //Карелия в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – Петрозаводск, 2001. – С.48-50.

Крутых, Ж.И. Финский оккупационный режим на территории Заонежья в 1941-1944 гг. /Ж.И.Крутых // Война и память народа: материалы научной конференции преподавателей и студентов КГПУ, посвященной 60-летию освобождения Карелии от фашистской оккупации (21-23 апреля 2004 г.). – Петрозаводск, 2004. – С.39-41.

Крылова, Р. И. Забота женщин Карелии о фронтовиках и их семьях в годы Великой Отечественной войны / Р. И. Крылова // Война и память народа : материалы научной конференции преподавателей и студентов КГПУ, посвященной 60-летию освобождения Карелии о т фашистской оккупации (21 - 23 апреля 2004 г.). - Петрозаводск, 2004. - С. 20-23.

Куломаа, Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941-1944 /Ю.Куломаа; Военно-истор. об-во РК; науч. ред. Ю.М.Килин. – Петрозаводск: А.Н.Ремизов, 2006. – 277 с.

Куприянов, Г.Н. От Баренцева моря до Ладоги. /Г.Н.Куприянов. – Л., 1972.

Куприянов, Г.Н. За линией Карельского фронта. Изд.2-е, исправленное и дополненное. /Г.Н.Куприянов. – Петрозаводск, 1979.

Куприянов, Г.Н. Во имя Великой Победы: Воспоминания. /Г.Н.Куприянов. – Петрозаводск: Карелия. 1985. – 270 с.

Лукьянов, В.С. Трагическое Заонежье. /В.С.Лукьянов. – Петрозаводск, 2004.

Макуров, В.С. Карелия в годы Второй мировой войны (1939-1945). /В.Г.Макуров. // История Карелии с древнейших времен до наших дней. – Петрозаводск, 2001. – С.583-667.

Макуров, В.Г. Военная летопись Карелии. 1941-1945. /В.Г.Макуров. – Петрозаводск: Кар. Науч. центр РАН, 1999. – 84 с.

Макуров, В.Г. Петрозаводск в годы суровых испытаний 1941-1945.– Петрозаводск, 2005. – 80с.

Мишинев, М.А. Документальные публикации о Карелии военных лет (1941-1945). /М.А.Мишенев. //Карелия в Великой отечественной войне 1941-1945 гг.: Материалы респуб-

ликанской научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (28 апреля 2000 г.). /Науч. ред.: Н.А.Кораблев, В.Г.Макуров, М.А.Мишенев. – Петрозаводск: Изд-во ИЯЛИ КНЦ РАН, 2001. – С.77-86.

Незабываемое: Воспоминания о Великой Отечественной войне. – Петрозаводск,1974. - 383 с.

Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1941-1956 гг. /Сост.: С.С.Авдеев, А. В. Климова, В. Г. Макуров; науч. ред. В. Г. Макуров. – Петрозаводск, 1999. – 306 с.

Очерки истории Карелии: В 2 т. Т.2. /Отв. Ред. В.И.Машезерский. – Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1964. – 616 с. 104. Очерки истории Карельской организации КПСС. – Петрозаводск: Карелия, 1974. – 590 с.

Петрозаводск: 300 лет истории. Кн.3. 1903-2003. – Петрозаводск, 2003. – 574 с.: ил.

Подвигу жить в веках: Материалы военно-исторической конференции, посвященной 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг./ Отв. за выпуск: С.Д.Улитин, Н.Я.Копьев, А.И.Штыков. – Петрозаводск, 2005. – 120 с.

Подвигу - жить в веках / [ред. А. Б. Соболева]. - Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2010. - 87 с. : ил.

Прокконен, П.С. Героизм народа в дни войны: Воспоминания / П. С. Прокконен. – Петрозаводск, 1974. – 260 с.

Рогаткин, Д. Финская оккупация на территории Карелии. /Д.Рогаткин. – Петрозаводск, 1994. – 75 с.

Улитин, С.Д. Труженики Карелии – фронту. /С.Д.Улитин. //Карелия в Великой отечественной войне 1941-1945 гг.: Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (28 апреля 2000 г.). /Науч. ред.: Н.А.Кораблев, В.Г.Макуров, М.А.Мишенев. – Петрозаводск: Изд-во ИЯЛИ КНЦ РАН, 2001. – С.5-8.

Улитин, С.Д. Европейский Север России в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). /С.Д.Улитин. – Петрозаводск, 2004. – 288 с.

Улитин, С.Д. Ратный вклад жителей Европейского Севера в достижение Победы в Великой Отечественной войне. /С.Д.Улитин. Человек и война: страницы военной истории России: Сб. науч. статей. /Ред. коллегия: Г.В.Чумаков, Л.Н.Юсупова. – Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2005. – С.5-10.

Человек и война: страницы военной истории России: Сб. науч. статей. /Ред. коллегия: Г.В.Чумаков, Л.Н.Юсупова. – Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2005. – 100 с.

Шпак, А.А. Подвиг юности: Комсомол Карелии в Великой Отечественной войне. /А.А.Шпак. – 4-е изд., испр. и доп. – Петрозаводск. 1984. – 254 с.

****

Акрицкая, Н. Мужество разведчицы : [О К.Е. Колмачевой- партизанке отряда "За Родину"] : Земляки / Н.Акрицкая // Курьер Карелии. - 2003. - 3 дек. - С. 4.

Акуленко, В. "Помнишь, как цвела черемуха...". Историю любви сохранили военные письма : [о переписке в годы Велик. Отечеств. войны петрозаводчан Л. Туоми и В. П. Знаменского] / В.Акуленко // Аргументы и факты. - 2010. - 6-12 окт. (№ 40). - С. 12 (Прил.: Карелия).

Андерсон, Г.А. "Вспомните меня..." : [Воспоминания о выпускниках 1941 г.] / Г.А. Андерсон // Лицей. - 2004. - № 6/7. - С. 8.

Бабушкин, М.Сержант Дуся : К 50-летию Вел. Победы / М. Бабушкин // Карелия.-1995.-18 апр.- С. 4.

Бабушкин, М. Старший "слухач" : [Рассказ о Е.Е.Ольшанской (Козинцевой)] / М. Бабушкин // Мол.газ.Карелии.-1995.-7 февр.

Богданович, З.А. "На память от русской зимы" : [воспоминания автора о Великой Отечественной войне] / З.А. Богданович // Молодежная газета Карелии. - 2010. - 28 янв.-3 февр. (№ 5). - С. 8.

Власенко, Г. Памяти Сильвы [Удальцовой-Паасо] / Г. Власенко, Л. Нифантьева // ТВР-Панорама. - 2008. - 17 дек. (№ 51). - С. 24.

Георгиевский, О. Последний день войны : [Из воспоминаний ветерана партизанского отряда "Буревестник" А.Е. Михайловой] / О.Георгиевский // Карелия. - 2004. - 17 авг. - С. 5.

Герасимова, К. Медицинская сестра : [о ветеране Великой Отечественной войны Е. И. Мошаниной (Чурыгиной)] / К.Герасимова // Лицей. - 2010. - № 5. - С. 1.

Голубев, В. В. Маша Деллер под псевдонимом Чижик : [об участнике Великой Отечественной войны, разведчице-радистке Карельского фронта] / В.В.Голубев // Петрозаводск. - 2010. - 6 мая (№ 19). - С. 19.

Гордиенко, А. Штурман "небесного тихохода" : [о ветеране войны Анне Федоровне Петровой-Хижной] / А.Гордиенко // ТВР-Панорама. - 2007. - 9 мая (№ 19). - С. 10.

Григорьева (Быкова), Л. И. Если солдат умер ... : [воспоминания о Великой Отечественной войне] / Л.И. Григорьева (Быкова) // Карелия. - 2010. - 18 мая. - С. 7.

Груздева, В. Это нужно живым : [о Великой Отечественной войне] / В.Груздева // Карелия. - 2010. - 22 июля. - С. 12.

Гусева, Т. Н. Женщина и война : [воспоминания о Великой Отечественной войне Т. Н. Гусевой, В. С. Ворониной и Г. М. Вавилиной / записала И.Ларионова] // Лицей. - 2005. - Март (№ 3). - С. 22.

Гусева, З. Из семьи осталась одна : К 50-летию Великой Победы / З. Гусева // Карелия.-1995.-1апр. - С. 4.

Гущин, Б. Разведчица : [Л.Карачаева-Богданова и М.Деллер] / Б. Гущин // Лицей.-1995.-№ 4.- С.12.

Данков, М. Судьба подпольщика : [о деятельности членов петрозаводского подполья в годы Великой Отечественной войны] / М. Данков // Карелия. - 2010. - 8 мая. - С. 9.

Достанко, Л. Недетские воспоминания Лели Великановой : [рассказ о жизни О. А. Достанко (Великановой) в годы Великой Отечественной войны] / Л. Достанко // Лицей. - 2010. - № 5. - С. 12.

Елагина, Л. Молюсь за нашу страну : [о ветеране войны Вере Николаевне Юровской] / Л. Елагина // Карелия. - 2008. - 31 дек. - С. 7.

Заалова, С. Сапоги и туфельки Антонины Федотовой : [Военная биография А. Федотовой] / С.Заалова // ТВР-Панорама. - 2004. - 23 июня. - С. 9.

Захаров, А. К. "На рассвете мы услышали стрельбу ..." : [воспоминания о Великой Отечественой войне супругов Александра Кирилловича и Валентины Павловны Захаровых / подгот. И.Ларионова] // Лицей. - 2009. - № 12. - С. 20.

Зотикова, Т. "Тебе, знавшему меня очень мало..." : [об участнице Велик. Отечеств. войны Фаине Ивановне Царевой вспоминает ее дочь петрозаводчанка Т. Зотикова / записала О. Миммиева] // Петрозаводск. - 2010. - 27 мая (№ 22). - С. 23.

Иванова, Д. Портрет на портянке : [о ветеране войны Екатерине Александровне Косолаповой (Насоновой)] / Д.Иванова // ТВР-Панорама. - 2010. - 17 февр. (№ 8). - С. 25.

Иванова-Смирнова, Л. Наша военная : воспоминания минера, участника Великой Отечественной войны Лидии Ивановой-Смирновой / Л. Иванова-Смирнова // Карелия. - 2010. - 27 мая. - С. 15.

Иконникова, Н. Е. Нынче здесь, завтра там... : [записано со слов ветерана войны Надежды Егоровны Иконниковой / записал А.Гордиенко] //Петрозаводск.-2005.- 14 апр. (№ 15). - С. 15.

Иконникова, Н. Е. Рассказы медицинской сестры : [воспоминания Надежды Егоровны Иконниковой / записал А. Гордиенко] // Петрозаводск. - 2005. - 24 марта (№ 12).

Ильина, М.Б. Пусть не будет такой страшной войны : О том, что пришлось пережить, рассказала Мэри Бернгардовна Ильина / М.Б. Ильина // Молодежная газета Карелии. - 2004. - 6-12 мая. - С. 7.

Каликин, М.М. В оккупированном Петрозаводске. /М.М.Каликин. //Север. - 1994. - № 5. – С.141-143.

Касьянова (Васильева), И. И. Комсомольцы - добровольцы в лесах Карелии : ... воспоминания петрозаводчанки Ирины Ивановны Касьяновой (Васильевой)... / подгот. к публ. В. Хевсуришвили // Карелия. - 2005. - 5 марта. - С. 6.

Кашин, В. Ее военная молодость : ... почетный гражданин г. Петрозаводска Анна Филиппова ... / В.Кашин // Карелия. - 2008. - 17 апр. - С. 9.

Кашина, Ю. Моя бабушка : [о судьбе О. И. Кузнецовой] / Ю.Кашина // Карелия. - 2010. - 22 апр. - С. 16.

Киселев, В. Все они - добровольцы! : петрозаводчане - Герои Советского Союза / В. Киселев // Молодежная газета. - 2005. - 29 сент.-5 окт. (№ 39). - С. 10.

Котова, Л. Спасибо за мужество и безупречный труд : [о ветеранах Великой Отечественной войны В. Н. и В. Г. Симакиных из пос. Чална] / Л. Котова // Карелия. - 2010. - 27 мая.

Крошко, К. П. "Расстреляв всю деревню, немец пощадил только меня, сестру и маму" : [воспоминания Клани Павловны Крошко о Велик. Отечеств. войне / записала Мария Дмитриева] // Петрозаводск. - 2010. - 29 апр. (№ 18). - С. 23.

Кручинкин, С. Победный вальс : [о ветеране Великой Отечественной войны Вере Николаевне Фролковой-Юровской] / С. Кручинкин // Карелия. - 2006. - 14 сент. - С. 7.

Кручинкин, С. Я пишу о войне минувшей : подвиги на Карельском перешейке / С. Кручинкин // Молодежная газета Карелии. - 2010. - 6-12 мая (№ 19). - С. 19.

Кутьков, Н. В этот день цвела черемуха : Рассказ медсестры [Т.Н. Александровой (Беловой)] / Н.Кутьков // ТВР-Панорама. - 2004. - 26 мая. - С. 8.

Кутьков, Н. Клава Пикку : История 17-летней разведчицы К. Колмачевой / Н. Кутьков // ТВР-Панорама. - 2004. - 5 мая. - С. 3.

Лобышева (Боброва), А. Ф. "Пою и в паспорт не заглядываю..." : [вспоминает участница Великой Отечественной войны Анна Федоровна Лобышева (Боброва) / подгот. к публ. В. Хевсуришвили] // Карелия. - 2005. - 16 апр. - С. 11.

Лукьянов, В. Адвокаты по призванию : [О.П. Рыбалова] / В. Лукьянов // Лицей. - 2003. - № 2. - С. 8.

Манин, В. Снятся дороги войны : петрозаводчанка А.Д. Полякова помнит три войны XX века...- Зимнюю войну 1939 г., Великую Отечественную и войну с Японией 1945 г. / В. Манин // Курьер Карелии. - 2004. - 27 июля. - С. 2.

Машин, А. В сорок втором, в Колатсельге : 18 мая исполняется 90 лет со дня рождения Татьяны Ананиной / А. Машин // Курьер Карелии. - 2008. - 16 мая. - С. 6.

Миммиева, О. Клава вернулась домой после своей смерти : [о ветеране Великой Отечественной войны К. Е. Колмачевой] /О.Миммиева //Петрозаводск.- 2010. - 22 апр.(№ 17). - С. 19.

Миммиева О. "Я подвига в войну не совершила..." : [Воспоминания женщин о войне] / О. Мимиева // Северный курьер.-1995. - 22 апр.

Михайлова, Г. "Жизнь - она всегда интересная" : Женщина и война / беседу вела Н. Красавцева // Лицей.-1995.- № 3 . - С.11.

Михайлова, С. Воля к Победе : о ветеране войны Евгении Родионовне Кононовой / С. Михайлова // ТВР-Панорама. - 2008. - 30 янв. (№ 5). - С. 5.

Михайлова, С. Одна из горящего поколения : [воспоминания о Великой Отечественной войне] / С. Михайлова // Лицей. - 2009. - № 5. - С. 22.

Мошин, А. На войну уходили семьями : ... многие в Заонежье на [Великую Отечественную] войну уходили семьями / А. Мошин // ТВР-Панорама. - 2010. - 5 мая (№ 19). - С. 10.

Мурашев, Г. Фронтовичка : документальная повесть / Г. Мурашев // Север. - 1995. - N3. – С. 53-82.

Нейкен, Л. Подвиг прачки : [О М.Е.Уткиной] /Л. Нейкен // Карелия. - 1995. – 5 сент. - С. 5.

Нилов, Е. Командировка с пистолетом в ридикюле : Эхо войны : [О разведчице-пудожанке Анне Наумовой] / Е. Нилов // Северный курьер. - 1995. - 1 нояб.

Нифантьева, Л. Суйсарская легенда : [о судьбе радистки-подпольщицы Любови Тумановой и ее боевых товарищах] / Л. Нифантьева //ТВР-Панорама. - 2006. - 21 июня (№ 25). - С. 4.

Нифантьева, Л. У "Авроры" было особое задание : На том месте в Петрозаводске, где захватчики судили в годы войны разведчицу Евдокию Тарасову, стоит памятник подпольщикам и партизанам Карелии : [О Е. В. Тарасовой] : Ветераны / Л. Нифантьева // Курьер Карелии. - 2004. - 2 марта. - С. 3.

Новикова, А. Помогали друг другу как могли : [Воспоминания о военном времени] // Карелия.-1995.-18 апр.-С.4.

Ошевнева (Капустина), Г. Ф. Скажи, куда тебя забросила война? : [воспоминания петрозаводчанки о Великой Отечественной войне / записала и подгот. к публ. В.Хевсуришвили] // Петрозаводск. - 2005. - 28 апр. (№ 17). - С. 10.

Память, память, ты жива ... : [об участниках и очевидцах Великой Отечественной войны] / Н. Меккиева // Карельская Губернія. - 2006. - 10-16 мая (№ 19). - С. 8.

Пастушенко (Сидорова), Н. Н. Неизвестная война : из рассказов Натальи Никитичны Пастушенко (Сидоровой) - медсестры партизанского отряда "Вперед" / записал К. Гнетнев // ТВР-Панорама. - 2005. - 2 марта (№ 9). - С. 8.

Полвека спустя : Память : [Об участнице войны В.Н.Стасевич из Деревянки] // Сев.курьер.-1995.-20 сент.

Полонская, И. Маленькая докторша : [О боевой биографии Е.В.Пименовой] / И. Полонскаяи// Петрозаводск.-1995.-5 мая. - С.6.

Последний эшелон : [воспоминания о Великой Отечественной войне Валентины Петровны Павлениной, Тамары Михайловны Хоршуновой, Веры Леонидовны Лузиной, Людмилы Леонидовны Альшаковой, Лидии Петровны Шатовой / записала Л. Герасева] // Лицей. - 2010. - № 5. - С. 19.

Радкевич, И. Победительницы : "в победе над врагом есть и частичка нашего труда", - вспоминают жительницы Карелии / И. Радкевич // Карельская Губернія. - 2010. - 5-11 мая (№ 18). - С. 5.

Романова, Т. Телеграфистка Карельского фронта : [о Л. Шаблеевой] / Т. Романова // Курьер Карелии. - 2005. - 19 мая.

Сидоркин, В. Жизнь прожила достойно : [о судьбе петрозаводчанки З. С. Ефимовой] / В. Сидоркин // Карелия. - 2009. - 26 нояб. - С. 8.

Сидоркин, В. Путь длиною в век : его прошла петрозаводчанка Ольга Михайловна Ильюкова / В.Сидоркин // Карелия. - 2010. - 19 июня. - С. 5.

Слепкова, В. Не дожидаясь повесток : [Воспоминания о боевой юности] / В. Слепкова // Петрозаводск.-1995.-12 мая.-С.12.

Смирнова, И. Военно-полевой роман : [об участнице Великой Отечественной войны Т. Н. Дорогавцевой] / И. Смирнова // Лицей. - 2010. - № 5. - С. 18.

Соколова, В. Разведчица : [об участнице Великой Отечественной войны П. В. Семеновой] / В. Соколова // Карелия. - 2010. - 13 мая. - С. 15.

Соколовская, Ю. "Вся моя жизнь прошла в милиции ..." : юбилейная медаль "65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.." была вручена ветерану войны, жительнице Прионежского района, Антонине Ефимовне Мироновой ... / Ю. Соколовская // Молодежная газета Карелии. - 2010. - 6-12 мая (№ 19). - С. 9.

Сонников, Г. Войско в борьбе за изобилие рыбы : люди, о которых я хочу рассказать, сегодня назывались бы скромно - труженики тыла... / Г. Сонников // Молодежная газета Карелии. - 2010. - 29 апр. - 5 мая (№ 18). - С. 4.

Сорокина, К. Глазастая Нина [Жирнова] : [о бывшей партизанке] / К. Сорокина // Карельская Губернія. - 2005. - 18-24 мая (№ 21). - С. 11.

Сорокина, К. "Пусть судят..." : карельские партизаны гордятся собой и не боятся гнева финнов / К. Сорокина // Карельская Губернія. - 2005. - 4-10 мая (№ 19). - С. 6-7.

Станкевич, Р. Я не женщина, а солдат : [о ветеране Великой Отечественной войне А. И. Филипповой] / Р. Станкевич // Комсомольская правда. - 2010. - 22-29 апр. (№ 16). - С. 6. (Прил.: Карелия).

Степанова, Т. Т. Ты помнишь войну? : [воспоминания] / Т.Степанова // Север. - 2010. - № 3/4. - С. 228-232.

Тараканов, О. Жизнь прожить - не минное поле перейти : [о ветеране войны Вере Орловой (Григорьевой)] / О. Тараканов // Карелия. - 2005. - 2 апр. - С. 8.

Тараканов, О. От Карелии до Восточной Померании прошел боевой путь супругов Иконниковых, Надежды Егоровны и Сергея Алексеевича : [о ветеранах Великой Отечественной войны] / О. Тараканов // Карелия. - 2009. - 22 сент. - С. 5.

Тараканов, О. По минному полю : [о ветеране Великой Отечественной войны В. О. Кирилловой] / О. Тараканов // Карелия. - 2010. - 2 марта. - С. 6.

Тараканов, О. Сестра милосердия : эхо блокады : [о судьбе В. Н. Калининой] / О. Тараканов // Карелия. - 2010. - 2 февр. - С. 7.

Тараканов, О. Только на войне сразу распознаешь врага ... : [о ветеране Великой Отечественной войны Т. В. Ждановой] / О. Тараканов // Карелия. - 2010. - 2 марта.

Тарасова (Аникиева), Е. В. У каждого своя война : [беседа с ветераном Великой Отечественной войны Евдокией Васильевной Тарасовой (Аникиевой) / беседовала С. Горох] // Лицей. - 2010. - № 5. - С. 11.

Хевсуришвили, В. В пограничном отряде : женщины на войне : [о петрозаводчанке Нине Федоровне Мартыненко]/подгот. В. Хевсуришвили//Курьер Карелии.- 2005. - 17 марта. - С. 3.

Чаженгина, В. Тот поющий, тот цветущий юный май : [об участнице Великой Отечественной войны З. Б. Чаженгиной] / В.Чаженгина // Лицей. - 2010. - № 5. - С. 18.

Чумбаева, Д. Валя, Валечка, Валентина Романовна : [рассказ о жизни В. Р. Степановой в годы Великой Отечественной войны] / Д.Чумбаева // Лицей. - 2010. - № 5. - С. 13.

Шабиев, Н. За рулем - одни девочки : героическая судьба А. Зотиковой / Н.Шабиев // Курьер Карелии. - 2005. - 25 апр. - С. 13.

Шпильков, Р. Могикану от Рыжего. Срочно : [о подпольщиках Карельского фронта] / Р. Шпильков // ТВР-Панорама. - 2007. - 9 мая (№ 19). - С. 7.

Шпильков, Р. Тому шестьдесят лет и два года : 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война : [О судьбе Е.В. Стоумовой] / Р. Шпильков // ТВР-Панорама. - 2003. - 18 июня. - С. 8.

Я помню, я горжусь! : [документальные фото из семейных альбомов участников Великой Отечественной войны] // Петрозаводск. - 2010. - 6 мая (№ 19). - С. 3-10; 19-23.

Якшин, А. Разведчица Катя - моя прабабушка : [об участнице Великой Отечественной войны Н. Т. Гавриленко] / А.Якшин // Карелия. - 2010. - 28 окт. - С. 15.

Электронные ресурсы

Исторические хроники военного времени : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://history-of-war.ru/genwini-v-godi-voini.html. - Заглавие с экрана.

Женщины в годы войны (фотоальбом) : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russian-sorma.21412s07.edusite.ru/p8aa1.html. - Заглавие с экрана.

Карельский фронт. Безвозвратные потери частей и соединений Карельского фронта 1941-1944 гг.: : [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
http://front.karelia.ru/site/biblio/P/?lang=rus. – Заглавие с экрана.

Роль женщин в Великой Отечественной войне : [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
http://www.a-z.ru/women_cd2/12/10/i80_62.htm. - Заглавие с экрана.

Великая Отечественная война. Статья 21. Участие женщин в Великой Отечественной войне : [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://otvoyna.ru/statya21.htm. – Заглавие с экрана.

Женщины-снайперы в Великой Отечественной войне : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.airaces.narod.ru/snipers/index_w1.htm - Заглавие с экрана.